

Николай Ольков

Собрание сочинений

5 том

Николай Ольков
Собрание сочинений. 5 том

«Издательские решения»

Ольков Н.

Собрание сочинений. 5 том / Н. Ольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905032-8

В 5 том вошли: роман «Хлеб наш насущный», повести «Клад», «Дорога к храму», «На восходе солнца», «Повстанец» и рассказы.

ISBN 978-5-44-905032-8

© Ольков Н.
© Издательские решения

Содержание

ХЛЕБ НАШ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Собрание сочинений

5 том

Николай Ольков

© Николай Ольков, 2018

ISBN 978-5-4490-5032-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Роман

– Бывакин, сразу после развода зайди к начальнику по воспитанию!

Сухопарый дневальный выкрикнул и повернулся к тумбочке. Старший по бараку, одетый в приличную тюремную робу с повязкой на рукаве, ткнул кулаком дневальному в лицо:

– Сколько вас учить, падло, чтобы правильно выговаривали!? Ты бы его еще гражданином или товарищем назвал. У всех вас, суки, только одно прозвание: зек, заключенный. Повтори приказ!

– Понял. Все мы с одним прозванием...

– Дурак! – он еще раз легонько ткнул в ухо, а дневальный уже до того вытирал кровь, которая сиротливо капала на грудь замызанной куртки. – Повтори по Бывакину!

– Понял! Заключенный Бывакин, после развода к начальнику по воспитанию!

– Вот так! Бывакин, ты понял? Тебя переведут в настоящую колонию, это тебе не малолетка. Я бы тебе дал наколочку, готовь пузырь, скажу, кому в ноги упасть, тогда жить будешь, а если как тут начнешь пальцы гнуть, головушку завернут сразу, как куренку. Иди.

Бывакин прошел быстрым шагом, голова приподнята, лицо безразличное, но настороженное, стрижен наголо, свежие красноватые шрамы украшают голову с обеих сторон, лицо скуластое, нос тоже подправлен, чуть вправо, глаза серые, внимательные, губы плотно сжаты, а за ними скрыты проемы от трех зубов, потерянных за два неполных года в детской колонии. О скором переводе «в настоящую колонию» он знал, потому что исполнилось восемнадцать лет, а в «детском садике» дальше не держат. Там ему отбывать еще два года.

Развод занятий окончился быстро, отряды неровными колоннами пошли в столярку, в пошивочный цех, только одна колонна свернула в столовую. Есть будут по очереди, последним может не хватить, тогда у столовки поднимут крик, прибегут начальник столовой и дежурный по зоне, могут выдать несколько булок хлеба и кусок маргарина. А могут и не выдать, могут построить и отправить на работу. И такое случалось. На тот случай у каждого бывалого есть в заначке кусочек хлеба – подсохший, пахнущий мышами и махоркой, но – хлеб, его ничем не заменишь.

– Бывакин! Родя! – земляк, из одного района, Толя Фрол, подбежал, лицо в слезах. – Сказали, что вас семерых повезут на взрослую зону. Я тосковать буду один-то. Полгода еще. Прощевай, может, доведется встретиться.

Начальник всем семерым объявил о переводе, предупредил, что в лагере с ними цацкаться не будут, там правила строже.

– Ну да, мы тут как в пионерском лагере жили, – усмехнулся здоровый мордатый паренек.

– Ребята, я вам прямо скажу: зона та не самая благополучная, произвола много, так что держитесь ближе к администрации, – словно по-товарищески советовал майор.

– Это как, в стукачи сразу записываться? – парень откровенно лез на рожон.

– Ну вот, Кожин, опять ты бузишь. Не в стукачи, а нужную информацию о настроениях в бараке сообщить – твой долг. Понял?

– Долгов не имею, гражданин начальник, за долги и перо могут вставить.

– Ну, с тобой, Кожин, говорить бесполезно. Хочу Бывакину подсказать. Ты парень толковый, но гордыню смирить придется. Есть в отряде начальник, есть авторитет, они следят за порядком, и тут никуда не поперешь. Молчи, но делай, что велено. Не перечь. Если что, то и администрация не поможет. Говорю вам это, ребята, потому что жалко вас. Самое главное – не потеряйте себя, не купитесь на обещания сладкой жизни на воле. Все, свободны.

На сборы осталось часа четыре, конвой будет в двенадцать, так что пожрать уже не удастся, а на новом месте хлебом-солью встречать вроде бы не должны. Родион собрал котомку и ушел за столярку, в стороне навалены стружки и опилки, прилег, чтоб не видно было от барачков. Почти два года здесь, а так и не привык. Друзьями не обзавелся, а врагов нажил быстро. На первой же неделе угодил в карцер, потому что троих избил подвернувшейся арматуриной. Те его повоспитывать подловили, тоже не с пустыми руками, а он крутанулся на месте и кусок железа словил, а с такой снастью быстро всех троих уработал. Кто-то свистнул, разбираться не стали, ты бил, ты и виноват. Родион понимал, что доказать ничего не сможет, как и дома, в той драке, за которую получил четыре года по малолетке. Да, складешок из кармана выдернул, но даже раскрыть не успел, свалил его верзила из старших классов, который проходу не давал, все выблядком звал. Он не понимал смысла, но грязь этого слова чувствовал, кинулся к матери, она вытирала его и свои слезы и шептала: «Терпи, сынок, наше горе, нам и переживать. Не гневи людей, прощай им обиды, ребяташки подразнят да забудут». Не забывали, на каждой перемене звали громко по этой кликухе, при девчонках, он долго терпел, а тут обида застила свет, выхватил ножичек из кармана и кинулся на обидчика. Что дальше было – не помнит. Забрали в милицию, держали два месяца, а потом суд и сюда. Теперь вот перемена. Родион спокойно ждал своей участи, на новом месте будет тяжело, работать придется, ребята говорили, наравне со взрослыми, режима он не боялся, драк тоже, если за правду. Только вот как ее узнавать, если у каждого своя правда?

Всю группу пополнения отправили на третий этаж большой кирпичной тюрьмы. В камере трое обитателей даже не поздоровались, один встал и молча указал на свободные двухъярусные койки у самых дверей. Родион сразу закинул свой матрас на верхнюю, чтобы не заводить спор.

– Эээ, пацан, а ты что такой согласный, сразу на верхнюю шконку? Не смелый, что ли? – спросил худой и бледный парень.

– Мне наверно больше нравится, – односложно ответил Бывакин.

– Подойди сюда, – это сказал полулежавший на подушках пожилой зек, был он в просторных светлых штанах и расстегнутой серой безрукавке.

Родион подошел, мужчина сел на койке, внимательно на него посмотрел:

– Твоя фамилия Бывакин? Был бы в годах, самое подходящее погоняло – Бывалый. Но тебе еще рано. Имя?

– Родион.

– Родя. Будешь Родя, понял?

– Понял.

– Мне про тебя сказали добрые люди. Сколько раз в карцере отдыхал? Он у вас по-другому както?

– Семь раз, тридцать три дня.

– Уважительно. Меня будешь звать Доктором. Рыжий, своди ребят на кухню, скажи, чтобы покормили. Родя, собери вот это барахло со шконки и унеси под порог, а сам сюда перейди. Ну, это после обеда.

Бывакин хотел спросить, чье это место, но вовремя одумался: никаких вопросов, если надо – скажут. Но по дороге на кухню Рыжий прогундел:

– Приглянулся ты Доктору, видишь, меня под порог, а тебя к себе ближе. Он любит поперешных, про тебя ему утром еще шепнули.

Бывакин ничего не ответил. После чашки теплой каши и кружки чая на душе стало веселее. Доктор велел застелить постель и лечь спать, он лег поверх суконного одеяла и сразу уснул. Ему приснилась степь, какой он ее представлял на уроках географии: ковыль растет выше колена, волнами колышется, а по этим волнам идет девушка в цветном халате, идет прямо к нему. Родион присматривается, но узнать не может, говорит себе, что не наша деревенская эта девчонка, а когда ближе подошла, Родион засмеялся: чужая совсем, смуглая, скуластая, глаза

черные с прищуром. Остановилась, смотрит на Родиона и тоже улыбается. Он хотел спросить, что это за степь и откуда девчонка тут появилась, но не успел, кто-то тронул его за плечо.

– Что приснилось, Родя, что ты так улыбался, будто по удо освободился? – Доктор подал ему горячую кружку с чаем: – Хлебни пару глотков, это чефир. Приходилось?

– Редко. За чефир сразу в шизо на сутки.

– Пей, я разрешаю.

Бывакин сделал два глотка, вязкая жидкость заполнила рот, язык онемел, голова зашумела. Такого он еще не пробовал, передал бокал и зажал руками голову.

– Возьми соль на язык, полегчает. Теперь слушай. Будешь при мне. Это я после объясню, для чего. Работать будешь только на кухне, это в тепле и всегда сыт. Мне будешь три раза жратву приносить, повара знают. Если кто-то невзначай обидит, даже из вертухаев, скажешь. Ни с кем не базарь, только по делу. Читать умеешь? Вечерами будем с тобой читать вроде как романы, в них интересная жизнь описывается. Я такой жизни не видел, потому интересно. А сейчас иди, скоро построение на ужин. Никуда не отлучайся, чтоб от переклички не отстать. Пошел!

Жизнь стала налаживаться. Покровительство тюремного авторитета Доктора было и благом, и наказанием. Доктор сразу предупредил, что рядом с ним и надежно, и опасно, потому что у него тоже есть враги. Бывакин это быстро почувствовал. На кухне месяца через три появился зек со шрамом через все лицо, по щеке и на лоб, шрам старый, и когда зек Рванный негодовал, но не мог проявить своих чувств, в себе держал, шрам выдавал его, багровел и надувался. Бывакин не видел, он учуял неладное и непроизвольно отпрыгнул от плиты, с которой с грохотом свалился котел с кипятком. Родион вскочил на кучу дров, и волна горячей воды его не достала. Отпрыгнувший в другую сторону Рванный выругался матом и прикрыл шрам рукой, знал, сволочь, что рана выдаст.

– Ты зачем котел столкнул, подстилка Докторская? Ты меня ошпарить хотел!

Рванный замахнулся, но Родя ловко перехватил руку и заломил ее, повалил Рваного в грязь кухни. Дверь распахнулась, и влетели два надзирателя с дубинами, видно, под порогом стояли. От удара дубинкой по спине Родя выгнулся, отпустил жертву и сходу сбил надзирателя с ног. Потом его били дубинками и сапогами, очнулся он в карцере, едва разлепил глаза от засохшей крови. Лежал, проверяя осторожными движениями, целы ли руки, ноги, позвоночник. Везде ждала боль, но он уже умел ее переносить спокойно, лишь бы не было переломов. За этим занятием его застали дежурный и врач.

Врач помог раздеться и все качал головой:

– Как же ты мог сорваться с такой верхотуры? Ты же мог насмерть разбиться. Тут болит? А тут? Похоже, товарищ капитан, переломов нет. А что с головой? Шумит? Еще бы! С такой высоты – и остался жив. Это просто чудо. Идти можешь? Пойдем в санчасть. Понимаешь, охрана думала, что ты пьян, и отправила в карцер. Бывает, знаете ли. Пошли.

Бывакин понял, что про верхотуру придумали вертухаи, чтоб не разбираться, упал, разбился, никаких вопросов. Знали, что воспитанный мальчик, звонить не будет. В санчасти санитар из зеков помог помыться, дал чистое белье, довел до постели. Раны и ссадины смазал какойто вонючей пастой, коекак перевязал. И тут вошел Доктор. Санитар исчез.

– Я все знаю, Родя. Рванный не тебе первому гадости устраивает, он моих людей постоянно гнобит. Но сегодня был перебор. Я запретил тебя трогать. А он ослушался, тронул. Ответит. Тебя хочу похвалить. Ты постоял за себя перед вертухаем, я тут пятый год, за все время третий случай, когда зек ударил это дерьмо. Вся зона будет тебя уважать, а ты будь осторожен, надзиратели могут отомстить. Я говорил сейчас с Хозяином, он обещал предупредить своих. Но это же мусора, ни одному слову нельзя верить. Я сказал, что не дай Бог! – всю зону подниму. Этого они боятся. Ладно, лежи. Будешь долго лежать, я тебе книжки принес, посмотри.

За последние два года у него не было столько свободного времени. Его кормили, делали перевязки, врач учтиво спрашивал, как дела и предупредительно информировал, что выписывать его не собирается и никто не торопит. Родион не мог найти объяснения, с какой стати авторитетный вор Доктор сделал его своим приближенным и теперь уже открыто защищал перед своими недоброжелателями. Ведь ничем особым он не отличался от других молодых зеков, были и сильнее его, и лицом красивее. Сам для себя он сделал предположение, что Доктора привлекла информация из детской колонии, что на зону приходит молодой и непокорный зек, а Доктор, видимо, уважал гордость и самолюбие. Но это его догадка, а спросить не у кого. Родион понимал, что не просто так пригрозил его Доктор, да он и сам обещал позже все объяснить. Наверное, вот это имел в виду заместитель начальника колонии для несовершеннолетних, когда предупреждал, чтобы не попали ребята под дурное влияние.

Принесенные Доктором книги оказались толкованиями уголовного кодекса, видно было, что Бывакин далеко не первый читатель, потому что на каждой странице он находил подчеркивания, галочки на полях, а то и целые абзацы были обведены жирными рамками. Читиво не особенно интересное, но Родион опасался, что Доктор может устроить проверку, а выглядеть глупо не хотел, потому читал, особое внимание обращая на уже отмеченные места.

Поздно вечером пришел Доктор. В палате никого не было, да и Родион уже задремал, привыкший к свободной жизни. Доктор позвал дежурного санитаря и велел ему погулять с полчаса. Остались одни.

– Родя, я обещал тебе чуть позже объяснить, для чего ты мне нужен. Я давно за тобой слежу, в вашей колонии был мой человек. Он должен был найти паренька серьезного, надежного, честного и прямого. Когда он назвал тебя, я узнал твое дело, понял, что ты мне подходишь, и все время знал, что у тебя и как. Да, твоей маме я каждый месяц отправляю небольшие деньги, как будто от тебя. Я ждал, когда тебя переведут к нам. И вот мы встретились. Скажи мне, Родя, ты действительно честный и порядочный человек? Именно в тех смыслах этих слов, которые заложены в них изначально? Я могу тебе доверять полностью и до конца? Не спеши. Это очень важно.

Бывакин молчал, дожидаясь следующего вопроса.

– Ну, говори.

– Вы можете мне верить, я сделаю все, что вы прикажете.

– Этого достаточно. Если ты меня обманешь, я повторю тебе эти слова перед тем, как убить тебя. Но – это крайность, до которой, я уверен, дело не дойдет. Слушай внимательно. Этот город (он написал на клочке газеты название, дал прочитать и тут же сжег) ты знаешь хорошо, потому запомни улицу (написал: «Заслонова», и тоже сжег). Там есть гаражи, со входа вправо седьмой бокс. Висячий замок замотан промасленной тряпичкой, внутренний забит литолом, чтоб не заржавел. Ключи найдешь под правым углом ворот, надо будет сбить разлитый бетон и копнуть на два штыка. Ключи тоже упакованы. В гараже смотровая яма, в ней несколько ниш, углублений, ключи положить при ремонте и прочее. Самая дальняя от входа с правой стороны ниша, раскапываешь ее и достаешь кожаный портфель. В нем доллары, Родя, в тот момент ты будешь самым богатым человеком в городе. Но деньги понапрасну не трать. Будешь брать по потребности, отчет представишь мне лично. Я смогу откинуться только через два года. Ты меня понял?

Бывакин четко сказал:

– Понял. Но у меня вопрос: если вы через два года выходите, какой смысл мне забирать эти деньги?

– Я знал, что ты это скажешь. Дело в том, Родя, что в Иркутске сидит человек, который знает эту тайну. Его погоняло Жмых. Он освободится раньше меня, и тогда можно забыть о заначке, он меня кинет, а потом просто уберет. Я договорился с начальством, на тебя уже

готовы все бумаги, их принесут в санчасть и ночью тебя вывезут в город, в машине переоденешься в простой костюм и сразу на вокзал, езды до того города шесть часов. Еще вопросы?

– Есть. Те, кто повезут, не вздумают выдавить из меня тайну? – Бывакин слышал про подобные истории.

– Нет. Просто они ничего не знают. Но с вокзала ты дашь вот эту телеграмму, тут все написано, что надо. Это начальнику тюрьмы. Я сразу буду знать, что все нормально. А эти люди – они сразу вернутся в зону. Утром будет объявлено, что ты сбежал. Надо сбить со следа моих конкурентов. Они понимают, что ты не случайно около меня появился, потому и чан с кипятком и прочее. А так – сбежал, и все тут. Я свою роль отыграю, чтобы они не подумали даже, что тайна уже за воротами тюрьмы. Все, я пошел. Санитару скажу, что он меня не видел, если жить хочет. Не прощаюсь, Родя, уверен, что мы с тобой встретимся. – Он пристально посмотрел в глаза паренька.

– А как вы меня найдете? – вдруг вскинулся Бывакин.

– Родя, не задавай смешных вопросов. Главное, будь в этом городе. Все.

Он резко встал и хлопнул дверью. Через минуту вошел бледный санитар.

– Ты что такой? – спросил Родион.

– Показалось, что Доктор был, а оказывается, он тут не появлялся. Даже испугался.

Бывакин повернулся на бок и подумал: «Вот и началась воровская жизнь. Это тебе не складешком деревенских ребятишек пугать. Зачем Доктор мне про город объяснял, ведь он же в курсе, что это рядом с домом, раз деньги переводил по адресу. А может и не сам, потому и не в курсе». Но уснул сразу, сбросив напряжение серьезного разговора.

Ночью стукнули в окно, Бывакин ждал этого сигнала, вышел из санчасти. Двое мужчин толкнули его вперед, в глубине двора виднелась машина, шли к ней. Посадили в салон, дали одежду и пакет с бумагами. Машина тронулась, прошли проходную, выехали на трассу в город. Одевался на ходу, пакет спрятал во внутренний карман куртки. У вокзала его высадили. Никто за всю дорогу не сказал ни слова. Родя быстро прошел в туалет, открыл пакет, вынул справку об освобождении и деньги. Немного, но на билет и пожрать хватит. В окошко телеграфа сунул заполненный бланк, заплатил и прибрал в пакет квитанцию. Билет купил в плацкартный вагон, в буфете пожевал пирожков с горячим чаем. В вагоне запрыгнул на верхнюю полку и сразу уснул. Да, Доктор знал, что это его город, областной центр, от которого до родной деревни три часа на автобусе. Из школы сюда ездили на соревнования, просто поболтаться по магазинам и киношкам.

Прожив на свете восемнадцать лет, Родион Бывакин никогда не вспоминал прошлое, жизнь в деревне, мать, друзей, школу. Но он никогда не задумывался и о будущем. Или кто-то ему подсказал, или сам догадался, что на зоне для несовершеннолетних действуют те же порядки, что и в большой тюрьме, что надо вести себя так, чтобы ни у кого не было к тебе претензий, чтобы ты никому не мешал, никого не раздражал. Родион быстро понял, что в жизни так не бывает. Из ста человек всегда найдутся дватри, которым ты просто не нравишься: не так ешь, не так спишь, не так сидишь на очке. Могут предьявить, тогда надо ответить или сразу драться. Вспыльчивый и самолюбивый паренек никогда не дожидался крутого наезда, сразу сбивал главаря, а потом – кому как повезет. До суда ему говорили, что на детской зоне нет карцера – хотел бы Родион сейчас взглянуть в глаза того сердобольного адвоката, который так и не сумел ухватиться за случайную проговорку прокурора, что подсудимый, к счастью, не успел раскрыть нож. Суд мог пойти по-другому, это ему потом объяснили, но дело сделано, свое время до совершеннолетия он отсидел.

Место Доктора в своей судьбе он так и не мог определить. Не просто так авторитет добился его условнодосрочного освобождения, дал столь серьезное задание. Разве у него не было выбора? Ого, еще какой, каждый бы согласился за удо посторожить заначку Доктора.

Но он выбрал Бывакина, да еще заочно. Что такое он про него знал? Проверил и поверил. Родион не стал спрашивать, как он станет хранить такую кучу баксов, и уже в поезде решил, что Доктор не стал бы возражать против снятия отдельной квартиры. А потом вдруг подумал: город большой, всякого люду полно, просочится чтонибудь про бабки – на ремни порежут, мать начнут казнить, выдают правду. Если в живых оставят, что Доктору скажешь? Ему все равно, не сумел исполнить – отвечай. И слова повторит перед смертью, как обещал. Потому решил: найду деньги, и сразу в деревню, там можно надежно спрятать, да и кто искать будет?

На улице Заслонова побывал несколько раз, присмотрелся: гаражи обитаемы, но с утра все уезжают в город или на дачи. Прошелся рядом с седьмым боксом – вход травой зарос, а вот белесый блин бетонной заплатки чист. Три дня просидел в кустах напротив въезда, вычислил, когда дежурит пожилой алкаш, он приходил утром с похмелья и целый день спал в своей конуре. Бывакин нашел в заборе пробоину, просунул лопату, сам пролез, ободрал кожу на плече, быстро и осторожно прошел к седьмому боксу, сбил бетон и вдавил лопату в землю. Копал быстро, постоянно оглядываясь. Теперь выбора не было, даже кто и спросит, то надо все, что угодно употребить, но ключи выволочь и двери открыть. Лопата зацепилась за клочок кожи, Родион потянул и выдернул сверток. Быстро зарыл ямку и прикрыл цементной лепешкой. Никого. Да и не заметно никаких перемен. Развернув ключи, Родя открыл висячий замок, потом внутренний, чуть приоткрыл половинку ворот и прошмыгнул во внутрь. На коленках просунулся наружу, расправил смятую траву, притянул воротину. Осторожно в полумраке спустился в яму, нашел нужную нишу, стал расширять ее и копать внутрь. Просовывал руку, выгребал землю, но никакого тайника. Нашел под ногами железяку, стал протыкать в глубину и понял, что до свертка всего полштыка лопатных. Опять подрезал грунт, руками выгребал глину, нащупал кусок ткани, потянул, выпал масляный сверток. Размотал ткань, потом бумагу, потом несколько пластиковых пакетов, и в желтом кожаном портфеле увидел то, что искал. Он выкатил на грязные руки скользкие новенькие купюры и удивился: все они были по сто долларов и было их тут столько, что портфель чуток подрадуло. Бывакин сунул портфель под куртку и вылез из ямы.

Он оцепенел, когда дверь гаража открылась, и в проеме оказался сторож алкаш с железным прутом в руках.

– А я слышу – ктото возится в боксе. Думаю: машины нет, хозяина вообще не видел ни разу – кто же там может быть? А тут грабитель!

Парень быстро нашелся:

– Какой я грабитель? Да и что грабить? Дядя сказал, что от жены прятал несколько бутылок водки, все обыскал, только одну нашел.

– Где она? – живо поинтересовался сторож.

– Вот, – он вынул из кармана бутылку и похвалил себя, что на всякий случай припас.

Сторож возмутился:

– Тогда какого хрена тут стоять? Пошли ко мне.

Вышли, Родион закрыл оба замка, а сторож был уже у своей будки.

– Иди сюда, – позвал он, пряча бутылку за пазухой, чтобы кто из водителей не заметил.

Парень махнул рукой:

– Нет, пей один, меня друзья ждут.

В автобусе он восстановил все, что произошло. Старик в темноте бокса не мог разглядеть его лицо, а потом Родион все время старался держаться спиной к воротам. К тому же вязаная шапочка, которую он быстро опустил на глаза, хорошо его укрыла. Сторож сейчас выглотнет этот пузырь и навсегда забудет, кто его угостил.

На рынке купил джинсовый костюм и спортивные туфли, за углом переоделся, старую одежду бросил в крапиву. В тот же день уехал в деревню.

Давно ли в милицейском узике увозили Родиона Бывакина по этой дороге, а как многое изменилось! Поразился, что придорожные увалы, когда-то гудевшие спелым колосом, заросли бурьяном. На заливном лугу, где он пацаненком вместе с друзьями возил копны сена к стогу, который умело укладывал дядя Ваня Лопушонок, было безлюдно, в разных местах сиротливо торчали копны. А тогда густо стояли стога, и с дороги, с вышины, могло причудиться, что кто-то большой и сильный так расставил их по лугу.

На зоне, которую начальство называло воспитательной колонией, осужденного определили в восьмой класс, он ухватился за учебу, как за спасение от безделья в свободные от работы часы. Именно тогда возникали карты, появлялся странный дурмящий табак, возникали кемто спровоцированные драки. Родион уходил в свободный класс и читал книги из большого пыльного шкафа, тут и застала его учительница литературы и русского языка Анна Викторовна.

– Бывакин? А я заметила, что книги в шкафу меняются местами, значит, кто-то же их переставляет? Что читаешь? Бунина? Странно, – она с улыбкой смотрела на паренька. Он ответил односложно:

– Нравится.

– А что тебе в нем нравится? – не унималась учительница.

– Не знаю. Читаю, и мне хорошо, забываю, что в неволе.

– Сколько тебе лет, Бывакин?

– Семнадцать, – ответил Родион и смутился.

– А сидеть еще?

– Много...

Она обняла его за голову и прижала к груди:

– Бедный мальчик!

Бывакин быстро высвободился:

– Вы что, Анна Викторовна, а если ребята увидят?

Анна Викторовна смущенно улыбнулась:

– Что ж ты такой пугливый? Ни разу девушек не обнимал?

Родион промолчал. Он все еще ощущал на своей щеке ее мягкую грудь и ласковые пальцы на шее.

– Бывакин, я живу в доме по ту сторону забора. Купила шкаф, а собрать некому. Ты мне поможешь?

Родион улыбнулся, он до сих пор не бывал «по ту сторону», казалось, что это недостижимый, запрещенный ему мир.

– Кто меня пустит? – обреченно ответил зек.

Анна Викторовна обрадовалась:

– Ты согласен? Я договорюсь. Мне начальник разрешит.

Родя огляделся по сторонам:

– Анна Викторовна, только чтобы никто не знал, засмеют.

Она сказала после урока, что в шесть часов он должен быть у проходной. Воспитатель в группе будет знать и не потеряет.

Бывакин подошел к проходной, Анна Викторовна подала дежурному бумажку, тот кивнул и напомнил:

– В девять быть на месте, иначе побег. Понял?

– Он все понял, – ответила за него Анна Викторовна.

Прошли вдоль забора, повернули на асфальтированную дорожку, вошли в подъезд двухэтажного дома. Анна Викторовна открыла квартиру, пропустила гостя и включила свет. Большая комната, кровать, шкаф, кресла.

– А что собирать? – спросил Родион.

Анна Викторовна подошла к нему и ладошками осторожно коснулась щек:

– Бывакин, ты такой славный, такой красивый. Вот полотенце, в ванной титан подтоплен, помойся горячей водой, а я тебе белье чистое приготовлю, – она опять крепко его обняла.

Парень пытался сопротивляться:

– Анна Викторовна, нас позавчера в баню водили.

Она отпустила его, чмокнула в щеку, взяла под руку:

– Пошли, я открою тебе воду, глупенький.

Родион помылся и насухо обтерся полотенцем. Чистые трусы и футболка, спортивные штаны лежали на табуретке. Оделся, снял крючок, вышел. Анна Викторовна уже была в светлом халатике, цветную косынку мяла в руках.

– Бывакин, Родик, ты такой большой, настоящий мужчина. Голодный, правда?

Родион ответил:

– Нет, нас в обед кормили.

– Родик, обними меня, я совсем про другой голод...

...В половине девятого звякнул будильник.

– Я включила, чтобы ты не опоздал. Я бы ни за что не очнулась. А ты? Родик, милый мой, я тебе не нравлюсь? – с придыханием спросила Анна Викторовна.

– Нравишься. Только я тебя стесняюсь, – смутился Бывакин.

Она опять крепко его обняла:

– А в постели ты был настоящим мужиком, не особо стеснялся своей жертвы.

Парень окончательно потерялся:

– Простите, если что не так. В другой раз другого вызовите.

– Родик, милый ты мой, да ты мне люб и приятен, ни на кого не променяю. Да, вы с ребятами про женщин говорите? – вдруг спросила Анна Викторовна.

– Бывает, – пожал плечами Бывакин.

– А ты про нас не рассказывай. Я тебя часто буду вызывать. Начальник колонии мой дядя. Я с мужем развелась, жить негде, вот он и предложил, работу и квартиру. Родик, милый, тебе нравится со мной?

Парень не знал, что сказать, ему не с чем было сравнивать, помолчал, пытаясь осмыслить, что случилось с ним за эти два часа, улыбнулся:

– Я не помню почти ничего.

– Родик, зови меня Аннушкой, когда мы одни. Согласен?

Родион кивнул.

– Ну, что же ты такой упрямый! Ты же мужчина, Родик, сильный мужчина, а я твоя рабыня здесь, в этой комнате. Ну, не молчи, милый, – и принялась целовать его в губы, в шею, в грудь.

Он чувствовал, что помутилось в голове, подхватил женщину на руки, крепко прижался к горячему телу:

– Аннушкой буду звать, обнимать и целовать буду до безумия, ты такая сладкая, такая вся...

Он бежал эти триста метров, как никогда не бегал, потому что надо было пересечь границу между Аннушкой и тюрьмой не позже девяти. Вскочил в проходную, караульный улыбнулся:

– Как шкаф? Собрали?

– Какой шкаф? – задохнулся зек, потом спохватился: – Собрал. Шурупов не хватило.

– Молодец! – засмеялся караульный, совсем молодой офицер. – А с шурупами у тебя все в порядке. Я живу рядом с Анной Викторовной, она хорошая женщина, ты плохого не думай.

...Бывакин вернулся из приятных воспоминаний. Аннушка приезжала к нему на свидания каждый месяц, но их не оставляли одних, только в присутствии надзирателя. Даже поцеловать ее он мог только при встрече и при расставании, тогда надзиратель снисходительно отво-

рачивался. А теперь надо написать ей письмо, чтобы приехала к нему в город. Летом у учителей обычно отпуск. Только как писать? Там же все знают, что он сбежал. Нет, Аннушка всеравно выпытает у своего дяди правду и будет рада весточке.

В деревне автобус остановился около магазина, Родион выскочил и, не глядя по сторонам, зашагал в сторону дома. Мать поймалась за дверной косяк, бессильно опустила на колени:

– Родя, сынок, родно мое...

Он поднял мать, обнял и ткнулся, как в детстве, в плечо, привычно загоняя вовнутрь чувства и слезы. Родной дом, печка, полати, крашенный пол, божничка со святыми, его портрет, незадолго до посадки снимал в школе заезжий фотограф.

За столом сидели напротив друг друга, мать вытирала глаза уголком фартука, сын молча ел жареную картошку и припивал простоквашу. Он с детства любил так есть, можно даже без хлеба. Кусок хлеба, домашнего, печеного на поду, по привычке сохранил – на всякий случай. Облизал, как положено, ложку и положил рядом со сковородкой.

– Спасибо, мать.

– Сынок, Родя, ты почто меня матерью назвал? Я ли не мать тебе родная? Ты чему там обучился, в тюрьмах этих проклятущих? – она заплакала горячими слезами, вытираясь подолом фартука.

Родион спохватился:

– Сорвалось, мама, отвык. Не серчай, я теперь взрослый, огрубевший мужик, такая жизнь, мама. А ты как?

Мать вздохнула:

– Как и все, родной. Колхоз наш совсем захирел, платить путем не стали, сено нынче последний год выделили, больше не ждите. А без сена какая корова? Сдам хачикам. А, можа, держать будем, самто в доме останешься, сподобимся на одну-то голову?

Родион знал, что в эту сторону разговор повернется, для матери самое главное, чтобы сын рядом был, тем более, что не с приисков явился, а из тюрьмы. Как ей в первый вечер сказать, что он только на пару дней, и снова в город, надо свое место там искать.

– Без коровы не останешься, мама. Я уеду, буду помогать деньгами. Проживешь.

– Родно мое, так денегто у меня дивно скопилось от твоих переводов. Я самую малость, когда уж совсем ничего, использовала. Да куме Апросинье давала, когда ейного Гриню в цинковом гробу привезли, шептались, что из южной страны, только командиры ничего не велели делать, так и не открыли гроб-то. Сама Апроха до сих пор не верит, что сына закопали. А, можа кирпичи наклали вместо Гриньки-то? Солдатик сопровождал, под стаканчик говорил, что иных на прах разносит бомбой, вот чего вместо него родным отправят? Знамо, что накладыт тяжелого, вот и оплакивай. Ой, Родя, не ехал бы ты в чужую сторону! Поди, спознался с жуликами, можа, кого в карты проиграл? Кайся!

Родион улыбнулся, обнял мать:

– Все будет хорошо, мама, не переживай. В карты не играю, жуликов не знаю. Делом займусь.

– Деньги заberi, они тебе нужней на первых порах. – И положила перед сыном большую пачку, не скупился Доктор, хорошие приветы слал от сына.

– Родик, а не твоей рукой адреосто писан. Пошто так? – сурово спросила она.

– Мама, я же не на курорте был, вот и просил людей с воли, чтобы отправили. Деньги прибери, и не куркуй, расходуй, на продуктах не экономь.

А докторские деньги проклятые из головы не выходили, куда их прибрать, пока он объявится? В доме и пристройках исключено, не приведи Бог – огонь, потом рассказывай Доктору про схрон в коровьем пригоне. Лежа в постели, все прикидывал, куда клад заложить. И вспомнил про Гриню, мать говорила, что большой памятник ему из военкомата привезли. Пойти днем, посмотреть, все поймут, что проведал, а ночью зарыть под памятник. Вечное

место. Успокоился, что нашел решение, уснул. Приснилось ему море, тихое, спокойное, даже цвет различает: голубое, с отливом. Плещется, к берегу нежной водой прикасается, а по мокрому песку идет девушка. Присмотрелся Родион – та самая девчонка, что по степи шлялась, ковылем играла. Обрадовался, чтото ей говорит, а она внимания не обращает, идет по бережку и смотрит вдаль. Проснулся, вздохнул с улыбкой: откуда она в его сны прибилудилась? И море, и степь он ни разу в жизни не видел, тоже – откуда? А девчонка красивая, хоть и не наших кровей. Повернулся на бок и уснул, накрывшись сбившимся от старости ватным одеялом.

Через два дня, исполнив все, что наметил, Родион утренним автобусом уехал в город.

Денег из кожаной сумки Доктора Бывакин взял достаточно, чтобы прожить год, если не подвернется подходящая работа. На что он мог рассчитывать, парень без образования, без профессии, со школьным аттестатом, который на прощание принесла ему Аннушка? Посмотрев объявления, он записался в школу автомобилистов, понимая, что права в жизни все равно пригодятся. Занятия начинались вечером, день был свободным, Родион читал, лежа на диванчике в своей скромной квартирке: большая комната, душ, телефон, даже новинку приобрел, сотовый телефон. Правда, звонить особо некому, но пусть лежит. Ближе к вечеру ходил в магазин, закупал продукты на завтрашний день.

Драку он увидел сразу, но вмешиваться не стал, так учил Доктор: «Не твое – не встречай, надо – позовут, да и то подумай». Позвали. Истошный девичий крик: «Они его убивают!» сорвал с места, Бывакин увидел троих парней, упоенно бивших ногами лежащего ничком человека. С разбега сбив двоих, он тут же ударил в горло третьего, тот захрипел, ртом пошла кровь, друзья схватили его под руки и поволокли за угол. Родион подошел к лежащему, тронул жилку на шее – живой. Подбежавшая девушка просила вызвать скорую, кто-то побежал в магазин звонить, он поднял свой пакет и пошел на тротуар.

– Постойте! – окликнула девушка. – Остановитесь, я не успела поблагодарить вас. Вот моя карточка, позвоните завтра после восьми вечера, я буду дома. – Она своей косынкой вытирала кровь с лица молодого человека. Поняв, что он третий лишний, Родион буркнул:

– В это время не могу.

– Хорошо, можно позже, – она с умилением смотрела на спасителя.

– Зачем? – Родион пожал плечами.

– Вы спасли моего брата. Я приглашаю вас в гости. Извините, скорая подошла.

Бывакин вернулся, помог загрузить парня, девушка тоже села в машину, он сообразил, что может подскочить и милиция, а ему эта встреча ни к чему. Быстрым шагом прошел до поворота, посмотрев предварительно, не поджидают ли те трое. Нет, все чисто. Выложив продукты, Родион сел в кресло и достал визитку. «Сопредседатель губернского Императорского собрания Княжна Лада Станиславовна Бартенева-Басаргина». Родион засмеялся: княжеского отпрыска отметилили трое городских хулиганов, а он попал в спасители. Бросил визитку на стол, стал собираться на занятия.

На автобусной остановке заметил одного из драчунов, он огляделся и довольно смело подошел к Родиону. Тот напрягся: что у него на уме, а если перо в рукаве? Но парень улыбнулся:

– Не бойсь, я чистый, – он вынул руки из карманов и показал ладошками вверх. – Разговор есть. Отойдем?

– Только короче.

– Короче некуда. Ты дерешься здорово, а нам нужны такие парни. Я Шура, еще Володя и Леха. Мы эту пару давно пасли, там было что потрошить, да только сумочку девкину урвали да часы с ее шеи успел сдернуть, а тут ты. Давай к нам, нынче есть кого пощупать.

– Часы и сумка у тебя?

– На хате.

– Завтра в десять придешь на это место и все принесешь, а потом базарить будем. Это я пока прошу, – и запрыгнул в подошедший автобус.

Хорошенькое дело – заявиться в княжеский дом с такими подарками, а княжна мила, прямо красавица. Понятно, бедному Роде ничего не светит, но хоть посмотреть на нее в домашней обстановке. Вполуха слушал преподавателя, все вспоминал лицо княжны, но всплывал только ее крик и разбитое лицо брата. Завтра он точно позвонит. А с утра надо заняться собой.

В десять часов он получил сумочку и часы, спросил, не пропало ли чего из дамского, парень зуб дал, что все чика в чичу. Он назначил разговор на пять вечера в кафе «Нирвана». Поехал в приличный магазин для мужчин, положил перед девушкой американскую десятку и попросил одеть его так, будто через час регистрация брака.

– С чего начнем? С белья? – с улыбкой спросила она

– Решай сама, – махнул рукой Родион. – Я в этом деле хуже, чем в любви разбираюсь.

С бельем проще, а вот с костюмами пришлось повозиться. Остановились на светлом итальянском и сером в полоску немецком. Туфли выбрали быстро, нога у Родиона стандартная, положили три пары. Сюда же полдюжины сорочек и столько же галстуков.

– Барышня, ты галстуки завяжи и засунь к тем рубашкам, к которым они подходят, а то я все перепутаю.

Девушка улыбнулась:

– Я бы такого клиента сама с удовольствием одевала.

Родион засмеялся:

– Рискуешь, милая, я парень холостой, могу и прицепиться к слову.

Она тоже засмеялась:

– Цепляйся, я тоже девушка свободная.

Бывакин осмелел:

– Ты когда освобождаешься, ну, в смысле – с работы?

– В восемь.

– Так я тебя встречу – он осмелел.

– Рискни! – в тон ему ответила девушка.

– Риск – моя стихия! – раздухарился Родион.

– Это я по деньгам поняла, – усмехнулась она.

– Проехали. Но я буду встречать.

Княжне он решил позвонить до встречи с продавщицей, все равно занятия сегодня пропали, надо еще с духариками разобраться, а если княжна пригласит прямо сегодня, то отговорится автошколой.

В пять часов в кафе пришли только двое, третий в больнице, но будет жить. Родион заказал по чашке кофе. Парни брезгливо поморщились:

– Мы с собой прихватили, – шепнул Шура

– Это без меня. О чем базар?

– Есть на примете хата, полная чаша. На выходные хозяева уезжают на дачу. Можно вынести прилично, – похвастал Леха.

– Еще.

– Фраерок один каждый день ездит в банк, сдает деньги. Это в восемь вечера. Возле банка никого. У него портфельчик в руках. Сбить, портфель в зубы, и ходу. Навар!

– Я вам зачем?

– Ты сильный. Нам его быстро не управить, – пояснил Шурик.

– Тогда вы мне зачем? – вполне резонно спросил Родион.

Парни заволновались:

– У нас наколки есть, но мы же тупые в этом деле, нам шеф нужен, чтоб научил драться и всему другому.

- С чего вы взяли, что я тяну на шефа? – поинтересовался Бывакин.
- Ну, по секрету: нам участковый сказал, что ты только что оттуда. Значит, толк знаешь. Бери нас, не пожалеешь. – Шурик уже почти просил.
- Так. Про хату все завтра изложите, до следующей пятницы можно готовить. За фраера вашего ничего не скажу, покажете, я определюсь. Все. Где вас искать?
- В гаражах на Заслонова. Там у нас бокс.
- Родион помолчал:
- Не пойдет. Если что – я участковому скажу, он передаст.
- Друзья испугались:
- Ты что, слить нас хочешь?
- Родион засмеялся:
- Чудаки! Этот мент в любое время на вас собаку повесит. Ни слова с ним, забудьте. Если потребуетесь – губной помадой мордочку нарисую на правой стенке остановки. Значит, в тот же день в пять вечера встречаемся. Меня не ищите. Все.

Достав карточку с номером и взяв телефонную трубку, Бывакин вдруг смутился: а что сказать? Былая отвага, подкрепленная модной одеждой и современной стрижкой, вдруг исчезла. Что у них за дом, может, коттедж с охраной, ковры прямо от калитки, испанские боевые собаки в вольерах? И сама она что из себя – княгиня или княжна? А, княжна – значит, не замужем. Хотя ничего княжеского во время той свары он не заметил. Махнул рукой: скажу, что украденное у меня, могу привезти в любое место, а если будет настойчиво приглашать (Родя поймет, если настойчиво) – придется поехать.

- Я вас слушаю, – приятный женский голос.
- Здравствуйте, меня просила позвонить Лада Станиславовна.
- Одну минутку, пожалуйста, я ее приглашу.
- Родион вытер лоб. «Ну, нашел причину волноваться. Избавлюсь от вещичек, и на выход».
- Слушаю вас.
- Это Родион, вы мне карточку дали после драки, а я вещи ваши забрал у грабителей, надо бы передать.
- Лада заметно обрадовалась:
- Ваше имя Родион? Это прекрасно. Запишите адрес и сейчас же приезжайте. Я встречу вас около дома.

Родион остановил такси, доехал быстро, около большого полустеклянного дома увидел ее, она была в легкой кофте и домашних туфлях. Увидев Родиона, быстрым шагом подошла и подала руку.

– Согласитесь, Родион, странное у нас знакомство. Сначала вообще никак, потом по телефону, и вот, наконец, вживую. Я рада вас видеть, пойдете в дом, папа и мама тоже ждут. Брат уже изрядно поправился, очень вам благодарен. – Она говорила без умолку, Родион даже слова вставить не успевал. Прошли большой вестибюль, поднялись в лифте, в дверях квартиры встретил побитый братец:

- Здравствуйте, Родион, мое имя Гавриил, можно просто Ганя.
- И меня по-простому Родя зовут.
- Замечательно. Проходите.

Да, такого Бывакин в жизни не видел, только в кино. В большой гостиной накрыт огромный круглый стол, вокруг стулья, больше похожие на кресла. Каждое место оборудовано тарелкой, салфетками, ложками и вилками, посередине стола большая посуда под крышкой. Лада представила родителей, довольно пожилых, но отменно выглядевших. «Постарше мамы будут, а как новенькие», – подумал Родион. Про себя повторил: «Станислав Сергеевич и Елена Дмитриевна».

– Молодой человек, вы не стесняйтесь, мы так вам благодарны за помощь нашему сыну, – нараспев сказал отец.

Родион вынул из пакета сумочку и часы. Опять благодарности и приглашение за стол.

– Мне бы руки сполоснуть, – он посмотрел на Гавриила. Тот кивнул, вошли в ванную, на кране Родя не увидел привычного барашка. Гавриил подставил под кран руку, вода потекла. Родион хмыкнул. Гавриил подал чистое полотенце.

Когда сели за стол, вошла молодая девушка в передничке, как официантка, взяла со стола бутылку и всем налила вина. Пока застолье переговаривалось и закусьвало, она аккуратно открыла большую посудину и всем налила суп. В ажурных тарелках тонкими ломтиками нарезан белый и черный хлеб. Такими тонкими, что они просвечивали. Родя вспомнил тюремные пайки и улыбнулся. Гавриил налил еще по бокалу всем мужчинам.

– Молодой человек, вам не кажется, что похожее знакомство уже где-то случилось и описано в одном из великих произведений мировой литературы? – пропел Станислав Сергеевич.

– Да, я читал про такое, вроде «Мартин Иден», а вот автора не помню.

– Ситуация похожа, но не совсем, – опять запел папаша. – Там спаситель был чуть ли не бродягой, а вы элегантный современный юноша. Простите, чем вы занимаетесь?

Родион смутился: сказать, что учится в автошколе? В такой обстановке? Или рассказать про три года тюрьмы, где и начитался умных книжек, вот, одна даже пригодилась? Надо врать, но аккуратно.

– Я только что приехал из Новосибирска, пришлось расстаться с родителями, они пытались направить меня в медицину. Осматриваюсь, думаю, найду занятие по душе.

Ганя уже ждал минутки, чтобы задать вопрос:

– Родя, мы прошлым летом с ребятами ездили на Байкал, сплавились по речке Селенге, немного, километров сто, потом трое заболели и нас вывезли вертолетом. Ты бывал в тех местах?

– Гавриил, что за фамильярность? Родион наш гость, и я не слышал, чтобы вы договорились перейти на ты! – возмутился интеллигентный папаша, подхватив на вилку солидный кусок семги.

– Папа, мы с Родионом почти ровесники, что нам официоз, правда, Родя?

– Согласен, – кивнул гость.

– Ну, впрочем, дело ваше. А вы, барышня, все молчите? – Отец повернулся к дочери. – На вас это не похоже. Вы у нас такая говорливая.

Лада начала, как будто долго репетировала эту речь, эмоционально, четко выговаривая слова:

– Друзья мои, я так благодарна Родиону за благородство и мужество. Все случилось так неожиданно, эти трое напали на Ганю сразу и сбили с ног, у меня вырвали из рук сумочку и часы с шеи. И тут появился Родион, это было явление возмездия и справедливости. Конечно, он герой, настоящий мужчина. Эти качества чрезвычайно редки сегодня. Думаю, Родион согласится бывать у нас и со временем стать другом семьи.

– Я рад, дочь моя, что ты высказала наше общее мнение. Родион, наш дом всегда открыт для вас, – просолировал папа.

Потом пили чай с вареньем, ели фрукты. Родя внимательно следил за Ганей, какой прибор он берет, и вроде все получалось. После обеда Гавриил развел руками:

– Родя, у меня тренировка, теннис, я должен тебя оставить на попечение сестры. Она расскажет обо всем, что тебя интересует. В том числе и обо мне, но ты не всему верь, ее суждения субъективны.

Лада попрощалась с родителями и подошла к Родиону:

– Я вижу, что вы смущены. Приглашаю вас в свою комнату, там много проще. И я все объясню.

В комнате ряд книжных шкафов, небольшой белый рояль, зеркало в красивой раме с бесчисленными флаконами на тумбочке и телевизор.

Она усадила гостя в кресло, сама села напротив:

– Можно, я тоже буду звать вас Родей? – Лада заглянула ему в глаза.

– И на ты. Терпеть не могу игры в вежливость

– Нет, не сразу. Между мужчинами – да. Кстати, я должна извиниться, что случайно дала вам официальную карточку, у меня есть и другая, повседневная. Княжна – это правда, но мы только пытаемся восстановить общение знатных фамилий. К сожалению, Родя, наследники, если и находятся, то изрядно измельчали. Представьте себе, предки большевиками были либо уничтожены, либо приручены. Следующие поколения вынуждены были скрывать происхождение и вместе с тем терять нравы и традиции. Многие нивелировались под пролетариат. Я историк по образованию, только что экстерном окончила Московский университет. Наши предки были людьми очень заметными, большие посты занимали в государстве, в революцию сохранились лишь благодаря вмешательству Максима Горького. Наш прадед слыл крупным специалистом по статистике, его взяли в Совнарком. Наша прабабушка, судя по фотопортрету, была красавицей. Они сумели сохранить часть драгоценностей и золотых изделий, потому выжили и их дети, и мои родители. Я не знаю, сумеем ли мы собрать достойных представителей древних родов, ведь сейчас титул князя или барона можно купить, и самостийная геральдическая палата нарисует вам и герб якобы родовой, и безукоризненную родословную.

– Так плюньте на все и бросьте! – Родион едва сдерживал себя. – Образованная умная девушка хлопчете за этих тупых и все потерявших.

Лада испугалась:

– Что вы, Родя, это очень важное дело. Мой папа считает, что эта власть весьма временная, у русских хватит ума, чтобы вернуться к монархии, а царя, как известно, играет свита. Мы должны собрать лучшие силы России в помощь будущему Государю.

Родя понял, что спорить нет смысла:

– Да мне вас жалко, только время потеряете. А для историка работы море. Я слышал от одного человека, что историю нашу исковеркали, извратили, подсунули нам пошленький вариант. Вот где надо копать. Ну, это ваше дело, простите меня, не мне вас учить.

Лада села за раскрытый рояль и стала тихо играть, этой музыки Родя никогда не слышал, она была спокойна и благодушна, и сама исполнительница скоро слилась с мелодией, смежила глаза, и звуки были все настойчивей, все призывней, Родя разволновался, вдохновенное лицо девушки было столь доступно и так желанно, что он шагнул к ней и нежно коснулся сомкнутых губ. Лада вздрогнула, музыка пропала, она встала и четко сказала:

– Никогда больше не делайте этого.

Родион очнулся.

– Конечно. Я же не княжеского происхождения! – он пошел к выходу, путаясь в дверях, наконец увидел входящую девушку, ту, что обслуживала стол, слегка подвинул ее и вышел на площадку. Лифт, он никогда им не пользовался, увидел лестничный пролет, побежал по ступенькам и уже в вестибюле чуть не сбил стоящую у выхода Ладу. Она поймала его за руку:

– Родя, простите меня, ваш поцелуй был столь неожиданным, что я испугалась своей доступности. Что вы про меня могли подумать?

Родион осторожно высвободил руку:

– Уже ничего. Я ничего не буду о вас думать, как и предки мои, сибирские крестьяне, никогда и ничего не думали о князьях Бартеневых Басаргиных. Я был дерзок сословно, но прав как мужчина, который видит красивую женщину и хочет ее поцеловать. Прощайте.

Он приподнял Ладу под локотки и поставил в сторону. На улице облегченно вздохнул.

Шел тротуаром и грязно матерился, что, как пацан, клюнул на блестяшку: «Княжна Лада Станиславовна! Обыкновенная баба, а строит из себя. Да в гробу я видел ваши благородные собрания!». Он сорвал галстук и сунул его в карман пиджака. Таким же быстрым шагом перешел площадь и оказался перед магазином, в котором делал покупки и встретил симпатичную девушку. Он ей точно понравился, да и она хороша собой. Ах, былане была – зайду!

Девушка даже не скрывала, что рада его появлению.

– Обманщик, допытывался, когда рабочий день заканчивается, я выскочила, думала, ждет ухагор, а он в новый костюмчик вырядился и уже девушек соблазняет.

Родя развел руками:

– Ругай меня и можешь даже легонько ударить по щеке. Как тебя зовут?

– Настена, – с улыбкой ответила она.

– А я Родион. Видишь, как все просто. До восьми еще далеко. Повяжи мне галстук, а то я, как хулиган.

– Пройди в примерочную.

Она приняла галстук, подняла руки и приподнялась на цыпочках, чтобы переложить его через голову, но Родя охватил ее руками, прижав груди к самому лицу. Настена опустила на всю ступню и они стали целоваться, нежно, крепко, не боясь, что кто-то войдет.

– Отпусти, у меня через полчаса смена кончается. К тебе поедем?

Родион тут же у магазина купил букет роз, остановил такси, вместе зашли в продовольственный магазин, набрали продуктов.

– Родик, а вина ты не берешь? – спросила Настена.

– Я не пью.

– А я бы выпила, – вздохнула она.

– Без меня. Терпеть не могу женщин с запахом.

– Да я так, для смелости, – Настена уже оправдывалась

Он обнял девушку за плечи:

– Смелости у нас хватит и без вина. Ты куришь?

– Иногда, – смутилась девушка.

– Никогда. С сегодняшнего дня. Согласна?

– Да с тобой я на все согласна, Родик, – преданно улыбнулась и чмокнула его в щеку.

Настена была удивлена скромностью квартирки, она думала, что такой состоятельный парень живет по крайней мере в трехкомнатной. К удивлению хозяина, она скинула платье, перетрясла холостяцкую постель, застелив свежей простыней, налила ведро теплой воды, нашла швабру и отдраила запущенный пол. Ушла в душ, вернулась, завернутая в простыню, и выдохнула:

– Сил нет терпеть, Родя, на кухне потом приберусь.

...Она лежала у него на руке и гладила непослушные волосы. Он молчал. Настена сказала, что она приехала из деревни, живет в общежитии, вот только что устроилась нормально, магазин хороший и зарплата приличная, можно даже родителям послать. Учиться собирается поступать в будущем году, но надо бы на бюджетное место, платить нечем. Сказала, что хотела бы замуж выйти за хорошего человека, детей нарожать, дом свой иметь.

– Я дура, правда? – она резко повернулась к Родиону. Он лежал, глядя в потолок. – Ты не слышал меня? – Настена хотела обидеться.

– Все девушки этого хотят, мужа, детей, дом. Если ты меня имела в виду, Настена, то напрасно, – спокойно сказал он.

– У тебя кто-то есть? – испуганно спросила она.

– Да, – ответил Родион. – У меня есть один человек, которому я многим обязан, и который не отпустит меня до конца жизни. Это мужчина, Настена, очень серьезный мужчина.

Она приподнялась на локотке:

– Что-то я тебя не пойму, Родик, ты вполне нормальный, и причем тут мужчина?

И тогда Родя рассказал ей все: про подростковую драку в деревне, про детскую колонию, про перевод на зону и про Доктора, который спас его и тем повязал навсегда. Настена испуганно присела на постели.

– Родик, откуда у тебя такие деньги? Ты бандит?

Родион усмехнулся:

– Пока нет, Настена, не бойся, а то посуда на кухне останется немытой.

Девушка заплакала:

– За что я злосчастливая такая, встретила хорошего человека, влюбилась, а ему ничего не надо, ни детей, ни дома. Родик, что мы теперь будем делать?

Он ничего не ответил, сходил на кухню, вернулся с двумя чашками кофе и плиткой шоколада. Стал тихо говорить о том, что будет. Пока будет так, что Настена переедет к нему, вечерами будет готовиться к экзаменам в институт. Где был Родя и что делал – ей знать не надо. Если кто-то придет и спросит, сказать, что ушел по делам, если останутся – вместе с ними ждать, но в окне на кухне задернуть правую занавеску. Начнут расспрашивать – рассказать все про знакомство, про любовь, но ни слова о его прошлом, ты ничего не знаешь, а он ничего не говорил.

Вечером съездили в общагу, Настена собрала свои вещи, разложила в отдельном ящике шкафа. Началась совместная жизнь.

Бывакин вечером, как всегда, пошел в магазин за продуктами и увидел Гавриила. Ганя явно его поджидал.

– Здравствуй, Родя! Ты так внезапно исчез, ни адреса, ни телефона. Наконец, я вспомнил, где меня били, и пришел на это памятное место. Я правильно рассчитал, что ты появился тут не случайно, и часто бываешь. Вот, третий вечер караулю.

– Зачем? – спросил Родион.

– Родя, я не знаю, что между вами произошло, но Лада с ума сходит, она влюблена в тебя, я так понимаю. Она умница, красавица, но всегда была увлечена прошлым нашего рода, хотя я так и не пойму, зачем все это ворошить? Она по этой причине вообще не имела контактов с парнями, ты первый, на кого она обратила внимание, и теперь уверена, что это любовь. Каково?

Бывакин не знал, что ответить. Эта княжна может вбить себе в голову все, что угодно, но Родя тут причем? Да, она ему понравилась, он даже пытался поцеловать, но получил такую отповедь! Гане сказал:

– Нет, Ганя, любви тут нет. Ты ее успокой. Я простой деревенский парень с темным прошлым и еще более темным и неопределенным будущим, что для княжны совсем не подходит.

Гане, видно наказано было без положительного ответа не возвращаться:

– Прости, Родя, она просила убедить тебя прийти к ней в гости. В крайнем случае дать свой телефон. Можешь?

Родион продиктовал номер домашнего и уточнил, что звонить лучше вечером, днем он занят делами.

Ганя не унимался:

– Ты знаешь, Родя, а как было бы здорово, если бы вы с Ладой поженились! Она добрая, спокойная, ласковая. Прости, но я почти уверен, что она любит тебя. А если ты вдруг отвернешься, эта девушка на все способна. Ты немного пообщайся с нею, а потом найдешь повод расстаться. Например, ты поехал в другой город или за границу.

Родион взял Ганю за грудки:

– Ганя, я не умею жить наполовину! Я или люблю или вообще не знаю этого человека. Да, Лада мне очень нравится, но лгать, искать момента, чтобы смыться... Давай подождем ее звонка, что она скажет.

Сегодня он должен снова пойти к банку и проверить, правильный ли вывод сделал о том, что это кассир крупного торгового центра и он каждый вечер в восемь часов в портфеле привозит дневную выручку. Бывакин в разных прикидах, в очках и с зонтиком, в шляпе и вязаной шапочке несколько раз проходил рядом с этим маленьким суетливым человечком и был уверен, что портфель не пристегнут к руке или брючному ремню. Уверен, потому что два раза видел, как человек перебрасывал его с руки на руку, когда закрывал дверцу машины. Родя проверил: водитель благодушно сидел на своем месте, словно пассажир пошел купить сигарет.

«Вот край непуганых миллионеров», – усмехнулся Родя и решил завтра портфель этот взять.

Собрав на пустыре всех своих компаньонов, он объявил, что с завтрашнего дня все они записаны в секцию «бой без правил», в подвале дома под кафе. Все оплачено, качаться и драться, а потом займемся оружием. Парни аж заповизгивали. Потом строго распределил обязанности на операцию с портфелем. Шурик стоит внутри банка у входа и тормознет всякого, кто будет выходить из банка. Вовчик смотрит за водителем и задержит его, если тому вдруг придумается пойти за хозяином. Лёха хватается за портфель и бежит навстречу движению транспорта, чтобы водитель не сумел развернуться и догнать. Сам Родя должен выбить портфель из рук этого плюгавенького человека и на минуту нейтрализовать его. Сбор у въезда в гаражи. Родя с деньгами уходит первым, остальные рассасываются, как могут. Вопрос о том, что он может скрыться с деньгами, никто не задавал, Родион сам на него ответил:

– Глупо бежать после первого дела. Еще неизвестно, что в портфеле. Вечером встретимся на остановке, еще раз обсудим. И знайте: сомнение в товарище – первый враг коллектива.

Без четверти восемь все были на местах. Бывакин в шикарном костюме с галстуком прошел во второй стеклянный тамбур и расстегнул свой портфель, якобы проверяя документы. Нужный человек пришел точно по графику, Родя выпрямился и мягким ударом в горло уронил его на пол, напарник схватил портфель и спрыгнул с крыльца. Родя выскользнул в дверь и ушел в другую сторону. У киоска «Мороженое» постоял, удивляясь, почему до сих пор нет милиции. Наконец, запела сирена. Все, дело в шляпе.

Уложив Настену спать, Родион закрылся на кухне и вывалил содержимое портфеля на стол. За час до этого в вечерних новостях сообщили о дерзком ограблении инкассатора крупнейшего банка. Родя подумал: знай он, что это – не кассир, на дело бы не пошел. В новостях сказали, что грабители действовали очень профессионально, жертв нет, как и нет никаких примет нападавших. Чуть позже уточнили, что погиб сам владелец торгового центра, который каждый день лично сдавал выручку в банк. Родион разделил деньги на четверых и сложил в пакеты. Завтра ребята прямо из его портфеля возьмут каждый свою долю. О том, что все доли равны, Родя ничего говорить не стал, тем более, что в тот же вечер была названа сумма похищенного.

Бывакин даже себе не признавался, что ему льстило внимание такой девушки, как Лада, но он понимал, что из их отношений, даже если они и возобновятся, ничего не получится. Наверное, ей приятен сильный и симпатичный молодой человек, прилично одетый и умеющий вести себя за столом. Конечно, она не могла заметить, что Родя копировал все движения Гавриила, чтобы не допустить ляпа, который бы мгновенно разрушил в ее воображении образ романтического и близкого по духу юноши. Она настаивает, даже просит через брата о встрече, что едва ли приличествует ее статусу, и он должен пойти, чтобы все привести в порядок: да, Лада очень милая барышня, но Родя парень из иного круга, можно рассказать ей о придуманной семье в Новосибирске, о тюрьме и о беспросветном будущем, потому что с тюремной школой ему не сдать экзамены даже в техникум, точнее – в колледж. А потом заявить, что из-за болезни матери он вынужден будет навсегда покинуть город и вернуться в деревню. Бывакин был уверен, что после этого у барышни не останется никаких иллюзий.

Он набрал номер телефона и услышал ее мягкое:

– Да, вас слушают, говорите.

– Это Родион. Здравствуйте, Лада. Простите мне мою дерзость и не обижайтесь, я сам очень переживаю.

– Забудьте об этом. Я хочу сказать, что вам не в чем раскаиваться, я потом поняла, что вы поступили по порыву сердца, а это самое искреннее, на что способен человек. Потому я прошу вас, Родион, приезжайте к нам, я вас встречу, мне хочется с вами о многом поговорить. Нет-нет, никаких отговорок, я вас жду.

Придется ехать. А ведь манит, манит эта прозрачная девушка, живущая нереальной жизнью, хлопочущая о высоком обществе, которое должно окружить будущего Государя. А кто он? Из тех, кто сейчас рулит из Кремля, царя не собрать даже по крупичкам. Родион покупал в киоске все газеты и быстро просматривал. Как он научился читать между строк? К этому подтолкнул Доктор, который брезгливо относился к газетам, телевизору и власти. Кажется, к любой. А читать заставила Аннушка, чистая душа и несчастная женщина. Он тоже хорош, уехал внезапно и забыл. Мог бы написать, была даже мысль вызвать ее и жить вместе, но одно за другое – и забылась Аннушка, которой стольким обязан. Ехал в автобусе и думал.

Лада, как и обещала, встретила у крыльца, смущена, щечки покраснели. Провела по пустому вестибюлю в свою комнату, усадила в кресло.

– Родион, я намерена говорить с вами серьезно. Вы умный и серьезный человек. Ваши родители хотели, чтобы вы стали врачом. А вы где собираетесь учиться?

Он посмотрел ей в глаза с улыбкой:

– В автошколе.

Лада оторопела:

– Не совсем поняла. При чем тут автошкола?

– Хочу получить права, чтобы водить машину.

Девушка явно обрадовалась:

– Прекрасно! Но я имела в виду учебу настоящую, например, университет или политехнический институт.

– Я еще не решил. Время есть.

Лада прошлась по комнате, шурша обширной юбкой. Белая кофточка тоже была свободной, но Родя заметил и остренькие груди, и тонкую талию.

– Родион, вы современный молодой человек. Что для вас любовь? – она остановилась и глядела на него ясными голубыми глазами.

Парень растерялся. Говорить книжные слова – глупо, своих почти не было, да и не любил он по-настоящему никого. Так, привязанность, общая постель. Решил признаться:

– Лада, вы меня застали врасплох. Я не особо искушен в этих чувствах, все времени не было.

Лада наступала:

– Но вы верите, что любовь есть, и она движет людьми?

– Возможно, – Родион беспомощно развел руками.

– Ах, какой вы несговорчивый! Конечно, сегодняшние проявления чувств весьма далеки от идеалов наших предков. Тогда любили..., как бы точнее выразиться: светлее, чище. Любовь – это два человека, ставшие единым целым, это их мир, который ничто не способно разрушить. Вы помните декабристов? Помните жен и невест, которые отринули все: богатство, покой, общество – и поехали к любимым в Сибирь. Или вы думаете, что это красивые легенды? Нет, Родион, это чистая правда.

Она открыла шкаф и вынула несколько папок, на лицевой стороне гость заметил царский герб.

– Я собрала много документов по своему роду, и среди них несколько писем прапрапредков, из девятнадцатого века. Они написаны не весьма разборчивым подчерком, потому я дам вам только те, что успела перепечатать на машинке. Уверю вас, это не фантазии, это документы. Я разрешаю вам их прочесть.

Лада подала несколько листов и включила верхний свет.

– Читайте, а я приготовлю чай.

Бывакин начал читать и сразу захватили его тот дивный старый стиль и душевная, искренняя манера обращения и изложения событий, мыслей и чувств.

Письмо первое.

«Здравствуйте, дорогая моему сердце Екатерина Сергеевна, жена моя венчанная и друг до конца дней моих. Первое письмо разрешили мне власти тюремные отписать, и кому я его адресую, кроме Вас, родной и любимой. В первых строках сообщаю Вам, что страдания наши на этапе закончились сравнительно благополучно, но многие десятки несчастных не выдержали пешего перехода, особенно в зимних месяцах, когда за Уральским камнем холода и ветры такие, каких в Петербурге не бывает никогда.

Любезная Екатерина Сергеевна, тот адвокатшика, который взял с Вас сто рублей ассигнациями, так и не сделал ничего, больше того, он и не пытался сделать, чтобы хоть как-то облегчить мою и Вашу участь, укоротить срок каторги или даже добиться оправдания. Я в пересыльной тюрьме встретился со многими людьми, которые уголовное дело знают не хуже господина городского прокурора, они уверяли, что ретивый защитник мог бы мое дело кончить в нашу пользу, тогда бы и быть нам вместе, а теперь нельзя. Долгих пять лет – выдержите ли Вы сие испытание, ниспосланное нам Господом? Я уж не говорю о себе, ибо знаю, что все снесу, все переживу, только бы мне увидеть и обнять Вас, дорогая Екатерина Сергеевна.

В Екатеринбург железная дорога окончилась, нас со станции завели в пересыльную тюрьму, разрешили постирать белье и отремонтировать одежду, у кого нужда. Потом сводили в баню. Конечно, голубушка, баня грязная, шайки сопрели, лавки гнилые и даже проламываются. Но была горячая вода, и какое блаженство после нескольких недель без мытья растереть свое тело своей же нательной рубашкой. Три дня нас держали, потом объявили, что будет пеший переход до Омска. Насколько я помню по карте, это более трехсот верст. Это уже апрель, снег сходит, солнце яркое и чистое, но дороги разбиты, и идти нету сил. В первый же день почти все каторжники разбили напрочь свои сапоги. Ночевали в деревенском сарае, кто чем мог, ремонтировал обувь свою, а потом пришли крестьяне, принесли шилья и драгву, это такая нитка суровая, смазанная варом, чтобы не прела. Принесли и свою старую обувь, которая оказалась годнее нашей. Кое-как пошли дальше.

Пропитание выдавали на весь день, сухари и рыба сухая, но и этому рады. С каким бы удовольствием откушал я черного ржаного хлеба, который выпекает Анфиса специально для прислуги! В иных местах останавливались и варили кашу, горячая пища нужна человеку в таком положении более всего, но конвойное начальство не очень благоволит, да и как его обвинять, если каждый день случаются побеги. Меня тоже соблазняли в местечке Тюмень, но я наотрез отказался. Бежать – значит быть под законом, без документов и не смеет приблизиться к Вам, Екатерина Сергеевна, а сие противно сознанию моему.

А потом, это уже в мае, все мы заболели неприятной болезнью, да столь повально, что и двигаться колонна не могла. Начальник конвоя умный человек, сообразил, что дело, видимо, в провианте, подсунул купец и рыбу протухшую, и крупу пропащую, а для конвоя провиант закупали в другом месте, солдаты хоть бы что, а каторжные все, простите за натурализм, на кукурках сидят. Рядом село большое, приехали мужики, спрашивают начальство, что за народ ведут. Отвечают, что всякие преступники, вплоть до убийц. А те интересу-

ются, нет ли среди нас революционеров и террористов. Ответили, что Бог миловал. Тогда мужики говорят, что сей же час организуют хороший обед, а начальнику советуют корм этот гнилой выкинуть, староста сельский печать приложит к документу об этом, а начальству с солдатами ехать в уезд и там получить новый провиант. Нас от поноса вылечили быстро, в бочонках привезли отвар трав всяких, мы по ковшику выпили и как рукой сняло. А потом стали нас кормить щами со сметаной и белым хлебом, а после и кашей просяной, мы такую ещё не знаем. Масла лили в кашу черпаками, очень славно. Потом всех в сон кинуло, а после начальник построил нас и сказал, что вынужденно уезжает, а чтобы мы не разбежались, по совету деревенских мужиков заведут нас в лог, откуда выход только один, тут и будет охрана.

Пошли мы к этому логу. А надо Вам сказать, родная моя, что край этот чудесный: река протекает широкая, называется Ишим, а далее луг заливной с высокими травами, а потом крутая гора, надо полагать, что это берег бывшего здесь моря или огромной реки, вот в этой горе и образовались лога и овраги. Тот лог, к которому нас подвели, поистине страшен: стены отвесные, даже в самом истоке, на дне ручей с хорошей водой. Один каторжник обратился к начальнику и мужикам, которые нас сопровождали с такой просьбой: чтобы нам здесь без дела не сидеть, пусть мужики везут лопаты и ведра, а сами едут к ближайшему лесу и копают малые берёзки. А весь этап поделить пополам, и вывести на берега этого лога, и пусть солдаты отойдут на сто шагов, если кто побегит – стреляй. Он оказался ученым человеком, разметил, где ямки копать, каким размером, и за день мы обсадили весь этот лог малыми берёзками. Лог местные называют Лебкасным, видимо, берут тут левкас для побелки домов своих, но лебкас им ближе по произношению.

Милая Екатерина Сергеевна, не могу найти таких слов, чтобы выразить степень тоски моей по Вам, по нашему дому, по нашим прогулкам в саду в деревне и по Невскому в городе. Теперь мне это как сон, думать об этом боюсь, потому что сразу в голову приходят мысли о Вашем положении и состоянии. На сем заканчиваю. Станете мне писать, заложите в пакет чистой бумаги, тут можно достать, только серой и грубой, на таковой не хотел бы я излагать светлые свои чувства. Прощаюсь, душа моя, и жду вашего ответа, чтобы исцеловать и слезьми облить те листочки, какие вы держали в своих нежных ручках.

Ваш муж Алексей Кириллович.

Ноября 10 дня 1882 года».

Письмо второе.

«Дорогой мой муж и вечный жених Алексей Кириллович, припадаю к Вашим ногам, чтобы приподнять своими слабыми усилиями Ваши оковы и хоть на минутку сделать Вам облегчение. Все Ваше письмо я зачитала на память, мамушке и батюшке вашим только переказала, ибо не совсем было бы благонравно читать им о Ваших чувствах, которые касаются только нас. В доме у нас все покойно, только есть одно дело, кое не имею права решать без Вашего на то согласия. Милый муж мой, последняя ночь, которую добродушный начальник пересыльной тюрьмы за скромное подношение и под честное благородное позволил Вам провести дома, навсегда будет теперь в нашей памяти, и не только потому, что эта ночь была еще больше чистой и страстной, чем первая наша ночь после венчания и свадьбы, а потому, что Господь благословил нам дитя, и я несу его под сердцем своим. Теперь я хотела бы испросить Вашего совета, оставаться ли мне в таком интересном положении у родителей Ваших, которые, я в том уверена, окружают меня поминутной опекой, либо переехать к своим в деревню. И мысли не имею хоть сколько обидеть Ваших родителей, только дома мне было бы покойней и проще. Но в городе я скорей получу Ваши письма, чем в деревне, да еще и потеряют пьяные ямичики. И к тому же в городе доктора рядом, Иван Христофорович регулярно посещает батюшку Вашего, через мамушку, ибо самой еще совестно, узнаю от него, кто изрядно пони-

мает в женских делах, чтобы при нужде можно было вызвать и получить помощь. Ребенка я еще не чувствую, только тошнит временами и совсем пропал аппетит. Матушка Ваша, спасибо ей, спасает меня, как умеет, а батюшка только с любовью смотрит и улыбается.

Погода в такое время всегда мерзкая, снег с дождем, пешком кроме работного люда никто не ходит, ежели только в санках да на извозчиках, лошади все кованы, но и те, бывает, скользят и распластываются среди улицы. Я давеча в окно видела, как одну несчастную дорезали ножами и всю мостовую угоили в крови, мне сделалось дурно, и я отошла. Про случай наш уже не сплетничают, три дня назад приезжала к родителям Антонина Бонифатьевна, чай пили все вместе, она меня очень успокаивала, вот и сказала, что в обществе уже не вспоминают случившееся. А у меня с ума нейдет то несчастье, по которому выпала нам горькая разлука. Любимый мой Алексей Кириллович, без вины я пред Вами виновата, и казнию себя за то, что в тот злосчастный вечер не отказалась ехать в собрание, было у меня предчувствие недоброе, сердце подсказывало, только мы едва ли верим своему сердцу. Пропишите мне, чем я могу помочь Вам, кроме писем этих столь редких по какому-то глупому уложению, что в столь тяжкой разлуке супруга может толиčko одно письмо за месяц сдать на почту.

Батюшка мой сообщает в письме, что дома все, слава Богу, благополучно, хлеб уж домочлачивают на гумнах, рожь нынче удалась, чем мужики сердечно довольны. Уже и по традиции смололи на жерновах зерно нового урожая и испекли хлебы. Я тоже отведала корочку, очень ароматно и вкус удивительный. Батюшка всем простил долги семенные и прочие, просил молиться за нас с Вами и за благополучное Ваше возвращение. Пишет, что хворал ныне, старая рана баязетовская открылась, две недели не вставал, теперь улучшение, и даже ездил в гости к другу своему Артему Герасимовичу, коего Вы должны помнить, он на свадьбе нашей изображал турецкого султана, чем изрядно всех повеселил. Матушка все по дому, в субботние дни, как и при моей бытности в девичестве, собираются в людской девушки крестьянские, и матушка учит их грамоте, чистоплотности, приличным манерам, чтобы знали, как вести себя, когда приличные люди приезжают, как с парнями деревенскими себя блюсти, а то взяли моду до свадьбы познать ложе супружеское. По той причине случилось уже в нашей деревне убийство из ревности молодого мужа, коего невеста его хотела обмануть. Да, пишет матушка, трех жен на первом году изгнали мужья из дому, и все по той же вине. Боюсь только, что матушкины уроки едва успеют за падением благочестия и порядочности, которые уже обществу безразличны.

Родной мой Алексей Кириллович, простите меня за пустяки, коими заполняю я страницы письма к Вам, но ничего другого не могу себе представить, коль откажусь от описания дел мирских и даже посторонних, кроме как в каждой строке писать, как люблю Вас, как тоскую, как виню себя. Целую Вас крепко и нежно глазу ваши щеки, уши, Ваши шелковые волосы. Вы спите мне каждую ночь, но так невнятно, что кроме того, что был сон, и Вы были в нем, я ничего путного не могу вспомнить. И пусть, зато в душе остается нежность и сладость.

Остаюсь Ваша жена Екатерина Сергеевна.
Санкт-Петербург, 30 ноября 1882 года».

Письмо третье.

«Милая Катенька, так и буду тебя теперь называть, потому что нет нам нужды придерживаться общественных манер и правил, я так по тебе тоскую, что иначе, чем Катенькой и звать тебя не могу. Спецш благодарить тебя за великую радость, которую ты так мило описала. Будь осторожна и во всем слушай маменьку, она родила пять раз, потому все тонкости ваших женских состояний знает. Как я хочу быть с тобой рядом, припасть к твоей груди, целовать животик твой и услышать шевеление нашего мальши. Любовь моя, ты напрасно терзаешь себя мнимой виновностью, твоей вины нет нисколько, а что касаемо

меня, то я ни в чем не раскаиваюсь, знай я в тот момент о возможной расплате, поступил бы ровно так же, как и в действительности. Честь моей жены и моей семьи превыше свободы и даже жизни. Но не будем об этом. Описывай мне свое состояние, поведение нашего ребенка, мне от этих слов светлее и легче на душе.

А еще хочу сообщить тебе новость удивительную. Приехал в нашу тюрьму чин из здешней губернии, мы, конечно, об этом ничего не знали, потому, как никто из охраны с заключенными не разговаривает. Только вечером, когда вернулись с работ в барак, прибежал офицер и крикнул мою фамилию. Я, как положено, ответил, и велел он мне следовать за ним. Пришли в большое здание тюремной конторы, поднялись на второй этаж, там очень славно: на подоконниках широких цветы разные стоят, как у наших мужиков в деревне, герани всякие и прочая ерунда, но моей душе очень приятно, потому что прекрасного я уже полгода не вижу, только грязь, брань и разврат.

Подвел меня офицер к большим дверям и велел стоять молча. Странное дело, но никаких мыслей у меня в ту минуту в голове не было, потому что невозможно было предположить что-либо разумное о причинах столь странного вызова. Здесь, родная моя, больше всего боятся наказаний за провинность, но я за собой никакого греха не предполагал, потому стоял и ожидал вызова. Наконец, дверь открылась, и меня впустили в большую залу, уставленную вполне приличной мебелью и даже с коврами. Сапоги свои я основательно и тщательно почистил у входа, но ступать на ковер поопасался, остановился у входа. Два больших чина сидели в креслах, один, видимо, начальник нашей тюрьмы, сказал другому:

– Вот, Густав Иванович, это и есть Басаргин Алексей Кириллович, осужденный по известному Вам делу.

– Благодарю Вас, господин полковник, – ответил тот, кого называли Густав Иванович. – А теперь попрошу Вас оставить меня наедине с осужденным.

Начальник вышел, Густав Иванович показал рукой на кресло:

– Проходите и садитесь, разговор у нас не на одну минуту.

Я сел, вижу, что перед господином лежит сшитая суровыми нитками картонная папка с несколькими бумагами внутри. Господин поднял на меня глаза:

– Я генерал Гитляйн, Густав Иванович. От имени Государя Императора поставлен для контроля законности при содержании преступников, а так же рассмотрения особых ходатайств по наиболее сложным делам. Суть вашего дела мне известна из сих бумаг, но я бы хотел услышать ее от вас, ибо часто написанное второпях и без нужной тщательности в расследовании сбивает с толку. Так и в вашем деле мне надо уяснить только одну деталь. Вы можете рассказать все по порядку?

Представь себе, любимая моя, как я растерялся, голова пошла кругом, я чуть было не лишился сознания, но взял себя в руки и стал говорить. Я тебе опишу все, как было, ведь каждое слово свое я помню и даже интонацию. Я сказал:

– Господин генерал, в тот вечер я и супруга моя Екатерина Сергеевна были приглашены в дворянское собрание на бал по случаю окончания Великого поста и наступления Святой Пасхи. Гостей было довольно много, весь пост никаких собраний не случилось, потому все радовались встрече и то и дело подходили к столу с винами и закусками. Я воспитан в строгих правилах, потому вином не интересовался, но дважды подходил к столу, чтобы взять супруге пирожное и мороженое. Оба раза я видел молодого человека в кампани своих товарищей, которые без излишней скромности наливали бокалы столь часто, что следовало ожидать их скорого опьянения. Никого из этих господ я не знал и знать бы не желал никогда. Но они меня заметили, и довольно бесцеремонно комментировали, для кого это я беру мороженое и пирожное. Мы с женой стояли у окна, изредка раскланиваясь и здороваясь со знакомыми людьми и говоря о пустяках. Вскоре музыканты вышли на балкон, зазвучали вразнобой инструменты, оркестр настраивался. Наконец, появился дирижер, и ударил вальс. Я

пригласил супругу на танец, мы вальсировали, но мне показалось, что та компания перешла к месту, где мы с супругой сидели, и встала рядом. По окончании танца мы прошли на свое место и оказались в опасной близости от изрядно нетрезвой компании. Когда объявили следующий танец, молодой человек, на которого я еще у столов обратил внимание, подошел к нам и попросил у меня разрешения пригласить мою спутницу, как он выразился. Я вежливо отказал.

– Что именно вы сказали, в каких словах? – спросил генерал.

– Извольте. «Милостивый государь, я не могу дать вам согласия на танец с моей женой, потому что вы пьяны». Вот так я сказал.

– Продолжайте, – кивнул генерал.

– Молодой человек както нехорошо улыбнулся, весьма неискренне извинился и ушел. Жена просила меня немедленно уехать, но тут объявили полонез, и мы встали на первую фигуру.

Велико же было мое недоумение, когда рядом увидел того молодого человека в паре с не внушающей уважения девицей, ведь в ходе танца происходит обмен партнершами, и моя жена окажется в руках этого человека. Но отступить было поздно, танец шел своим чередом, когда я услышал голос моей Катерины: «Негодяй!», потом звук пощечины. Я оставил свою партнершу и бросился в середину залы. Моя жена стояла, опустив голову и сжимая на груди разорванную кофточку. Молодой человек улыбался и со смехом рассказывал, что эта дама сама совращала его, а когда он сунул руку под кофту, устроила спектакль. Я едва нашел в себе силы не ударить его сразу, обнял жену и громко сказал:

– Милостивый государь, немедленно извинитесь перед дамой, иначе получите урок воспитания на всю оставшуюся жизнь!

Он нагло мне ответил:

– И не подумая. Лучшие воспитывайте свою распущенную жену.

После этих слов я ничего не помню. Господин генерал, я три года служил на Кавказе, там нельзя быть размазней, сразу погибнешь, потому пришлось много работать над силой и ловкостью. Я ударил наглеца, как мог, его подхватили товарищи, я откланялся, и мы с супругой уехали домой. А утром горничная постучала в спальню и со страхом сказала, что внизу меня ждут полицейские. Оказывается, негодяй умер от сотрясения в голове, но более всего поразило, что он был сыном начальника канцелярии правительства Его Императорского Величества. Меня арестовали, никого, кто бы мог быть объективным свидетелем, среди десятков гостей бала не нашлось, и получалось, что я в приступе ревности нанес партнеру жены по танцу смертельный удар. Показать следователям разорванную кофточку я решительно не мог, это унижало бы и оскорбляло мою жену. Так возникло это уголовное производство, по которому я оказался здесь.

Генерал слушал меня внимательно и что-то помечал в большой тетради.

– Откуда Вы родом? – вдруг спросил он.

– В Курской губернии есть имение Смольниково, это наше родовое гнездо.

– Вы служили в действующей армии. По собственной воле или иные причины?

– Господин генерал, нас в семье четыре сына, трое служили, младший не допущен по причине слабых легких. Так нас воспитал отец, майор в отставке.

Генерал насторожился:

– Он в турецкой кампании не участвовал?

– Так точно, участвовал, господин генерал!

– Братец ты мой, Ваш батюшка командовал батареей у меня в полку. Мы с одного котелка кашу ели, одной шинелью укрывались в непогоду. Он был ранен довольно тяжело, кажется, под Баязетом, и отправлен в тыл. Он жив?

– Так точно, жив, господин генерал!

– Отпишите ему от меня поклон. Теперь по вашему делу. Напрасно вы считаете всех гостей того бала людьми трусливыми и безразличными. Я получил документ, подписанный десятком человек, которые утверждают, что вы вступились за честь своей жены, и убийство – это роковая случайность. Характеристика покойному дана весьма и весьма нелестная. Кроме того, выяснилось, что следствие, мягко говоря, не было свободным от посторонних влияний, как, впрочем, и суд, чему есть документальные подтверждения. Таким образом, дело Ваше будет пересмотрено, полагаю, с учетом перенесенных Вами испытаний суд вправе оставить Вас на свободе.

Милая Катенька, я за малым не лишился чувств. Генерал подал мне стакан воды и позвонил в колокольчик. Вошел начальник тюрьмы.

– Господин полковник, Артем Родионович, мне в совершенстве все доподлинно ясно, дело господина Басаргина будет пересмотрено и, я уверен, решится в его пользу. Но – до отмены приговора он остается в вашем учреждении. Только я попрошу: дайте ему комнату в этом здании, обеспечьте нормальным питанием. Он военный человек, образован, может помочь вам в какихто вопросах. Я не думаю, что мои просьбы сверх Ваших возможностей.

– Все сделаем, Густав Иванович, не извольте беспокоиться.

– Когда придет вызов из столицы, отправьте господина Басаргина без конвоя, деньги на дорогу семья ему пришлет.

– Все сделаем, господин генерал!

– Вот и славно, – генерал пожал мне руку и еще раз просил передать поклон батюшке.

Дорогая моя Катенька! Молись за здоровье раба Божия Густава, он хоть и из немцев, но, думаю, что крещен в нашей вере. Береги дите наше, не переживай, не знаю, как скоро, но встреча наша случится ранее, чем мы считали».

И чай уже остыл, а Лада все сидела у стола и ждала слов Родиона. А он молчал. Молчал потому, что прочитанное было ему так понятно, что даже Ладе не передать, и в то же время это была сказка. Он даже во время чтения ни на мгновение не мог допустить, что вот это он, Родя Бывакин, пишет письмо своей возлюбленной, которую надо еще придумать, и она шлет ему такие ласковые слова, каких Родя не слышал и никогда не услышит.

– Сказка, – сказал он. – Все это красивая сказка.

Лада улыбнулась:

– Не верится, правда? Родя, я хочу отбросить все приличия и сказать вам, что, если бы вы оказались в тюрьме, я бы писала вам такие же письма. Я влюблена в вас. Молчите! Мое признание не может показаться вам навязчивым, оно ни к чему вас не обязывает. Не знаю, что вырастет из этой влюбленности, но я бы хотела, чтобы вы знали.

Парень тоже улыбнулся:

– Лада, сейчас вы поймете, как ваши романтические фантазии разбиваются о жестокость реальной жизни. Вы влюблены, это ваши слова, так вот, вы влюблены в образ, который создали из удачной драки, модного костюма и вполне приличной физиономии. А в действительности я сидел в тюрьме, жрал гнилую картошку, обслуживал бригадиров, десятников и просто бандитов. Вы живете иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с ее грязью, обманом, воровством, подлыми ментами и дешевыми девушками. Нас разделяют не деньги, они у меня есть. Нас века разделяют, в которых столь разные ценности, что мы с вами никогда искренне не пойдем друг друга. Лада, ваш будущий возлюбленный сейчас смазывает бриолином волосы и выщипывает брови. Я не вашего круга, потому не ищите встречи со мной, к добру это не приведет.

Он встал, сдернул со спинки кресла свою куртку и вышел. Лада не сказала ни слова.

В обед решил сходить на рынок и купить мяса, просто наварить кусками и есть без хлеба. Ну, захотелось, пришлось идти. Настена, конечно, заворчит, что приготовленный суп и кот-

леты в холодильнике остались, но это ее дело. От нечего делать долго ходил по мясному ряду и выбирал. Наконец, ткнул пальцем в приличный кусок:

– Прикинь, во что обойдется?

Продавец, молодой мужик в белом халате, положил кусок на весы и назвал цену. Родион подал деньги и они встретились взглядом.

– Родя? Здорово!

Бывакин настороженно вглядывался в знакомое и полузабытое лицо, потом засмеялся:

– Саня, Связин! Ну, молодец, как дела, как деревня?

– Да какие теперь дела, Родя? Деревня хизнула, колхоз растаскивают, и никому дела нет.

– Мать мою видел?

– Жива и здорова, приеду, привет передам.

– Конечно. Что в деревне нового?

– Да ничего! Во! Чуть не забыл. Ты Гриньку Апрошкина помнишь, его в Афгане убили, так вот, оказывается, не его зарыли, а другого. Говорят, экспертизу какую-то делали в Ростове в морге, и нашли Гриньку. А сколь годовто прошло? Вот, везут, Гриньку в могилу, а того несчастного по другому адресу, вроде как в Курганскую область, тоже деревенский. Вот к чему это все? А матери какво? Ее вон водой отливают, медичка из дому не выходит.

– Понял, Саня, до встречи.

Что же получается? Завтра могилу будут вскрывать? Родю колотила нервная дрожь: ладно, что встретил Связина, вовремя мяса захотел, а если бы нет? Кто бы мог подумать, что могила – не самое спокойное место между тем и этим светом? Позвонил диспетчеру такси, с которой часто общался, заказал машину:

– Надюша, понадежней, потому что мне срочно надо в деревню, Лебедево, запиши. Расчет само собой, с водилой сразу, с тобой завтра к обеду. Жду.

Мощный тесак, которым разжился на рынке по случаю, положил в портфель, полный бумажник сунул в карман куртки, застегнул молнию. Настену успокоил, что в деревне не все ладно, мать придется в больницу везти. Вышел во двор, машина стояла у подъезда, да и водитель оказался знакомым:

– Что тебя на ночь глядя в деревню понесло?

– Дела, брат. Ты отвыкай вопросы задавать, – посоветовал пассажир.

– Понял. Едем?

Родя кивнул. Ни одна живая душа не должна знать, что он откопал и куда все увез, потому спланировал, что водителя оставит в центре села с наказом никуда не трогаться, сам переулком уйдет на вторую улицу и вернется на кладбище, мимо которого только что проехал.

– Ждать долго?

– Простой оплачу. Бабу свою мне надо проверить, понял?

– Понятно. Не завидую я тому мужику.

– Закройся и спи, я стукну.

Прошел переулком и бесшумно бегом побежал за село. Подошел к воротам кладбища, хоть и всякого в жизни насмотрелся, а не по себе, жутковато. Отринул страх, все равно он ни в какое сравнение не идет со взглядом и вопросом Доктора «Где деньги, Родя?». Вошел под вековые сосны, осторожно обходя бугорки и оградки, подошел к могиле Грини Апрошкинова, хотя уже знал, что не его прах тут сохраняется. Обошел с восточной стороны, опустился на колени, тесаком стал выгребать глину из-под памятника. Помнил, что пакет положил далеко, потому копал без опаски. Потом засунул руку по самый локоть, добрался до целлофана, потянул – и вот он, портфель Доктора. Ощупал, открыл оба замка – все на месте, как он уложил. Так, вместе с комочками глины, которые не поддались обтирке носовым платком, сунул Докторский портфель в свою сумку. Тесак оказался лишним, Родя со всего размаху запустил его в сторону канавы и слышал, как он прошумел сквозь куст черемухи.

Возвращался спокойно, подошел к машине, стукнул в стекло. Водитель шелкнул дверью:

– Ну, удачно? В смысле – захватил с кем?

– Одна, – нехотя ответил Родион.

– Ну, так пришлось... – водитель выразительно поиграл пальцами.

– Язык прикуси! – дернул Родион.

– Понял. Ехать?

– Ехай.

Теперь новая проблема не давала покоя: куда с этой поклажей? Доктор будет только через полтора года, все это время хоть сиди на этих деньгах. В городе спрятать негде, кругом люди, каждый день что-то строят, роют бульдозерами и экскаваторами. На другой день снова позвонил Надюхе, прихватил с собой портфель и заехал в диспетчерскую.

– Надя, мой заказ у тебя записан?

– Это что, народный контроль? – огрызнулась она.

– Я спросил. Покажи журнал.

– Родя, не сдавай меня, тоже заработать хочется. Не писала я тебя. А надо было? – Она с надеждой смотрела на клиента. Он ответил примирительно:

– В томто и дело. И забудь навсегда, что я ночью ездил в деревню. Водилу я уже напугал. И тебе вот зелененькая. Узнаю, что звонишь – язык отрежу. Доходчиво поясняю?

– Поняла, Родя. Могила. – Надюша перекрестилась.

– Сама сказала. Так и будет.

Поехал к хозяйке снятой квартиры, предложил продать ему эту хату. Старуха заерепенилась, но, когда Бывакин положил на стол несколько пачек из грабанутой банковской сумки, остепенилась, пересчитала и согласилась поехать к нотариусу. За одну зеленую ушлый молодой человек быстро оформил все документы и поздравил клиента с покупкой, правда, клиент больше ничем не отреагировал. Родя отвез старушку домой, посоветовав деньги перевести в баксы и хранить только в банке. Заехал в строительный магазин, купил целый ящик инструментов, два рулона приличного полового покрытия, по пакету цемента и песка. Все это попросил водителя помочь внести в квартиру, в тот же вечер Настену отправил в общагу к девчонкам, вручив ей приличную сумму на вечеринку, но тихонько предупредил: если вздумает крутануть на старой площадке, то однажды она потеряется, и никто искать не будет. Настена сделала испуганные глаза, поцеловала Родю и уехала. Двое суток были у него в запасе.

Бывакин аккуратно снял линолеум, поднял все половые доски, осторожно простучал панели перекрытия. Ударил стальным зубильцем в намеченном месте – угадал, пазуха. Расширил отверстие, обследовал всю открывшуюся полость: все чисто. До этого тонкостенную полиэтиленовую трубу чуть меньшего диаметра, чем пазуха плиты перекрытия (специально зашел на стройку с рулеткой) запаял пластиковой заплатой с одной стороны, выпотрошил Докторский портфель и свернутые тугими рулонами доллары стал укладывать в трубу. Закончив, припаял и вторую заплату. Контейнер готов. С трудом просунул его в отверстие, зачихал как можно дальше, развел немного густого раствора, заделал отверстие, потом целый тазик жидкого раствора щеткой растер по всему перекрытию. Дождался, когда все подсохло, и остался доволен: сам не сразу определил, где закладка. Специально принесенное ведро песка с землей и строительным мусором растряс по всей площадке. Получилось убедительно: тут так было всегда с момента новоселья. В плахах выправил старые гвозди и аккуратно вставил их в старые же отверстия. Отоспавшись, раскрыл половое покрытие и посадил его на надежный клей. Докторскую сумку разрезал на мелкие куски и скинул в разные мусорные контейнеры.

Пришедшая к вечеру второго дня Настена была в восторге: какую красоту подарил ей возлюбленный. Но Родя так устал, что не реагировал на ее комплименты и даже пытался повернуться к стенке и уснуть, пока она была в ванной, но Настена так к нему прижалась и так нежно мурлыкала в ухо, что пришлось разворачиваться.

– Ну, вот, а то я уж стала думать, что ты не один тут ковры стелил...

Наступала осень. Первая городская осень Бывакина. На зоне ее приближение чувствовалось по сырости и прохладе в бараке, по обилию капусты в побитых алюминиевых тарелках, по жалобному крику журавлей, они словно специально ночами пролетали над зоной и грустно прощались с ее обитателями. Вспоминалась деревня, школа, дружные походы на картошку в колхозные поля, безногий учитель немецкого Эмиль Иванович, безжалостно обличавший недобросовестных копальщиков, нащупав своей тростью оставленный в твердой земле клубень. А еще костер, в котором пекли картошку, а потом все вместе ели, разламывая подгоревшую корку и посыпая крутой солью пушистую от крахмала мякоть. К концу дня все разбрелись, старшеклассники обнимались в ближайших кустах, размазывая по щекам друг друга угольные следы от картошки.

Родя после удачной работы в банке отпустил парней, сказал, что больше ни в чем участвовать не будет, есть серьезные дела, но они ходят на тренировки и качают мышцы. Через месяц обещал проверить. Настена в институт не поступила, но и не особенно огорчилась. Работала в том же магазине, дома блюла порядок, научилась вполне прилично готовить. Родион заметил в ней и другие перемены, но не придавал им значения. Вечером в постели Настена включила большой свет:

– Родя, у нас будет ребенок.

Родион промолчал, потом переспросил:

– Ты об этом только сегодня узнала?

– Нет. Но боялась тебе говорить.

– Сегодня насмелилась?

– Родя, ты разве не рад этому? – вдруг испугалась Настена.

Родион встал, накинул на себя рубашку:

– Ребенка не будет. И тебя тут больше не будет. Собери свои вещи и переезжай в общагу.

Настена заревела в голос, Родя встал, на кухне заварил крепкий чай. Настена вошла, села напротив:

– Куда я пойду, Родя? Зачем ты так со мной? Я же думала жить. И куда я с ребенком?

– В больницу. Там знают, что делать. Денег я дам. Все, уходи, завтра переедешь.

– Родя, а ты куда, ведь ночь? – она цеплялась за последнюю соломинку.

Он ничего не ответил, последним троллейбусом доехал до гостиницы и снял номер на пару дней. В роскошной свежей постели не спалось, Настену было жалко, она добрая, симпатичная. Родион вспомнил, как в деревне мужики учили: «Бери бабу такую, чтобы в доме была хозяйка, на улице красавица, чтобы другим глянулась, а в кровати чтобы продыху тебе не давала». Родя хихикал вместе с другими ребятами, не имея ни малейшего представления о трех важнейших качествах женщины. Теперь он мог сказать, что Настена отвечала всем требованиям. Но не вовремя все это! Сейчас ему не хватает только семьи. Придет Доктор, начнутся такие дела, что и про жену и про детей забудешь. Он оправдывал себя, что она сама виновата, надо было что-то предпринимать, не девочка. Думать о ее будущем боялся и не хотел. Да, жестоко, но у него путь такой, стезя, как говорил Доктор, и тут не место мирихлюндиям. Все врачи сделают, денег он оставил, через неделю будет как новенькая...

Утром заметил двух молодых людей, которые уж очень подозрительно точно шли по его следу. Специально прошел тротуаром мимо своего дома, свернул в подворотню и встал за кустом. Двое прошли мимо, оглядываясь: «Ага, потеряли! Неужели менты? Нет, те взяли бы сразу, сбили с ног, цокнули браслетами и поволокли. Кто тогда?». Родион вернулся, прошел до магазина и вернулся обратно, навстречу ребятам. Метрах в трех остановился, рука в кармане, хотя, кроме носового платка, там ничего нет.

– Вы ко мне с интересом? – вызывающе спросил молодых людей.

– Один вопрос. Ты Родион Бывакин? – говорил, видимо, старший.

– Отвечаю.

– Тогда мы к тебе. Надо бы местечко найти поуютней. Может, в кафе?

Заказали по чашке кофе, Родя проверил:

– А по сотке?

– Нет. Не сейчас, – строго ответил старший. – Родя, я Жид, потому что еврей наполовину, он Физик, в институте учился. Нас вызвал смотрящий, велел тебя найти и привести к нему.

– Когда?

– Как найдем. Пошли?

Смотрящий жил за городом, пришлось ловить такси, остановились в ста метрах от дома. Показав на мужчину, подметавшего у забора опавшие листья, старший шепнул:

– Я один подойду, доложу, потом позовет, наверно. Стойте смирно.

Мужчина даже не повернулся в сторону Родиона, забрал метлу и пошел к калитке, Жид кинулся к ожидавшим:

– Иди один. Порядки знаешь?

Бывакин молча пошел к калитке, его встретили двое охранников, обыскали, велели подниматься по парадной. Он пошел, открыл тяжелую дверь и увидел довольно пожилого человека, сидящего в глубоком кресле. На нем был теплый халат и домашние туфли. На столе стояли фрукты в вазах, печенье и конфеты. Чуть в стороне на алюминиевой тарелке лежал засохший кусок серого хлеба. Родя догадался, что это тюремная пайка, но вида не подал.

– Скажи, мой дорогой, ты Родя? – вполголоса спросил смотрящий.

– Да, – ответил Родион спокойно.

– Славно. Давно ты в городе? – для порядка спросил, давно сам все знал.

– Полгода.

– И молчишь? Голоса не подаешь, своих не ищешь? – это уже упрек.

– Не имею права.

– Славно. Ты Доктора знаешь? – спросил в лоб.

– По врачам не хожу, – дерзко ответил гость.

– Не надо так, сынок, я ведь и ударить могу. Но прощаю, потому что не сразу и следовало отвечать. Доктор просил найти тебя и от его имени передать коечто... Почему молчишь?

– Не приучен спрашивать. Надо – скажут, – дерзко ответил Родион.

– Молодец! Вот выучка! Доктор в тебе не ошибся. Так вот, он просил, чтобы ты приехал и забрал его.

Родя смутился:

– Когда ехать?

– Хоть завтра. Куда ехать – ты знаешь. Но дело в том, что Доктора комиссовали по болезни, он на последней прямой. Потому поедешь на машине, я позабочусь. Машина готова, с тобой будет врач и мой человек. У него деньги, на всякий случай. Все понятно? – смотрящий выжидающе смотрел на гостя.

– Можно узнать, что с ним? – осторожно спросил Родион.

– Можно, любезный, я бы очень огорчился, если бы ты не спросил. Самая страшная болезнь. Все, свободен. Дорога дальняя, в шесть утра машина будет у твоего подъезда. Пойди.

Родион вышел и сел на скамейку около проходной. Он даже не заметил, что слезы текут по щекам. Доктор, человек, столько сделавший для него, умирает, и уже ничего нельзя изменить. Охранник подошел, потрогал за плечо:

– Шеф обидел?

Родя отрицательно покачал головой и пошел. Ночь почти не спал. Было непривычно без Настены, и все время думалось о Докторе. Встал рано, основательно прогрелся под душем, выпил две чашки крепчайшего чая, в портфель положил чистое полотенце, документы

и деньги. Квартиру закрыл на все три замка, у Настены остались ключи только от двух, так что, если и надумает вернуться, дверь ей не открыть.

Бывакин даже вздрогнул, увидев реанимационный автомобиль. Врач, женщина средних лет, сидела у окна и курила. Сопровождающим был крепкий парень, Родион видел его в вестибюле смотрящего. Водитель сказал, что до города дорогу знает, а там придется подсказывать.

Было еще темно, но небо светлело, гасли яркие осенние звезды, легкий туман перебежал дорогу. Родион вдруг подумал, что в один день в его жизни случилось столько событий. Сначала неприятный разговор с Настеной, ночь в гостинице, дневные прятки с посланцами смотрящего. Потом эта страшная новость о Докторе, инструктаж смотрящего, и опять бессонная ночь в своей квартире. Поэтому он откинулся в кресле и задремал. Ему приснилось, как он на уборке картошки погнался за красивой девушкой Диной, это действительно так и было, он погнался за нею и почти догнал, но она упала, он не успел остановиться и упал рядом с ней. Она подняла голову и он по ее большим и серым глазам понял, что она хочет, чтобы Родион ее поцеловал. Но Родя никогда ни с кем не целовался, смутился, тогда она взяла его за щеки и крепко впиалась в губы. Так было. А во сне все оказалось по-другому. Он догнал девчонку, она обернулась, но это не Дина, а та азиатская красавица из минувших снов, обернулась с улыбкой, но тоненький пальчик поставила поперек тонких манящих губ. Родион вздрогнул и проснулся.

Врач потянула его за рукав:

– Меня зовут Роза Алексеевна, вы Родион, так? Вы один знаете человека, за которым мы едем. Я не хочу вникать в специфическую иерархию, но все-таки – что это за человек? Сколько ему лет? Он в самом деле доктор и мы с ним коллеги?

Бывакину вдруг захотелось рассказать о Докторе. Он почти шептал Розе Алексеевне на ухо, что это очень добрый человек, он многим зекам помогал, выручал, деньги слал семьям. За что сидит? Не знает, об этом не принято говорить в тюрьме. Но он авторитетный зек, к нему начальство прислушивается. А лет ему пятьдесят, не больше. Нет, семьи нет. И, конечно, не врач, это, как на воле говорят, псевдоним такой.

– Да, жаль, в таком возрасте погибать противоестественно, – привычно констатировала врач.

– Скажите, неужели ничего нельзя сделать? – с надеждой спросил Родион.

– Похоже, что нет. Если бы он с самого начала был под наблюдением опытных врачей, да у него было бы достаточно средств, многое можно было сделать.

– А сейчас? К примеру, окажись у него огромные деньги? – последняя надежда выплеснулась из души.

– Молодой человек, вы здоровы и потому так наивны. Болезнь не берет деньги, ей нужна жизнь.

Родя кивнул и опять откинулся в своем кресле.

Бывакин ожидал худшего, но увидел идущего навстречу ему Доктора, сильно обрадовался. Зная, что никакие эмоции здесь неуместны, он подошел, взял из рук больного чемоданчик с вещами и глянул в глаза. В них уже не было жизни, так ему показалось, была боль и тоска. За проходной Доктор остановился, посмотрел на белое небо, на голые стыдливые березки, и Роде показалось, что слеза юркнула с уголка глаза на заросшее щетиной лицо.

– Ты все сделал, как я просил? – спросил вдруг Доктор.

– Все, – четко ответил Родя.

– Куда меня повезешь? – пытался улыбнуться Доктор.

– Смотрящий ничего не сказал, – ответил Родя.

– К нему не поедem. Он меня не любил. К тебе? Как ты живешь? – поинтересовался Доктор.

– Можно. Я один. Только лучше в больницу?

– Потом. Сперва мы с тобой во всем разберемся. – Доктор говорил так, что возражать ему никто бы не решился.

В машине Роза Алексеевна попросила медицинское заключение, быстро его просмотрела и предложила сделать укол, Доктор усмехнулся:

– Поставь чуток нарकोши, дотяну до места, там видно будет.

Сопровождающий вмешался:

– Шеф велел сразу в больницу.

Доктор поднял голову:

– А почему не сразу на кладбище? Я почти шесть лет воздухом не дышал, пельменей не ел, шашлыков, запах коньяка забыл. Марксу скажешь, что я беру у жизни три дня на прощание, а потом... потом видно будет.

Обратную дорогу ехали молча и медленнее, Доктор лежал на укрепленных носилках, кажется, дремал, но Бывакин по движениям прикрытых глаз видел, что не спит, думает, переживает. В город въехали ночью, сразу к дому Родиона. Доктор попросил денег, Родя достал бумажник, подал, тот нашел зелененькую и протянул Розе Алексеевне. Она поняла, порылась в медицинской сумке и подала початую упаковку.

– Всем спасибо. Марксу передай поклон, не знаю, увидимся ли, – он чуть поднял руку и спустился на асфальт.

Квартира Доктору не понравилась, проворчал, что мог бы и особнячок в пригороде купить, деньги же в руках. Однако с удовольствием помылся, надел приготовленное Родей белье и теплый спортивный костюм. Сели за стол, выпили по рюмке коньяка, наконец, Доктор спросил:

– Деньги где?

– Здесь, дома. Надежно. – Родя доложил стоя.

– Никто тобой не интересовался? Ты сядь, не на зоне.

– Никто, кроме смотрящего, – ответил Родя.

– Это я велел. Он про деньги не знает. Слушай внимательно, Родя. Ты мне настоящий друг. Тебя назначаю на эти бабки, только с наказом, что произведешь их в дело. Одному нельзя, надо набрать команду. Сказал мне надежный человек, что государство скоро будет расторгивать заводы и фабрики, короче, все хозяйство под откос спустят. Вот тут надо ловить момент. Купить ты и один сможешь, а защитить только с козлой. Подбирай ребят молодых, крепких и послушных. Скажу страшное, Родя: учись убивать, готовься к этому. Убить просто, нож или пистолет поднять тяжело. Не знаю, что дальше будет, как власть повернется, возможно, за границу придется прятаться. Эх, жалко в такое время от дел отходить! Теперь такими людьми можно подняться, что и с табуретки не достать. Жалко...

Родя слушал внимательно, когда Доктор замолчал, сказал:

– В больницу я завтра сбегая, все узнаю, палату откуплю отдельную, с врачами переговорю.

Доктор вздохнул:

– Можно и в больничку, чтобы тебя не стеснять, – грустно согласился Доктор.

– О чем вы? Места хватит, но лечиться надо.

Доктор махнул рукой:

– Приговорен я, Родя. Это не лечат. Но в больницу поеду. Помру я там, чтобы менты к тебе не докапывались

Он порылся в своих вещах, достал шприц и ввел себе что-то из ампулы.

– Ампулу заверни и выбрось подальше и незаметно. Это наркотик, могут повязать. Родя, закрой дверь плотнее. Я тебя засветил, моя вина, но у меня никого больше нет. Вот так, полвека прожил, а похоронить некому. Жил по своим законам, а умереть захотел по-человечески. Чтобы могилка была, и крестик, и табличка. Родителя шлепнул товарищ Берия, а мать умерла,

мне было лет десять. Понятно, детдом для особо одаренных, клеймо на мне уже было. Ну, и понеслась, как мы тогда говорили: «Погнали наши городских!». Странно, правда? Засветил тебя, иркутский мой кореш по кликухе Жмых вычислит сразу. У тебя в запасе полгода. Купи пистолеты, найди ребят, после Чечни их полно на зоне, и на воле есть, готовые на все. Ищи, смотри в спортзалах, а не в пивнушках, разговор веди толковый. Как только объявится кто от Жмыха, сам он не пойдет, забей ему стрелку, пригласи, но за город, и своих ребят парочку в машину, а троих в резерве. Место сам осмотри, сам и расставь. И сразу валить надо. Жмых, если тебя возьмет, на ремни порежет, мать привезут, пальцы сломают, насиловать будут. Дове-дет тебя до такого состояния, что все скажешь. Деньги отдашь, потом и тебя пристрелит. Родя, всегда так делалось. И я делал, когда надо. После Жмыха пустота, никто ничего не слышал, это не обшак, это наши бабки были.

К обеду Родя вернулся из больницы, оплатив палату и хорошее обслуживание. Доктор лежал в постели и выслушал младшего друга без всякого интереса. Собрался, выпил рюмку коньяка, молча сел в такси, в палате сразу лег, отказавшись от капельницы.

– Еще, Родя. Помру – увези в свою деревню, хоть изредка забегать будешь. Я хоть и не деревенский, но мне там будет просторней.

Бывакин хотел возразить:

– Что вы все о смерти, ведь есть лекарства, врачи, операции. Поднимут вас на ноги.

– Родя, у меня ведь имя было, запиши, чтоб не забыть. Его только менты и знали. Бачу-рин я Иван Александрович. Смешно, правда? Женат не был, но дети должны быть, теперь уж взрослые, твоих лет. Родился в 1953 году, как раз, когда товарищ Сталин скончался, 5 марта. Все, Родя, дай я тебя обниму, как сына. Все, иди.

Бывакин вышел из палаты и нехорошее предчувствие охватило его. Нет, не просто так вор в законе откровенничал с ним, все наказания сделал, даже имя и даты раскрыл. В скверике больницы посидел на скамейке, успокоился, троллейбусом поехал домой.

Утром ему позвонили:

– Больной Бачурин, которого вы вчера определили к нам в больницу, утром скончался.

Родя положил трубку.

Врач, которой он поручил наблюдать друга, была расстроена:

– Вечером я его смотрела, хорошее давление, пульс. Сегодня должны были делать томо-графию. Вы знаете, есть признаки, что ваш товарищ принял яд, причем, сильный, скорее всего, цианистый калий.

– Сам принял? – в упор спросил Родион.

– Что вы имеете в виду? – женщина насторожилась.

– Ему не могли помочь со стороны? Не персонал?

– Нет, конечно, напротив двери его палаты пост медсестры, на входе охрана. Исключено. Да и нет признаков борьбы. Яд принят через рот, ампула раздавлена зубами. Милиция уже была, есть документ.

– Когда я могу его забрать?

– Завтра утром. Я передам часть ваших денег патологоанатомам, они сделают.

Похороны Ивана Александровича Бачурина прошли тихо на деревенском кладбище в селе Лебедево. Родион щедро рассчитался с похоронной командой и заехал к матери. Вид сына испугал ее до вскрика:

– Родинька, ты почему такой убитый? Что стряслось?

– Успокойся, мама, я друга привез на наше кладбище.

– Во как? Он что, бездомный? – мать перекрестилась.

– Он только что освободился. А теперь вообще от всего. Я тебе деньги оставлю, ты обеды отведи с женщинами, помяните раба божьего Ивана.

Мать кинулась к столу:

– Садись, я тебе супчика плесну.

– Нет, мама, я поеду. Дел много.

Обнял мать и почувствовал, что это единственная родная кровинка на земле.

Как только получил водительские права, поехал в автосалон, выбрал неброский немецкий джип, сразу в соседние подземные гаражи, купил два места. После обеда по паспорту Шурика, одного из компаньонов по банковскому делу, которого срочно пришлось разыскать, оформил вторую машину, тоже немецкую. Сразу у нотариуса сделал генеральную доверенность на себя. Подъехал к дому смотрящего, вышел знакомый охранник:

– Говорят, умер тот, за которым на зону ездили?

– Умер. У меня к тебе дело серьезное. Подскажи, где ребят толковых найти? Дела предстоят, а работать не с кем.

– О чем базар? Три моих кореша только что вернулись из армии, подиканились на Кавказе.

– Психика не съехала? Опасная штука.

Охранник поднял большой палец:

– Исключено! Не пьют, накачены, стреляют, как Рембо.

– Где найти?

– Подъезжай завтра к обеду, я их соберу. Работу ищут, но куда? На стройку за пайку и койку в общежитии. Молодые, кровь гуляет.

– Заметано. Подъеду.

Дома разобрал вещи Ивана Александровича, в поясе куртки нащупал металлические кругляши, распорол, выкатились полтора десятка золотых царских червонцев. В маленьком альбоме несколько фотографий, сам Доктор, тогда еще Бачурин, школьник лет десяти с матерью. Несколько фото женщин, красивых. Кусок засохшего серого тюремного хлеба, вечная пайка. Грустно. Был человек, рос, учился, стал вором и авторитетом, ни семьи, ни детей, родни даже никого не осталось. Родион отложил вещи. Опять пришла та же мысль: а я кто, я куда иду? Пока только одно ограбление, и то без проблем, никто не убит и даже не ранен. Если исполнять заветы Доктора, будет весь букет, будет кровь, и тогда уже нет возврата к спокойной жизни. Настена. Говорил он ей, что детей не будет, что семьи не будет, говорил или не говорил? Было, предупредил, что для семейной жизни не создан, но предложил жить вместе. Жили, друг другом довольны. Были у Родиона моменты, когда он чувствовал себя счастливым, но спокойствие и блаженство вдруг надоедали, хотелось чего-то острого. Он и на банковское дело пошел не потому, что деньги были нужны, деньги, и немалые, были прибраны, да и Доктор не ограничивал в расходах, только учет вести, чтоб отчитаться. А теперь и отчет держать не перед кем, деньги те его собственность. Но Жмых. Надо его дожидаться. Родион понимал, что он в этом городе, как голый в бане, люди Жмыха увидят его первым, и тогда конец известен. Как опередить? Как узнать, что все начинается? И вдруг: смотрящий! Человек, который знает многое в том мире. Надо идти к нему.

К смотрящему поехал в десять. Спросил ребят, как к нему обращаться. Улыбнулись: нужно будет – сам скажет. Сходили, доложили и проводили. Хозяин пил чай, хлопнул в ладоши, красавица-официантка принесла прибор и налила чай гостю.

– Докладываю, что Доктор похоронен достойно, как он и просил.

– Почему мне ничего не сообщил? – смотрящий явно был недоволен. – Я знаю, что у покойного должен быть со мной разговор, кто мог подумать, что он решит так просто все свои проблемы? Точно, что его не отравили? – смотрящий уперся взглядом в Родиона.

– Отвечаю. Яд у него был, он сам намекнул перед отъездом в больницу, но на том и остановился. Сказал, что умрет вдруг, неожиданно, потому лучше в больнице, чтобы до меня менты не докапывались. Мент сам вынимал изо рта осколки ампулы. Никто не мог пройти,

рядом пост медсестры. И никаких признаков сопротивления, он спокойно лежал на спине. Менты проверили, на остатках ампулы только его пальчики.

– Ладно. Ты чем живешь? – как бы вскользь спросил смотрящий, поливая цветы больших горшках.

– Дельце одно удалось, кормлюсь, – скромно ответил Родион.

– Надо думать, Доктор не зря тебя выбрал, видел смысл. Мы с ним в друзьях не ходили, он меня в одну долю не взял, обидел. Ну, это в прошлом. Держись ко мне, одного тебя сожрут, где найдешь теперь порядочных людей? Наедине называй меня Марком Несторовичем, погоняло приклеилось в юности, Маркс. Про общак не забывай, святое дело. Вопросы есть?

– Есть. Кто такой Жмых и почему его боялся Доктор?

– Боялся? Не верю. Гнал твой Доктор. У них со Жмыхом были общие дела и, похоже, бобы и ржа были совместные. Не просек? Золотишко и бабки. Жмых тянет в Иркутске, скоро откинется. Ко мне должен прийти. Тебе Доктор ничего не говорил про их заначку?

– Нет. Но денег дал. – Родион старался отвечать четко и уверенно.

– То мелочь. Жмых станет рыть. Да, и ты первый попадешь, он тебя колоть начнет. Опасно. Жмых всегда был на голову слаб, а тут пятилетку на замке. Ладно, поглядим. Вот я тебе телефончик записал, звони в крайнем случае. Иди.

Родион вышел и облегченно вздохнул: с Марксом надо сблизиться, первым делом денег ему подкинуть в общак, это оценит. У проходной стояли трое парней, ребята из охраны кивнули: к тебе.

– Отъедем в укромное место, поговорим.

Подъехал к уже присмотренному кафе «Нирвана», сели за дальний столик, от отдельной кабинки Родион отказался, там могли быть «ушки».

– Будем завтракать или только кофе? – спросил Родион.

– Кофе, – за всех ответил один.

– Мне нужны крепкие здоровые ребята, знающие оружие и умеющие им пользоваться. Когда оно потребуется, сказать не могу. Да, возможны убийства, но это не женщины и не дети, это наши противники и враги. Я буду платить раз в неделю, вот сумма, – он написал на салфетке и тут же сжег. – Это вне зависимости от дела. За отдельные задания оплата дополнительная. Постоянные тренировки, оружие выбирайте любое, я все оплачу. Про другое не знаю, но снайперская винтовка обязательно и «макары», само собой. Если согласны, обговорите все, и завтра вон в том кафе, напротив, в десять часов. Все, свободны.

Похоже, парни заинтересовались. Жестковаты, сразу видно, но надо с первого дня каждому указать место. Как – этого Родион еще не знал, но эти ребята должны уважать своего хозяина. И бояться.

Позвонил агент из конторы по продаже недвижимости. Несколько дней назад Бывакин заказал небольшой двухэтажный коттедж на окраине города с гаражами и садом. Агент предложил посмотреть три варианта. Поехали. Первый дом ему не понравился, стоял плотно к соседскому, и окна к соседу в ограду. Второй вполне приличный, но поехали к третьему. Домик, какой и хотел заказчик. Хозяева уже съехали, комнаты пусты и чисты. Родион прошел все, от подвала со спортзалом и бильярдом до спален на втором этаже.

– Родион Петрович, – вмешался агент, – этот дом интересен тем, что продумана защита. Бронированные ставни на окнах и входных дверях, в том числе и из гаража, опускаются нажатием одной кнопки. По паспортам, они выдерживают выстрел из гранатомета. Забор двойной, удержит таран любой машины. Дом может жить в автономном режиме довольно долго. Есть водяная скважина, мощный дизельный электрогенератор, в подвале вы могли видеть морозильные и холодильные шкафы для продуктов. Люди жили темные, уехали очень срочно, цену назначили вполне адекватную, но уже несколько клиентов испугались странностей его оборудо-

дования. Родион Петрович, у меня есть право уступки. Если мы оформим документы с уступкой, а ее размер вы передадите мне, я сделаю бумаги в два дня.

– Делай, – кивнул покупатель подумал об управляющем: кто-то должен обустроить этот замок, набрать штат obsługi. Но до этого он поехал в спецмагазин и попросил менеджера подобрать ему небольшой, но очень надежный сейф. Прошли в зал, клиенту показали все новинки немецкого и швейцарского производства. Он выбрал довольно приличный по размерам сейф с тройной защитой и включением особого режима, когда все шифры сработают лишь тогда, когда он, Родион Петрович, произнесет кодовую фразу. Несколько рабочих магазина внесли сейф на второй этаж. В тот же вечер он сам разобрал кирпичную кладку в межкомнатной перегородке, с трудом перекаптал туда сейф и установил заподлицо со стеной. Маленькую комнатку без окна с другой стороны, которая использовалась, видимо, как дамская туалетная и насквозь пропахла парфюмом, пришлось запенить, дверь снять, а проем заложить кирпичом и заштукатурить.

На другой день пришли мастера, поклеили новые обои, сменили замки на всех дверях. На стену спальни, где стоял сейф, осторожный хозяин заранее повесил ковер, объяснил, что там ящик под охотничье ружье и он позже сделает красивую дверцу, но проследил, чтобы обои клеили в его присутствии. Рабочие пожалы плечами и перешли в другую комнату. К вечеру привезли мебель для спален, и два молодых парня спросили, надо ли монтировать. Спецы быстро собрали кровати, плательные шкафы и туалетные столики. В своей спальне Родион установил шкаф так, чтобы одна секция полностью прикрывала доступ к сейфу. Вот тогда он поехал в свою однокомнатную квартирку, в нужном месте вскрыл пол, достал пластиковую трубу, отрезал заглушку и облегченно вздохнул: деньги на месте. Трубу сунул под куртку, снял с предохранителя «Макаров» и спустился к машине. Успокоился только тогда, когда доллары были уложены на полки сейфа, и он был закрыт на все три шифрованных замка. Два раза он открыл и закрыл сейф, ввел кодовую фразу, еще раз попробовал, пользуясь для памяти блокнотом. Потом улыбнулся: коды в блокноте хранить не станешь, надо что-то придумать. В гараже, соединенном с домом, он мелкими цифрами записал коды на канистрах с автомобильными жидкостями. Но уже понял, что все цифры помнит. Через день сорвал наклейки с емкостей и сжег их.

Очередная встреча и более основательное знакомство с командой демобилизованных десантников состоялось после приобретения оружия в глубоком лесу. Старший, он еще с Чечни, видимо, определился лидером, назвал себя:

– Иван. Это Григорий, это Федор. Как нам обращаться?

– Родя. Родион Петрович, если официально. Отношения понимаю, как товарищеские, потому что одно дело нас роднит, с другой стороны – должен быть порядок. Бумаг не пишем, даем слово быть командой. Нет против? Принято. Ответ только кровью. Мы должны понимать, на что идем. А сейчас сделайте разминку рукопашного, только легко.

Иван улыбнулся:

– Покажем, но у нас легко не бывает. Двое на меня!

Ребята разошлись и с двух сторон бросились на Ивана, тот ловко увернулся от Гриши и крутанул Федора так, что он закричал. Иван к нему:

– Не перебор?

– Да нет. Но круто.

Повозились еще с полчаса. Родя попросил Ивана заняться с ним.

– Понимаешь, я на зоне кой-какие приемы ухватил, но это грязь, расчет только на удачу и на силу.

– Сделаем, шеф.

Соорудили щит, опробовали автоматы, спецы остались довольны.

– Присмотрись, Гриня, номер не твой на «калаше»? Может, ротный продал после дембеля?

– Было и такое? – Родя посмотрел на Ивана.

– Было, почти в открытую. Шеф, чтобы еще одна тайна нас повязала: мы одного штабного мочканули, он, сволочь, связь имел с бандой, а один паренек услышал, как он по телефону сообщил, что группа вышла в ущелье. Мы уже ничего не могли сделать, когда туда вертушку из полка направили, все ребята уже кончены. Кинжалами, суки, сердца вырезали. Мы того штабного капитана казнили люто, но никто не хотел рук марать. Скрутили, подальше от начальства утащили, пристегнули к ноге гранату и проволоку к кольцу: беги!

– Обошлось?

– Взводный видел, что проволока на ноге, но промолчал.

– Снайперскую тоже все знаете?

Иван улыбнулся:

– Нет, у нас Федя Ворошиловский стрелок. Ну-ка, брат, пробуй.

Гриша установил на палке спичечный коробок в трех сотнях метров, Федор оперся локтем на крышку багажника джипа, долго настраивал оптику, выставлял планку, наконец, притих, и Родя видел, как медленно двигался его палец на спусковом крючке. Раздался хлопок, Родя глянул в бинокль и засмеялся:

– В десятку.

Иван кивнул:

– Иначе и быть не может. Федя, изобразим?

– Подожди, совсем не пристрелена, – проворчал Федор.

– Да ладно, коробок-то сбил.

Он взял с капота пластиковый стакан и побежал в сторону леса.

– Что он хочет сделать? – насторожился Родя.

– Робин Гуда повторить. Стакан на голове, Федя снимает.

Родя закричал:

– Иван, прекрати, прекрати эти штучки! Прошу тебя!

– Спокойно, шеф! – откликнулся Иван. – Я в Феде уверен.

– Федор, может, не надо рисковать? Я не приказываю, а спрашиваю.

– Шеф, это его забава, ну, что я могу сделать?

Он опять оперся на капот, чуть поправил оптику и приказал Грише:

– Счет!

Гриша громко крикнул:

– Внимание! Отчет! Три, два, один!

Хлопок, Родя видит в бинокль бледное лицо Ивана, он поднимает с земли стакан и идет к группе.

Родя смущен: надо было приказать, это же глупость, зачем так рисковать?

– Шеф, без обиды. Надо немного адреналина впрыснуть в кровь. А в целом это не опасно, Федя классный стрелок.

Родя взял Ивана за локоть:

– Последний раз, ты понял?

– Согласен, шеф, – смущенно кивнул Иван.

Сели на поваленное дерево. Родя понимал, что ребята ждут объяснений, и задачи на первое время он определил.

– Завтра я попытаюсь переговорить с человеком, который якобы акционировал хлебокомбинат, а на самом деле акции все у него, рабочие не получили ничего. Предложу небольшие деньги, чтобы он уступил кресло. Не согласится – его проблемы.

– Будем убирать? – поинтересовался Иван.

– Пока нет. Дадим время, и тогда перекроем поставку муки. Будем останавливать и заворачивать все машины. Печет он с колес, запаса нет, через неделю город останется без хлеба, и тогда придем мы. Будет мука, будет хлеб, будет уважение начальства и рабочих.

– А директор? – спросил Григорий.

– Свою долю он получит, остальное раздадим рабочим. За год акции можно скупить под разным предлогом, и комбинат наш. Следующая задача – ЦУМ. Его прихватили два братца Щербаковские, один служил в партии, другой в профсоюзах. У них с коллективом тоже конфликт, этим можно воспользоваться. Вчерне план такой. Рано утром снимаем охрану, к тому времени из числа работников формируем стачечный комитет, он занимает кабинет директора и никого не пускает в контору.

– А менты?

– Менты вмешиваться не будут, если объявлена забастовка. ЦУМ – фирма серьезная, кипишь в городе будет большой, начальство побоится разгонять народных избранных, а мы подсказем братьям выход: или бабки в карман и в сторону, или...

– Шлепнуть! – подсказал Иван.

– Ты бы все шлепал, – укорил его Григорий. – Шеф, уж больно все гладко получается. Вот ЦУМ – нам втроем его не удержать.

– Держать ничего не надо. На дверях будут ребята помельче, они есть. В администрации города есть пара человечков, готовых за бабки продать весь город. Самое главное, ребята, что конкурентов пока нет. Времени у нас в обрез, потому надо поспешать. Так, я не спросил, как вы в бытовом плане? Жилье есть?

Иван посмотрел на ребят:

– Эти два друга из армии пришли и вроде как лишние, у одно брат женился, у другого сестра замуж вышла, к тому же малыши в обеих квартирах.

Родя кивнул:

– Понял. Вот ключи от однокомнатной, это моя хата была, я вас пропишу.

Иван засмеялся:

– Все, братцы, гуляем новоселье.

Родя уцепился:

– Иван, это правда, что вы совсем не выпиваете?

– Конечно, врут. Почему не выпить рюмку-две, если по делу? А так – нет, шеф, облома не будет. Ваш дом охранять будем?

– Пока нет нужды, а дальше посмотрим.

От идеи с управляющим отказался, а чуть позже в кафе заметил молодую девушку, симпатичную, обходительную, явно деревенскую, еще не успела обнаглеть в городском общепите. Пригласил к столу.

– Слушаю вас, что будете заказывать?

– Тебя как зовут? – с улыбкой спросил посетитель.

– Варвара.

– Варя, Варюша. Деревенская? Живешь на съемной или в общежитии? Мне в дом хозяйка нужна, распорядитель. Пойдешь ко мне в хозяйки? – Родион старался быть ласковым.

– Это как? Я не поняла. И вообще нам запрещают говорить с клиентами на посторонние темы.

– Тогда вот тебе телефон, будешь свободна – позвони, я подъеду, обсудим.

Варвара ждала у общежития, одета скромно, но аккуратно, на лице никакой краски, даже губы чистые.

Он открыл дверцу, она осторожно села, предупредила:

– Только никуда не надо ехать.

– Да сто метров в сторону, чтобы не маячить. Варя, у меня большой дом, я холостяк, нужна хозяйка. Нет, я тебя не в жены зову, не пугайся, я вижу, ты деревенская, никому не веришь. И правильно делаешь. Обязанностей много: обед приготовить, я утром только кофе, а вечером – как придется, могу и обед доесть, не особо избалован. На тебе закупки продуктов, уборка, стирка, общий порядок. Могут гости быть, тогда готовить серьезно. Умеешь?

– Училась на повара, так что смогу, были бы продукты, – ответила почти с гордостью.

– Жить будешь в отдельной комнате, ключи от дома у тебя, пошла куда – мне позвонишь, а скоро охрана будет, им скажешь. Деньгами не обижу. Соглашайся.

– Как мне вас называть? – она чуть подвинулась в кресле, чтобы лучше видеть его лицо.

– Родион Петрович.

– Родион Петрович, а вы ко мне не будете приставать? – спросила и сама не поняла, толи намекала на что, толи предупредить хотела.

Бывакин кашлянул:

– Я же сказал, что не в жены зову. Приставать не буду, но если речь о свободных отношениях, то посмотрим. Медицинские документы у тебя, судя по всему, в порядке?

– Конечно. У меня нет случайных связей. Дружила с одним парнем, но разбежались.

– Твое слово? – Родион понял, что боится отказа.

– Согласна, – выдохнула девушка.

Поехали посмотреть дом. Варвара прошла по всем комнатам, вышла к Родиону уже почти хозяйкой.

– Уборки не было целый месяц, наверное. Кто в обуви ходил по второму этажу? Под порогом поставлю десяток пар тапочек, чтобы все разувались. А шторы где? Пылесос нужен. Короче говоря, подскажите, как мне до кафе добраться, уволюсь, а потом в магазины, швейную машинку возьмете – я вам такие шторы отмочу! Видели в кафе – моя работа.

Бывакин с улыбкой вздохнул: еще одну работу свалил на нужного человека.

– Варя, тапочки купи, но в приличных домах не разуваются.

Он очень устал в тот день. За солидный взнос в общак Маркс пообещал сообщить о приезде Жмыха. За это время в архиве хорошие люди за хорошие деньги подняли его дело, и Родя обзавелся фотографиями. Маркс обещал сообщить номер поезда и даже вагон, в котором прибудет Жмых.

– Имей в виду, если я даю, то это только для встречи, как положено. Понял? Если на меня выйдут с разборками, я тебя сдам.

Лукавил Маркс, что для товарищеской встречи дал наколку на все детали приезда друга, прекрасно понимал, как его встретит этот жесткий и властный молодой бандит. Но денег он дал много, ему, смотрящему, тоже ответ держать перед братвой. А Жмых – отработанный материал, только под ногами будет путаться.

Жмых приехал, как и обещал, вышел из вагона один, Родя узнал его в бинокль и послал Ивана с Федей встретить. Видел, как сели в машину, поехал следом. Яму в лесу подготовили еще вчера. Потасовки не было, просто Федя завернул Жмыху голову, доехали до поворота, свернули, Родя остановился в стороне. Видел, что вытащили тело, сняли всю одежду, сложили в целлофановый мешок, позже в другом месте залиют бензином и сожгут. Жмыха столкнули в яму, быстро зарыли, укрыли снятым вчера дерном. Родя осмотрел могилу и кивнул: поехали. Остатки сгоревшей одежды снова полили бензином, чтоб ничего не осталось. Ребятам отдал по пачке денег и уехал.

Варя встретила его новостью: весь день, раза три, звонила какая-то дама. Варя в последнем разговоре намекнула, что она отвлекает от важной работы, дама сказала, чтобы Родион Петрович позвонил Ладе. В голосе Вари чувствовалась ревность. Звонить в таком состоянии Ладе нельзя, да и вообще – зачем? Ведь все же ясно, эта барышня не про него, да и он ей

не пара, если станут разбираться. Ушел к себе в кабинет, но не утерпел, надо все делать разом, набрал мобильник Лады.

– Вы меня искали. Что-то случилось?

– Случилось. Вы бросили меня. – Родион понял, что дело идет к истерике – Вы безжалостный человек, Родион Петрович. Мне так плохо, я тоскую. Почему вы не приезжаете, даже не звоните?

– Лада Станиславовна, я вам все объяснил. Я другой, вы меня не знаете, забудьте обо мне. Вы красивая девушка, у вас сотни поклонников, а я не гожусь.

– Родион Петрович, если бы вы знали! Мне двадцать три года, и вы единственный мужчина, который меня поцеловал. У меня никого нет, кроме вас. Я схожу с ума. Родя, я согласна выйти за вас замуж, даже если весь мир будет против. Родя, если хотите, мы будем встречаться тайно, я на все пойду.

Родю это предложение крайне смутило:

– Лада Станиславовна, что вы несете! А ваши принципы, а ваша гордость, наконец! Вы же княжна!

Лада заплакала навзрыд:

– Я женщина прежде всего, Родя, это вы разбудили в холодной и одержимой мечтательнице страсть и жажду любви. Я смеюсь над собой, вся юность проведена в никчемных поисках былой значимости. Страшно сказать, в мои лета я не знаю прикосновения мужчины, просто объятия, горячего дыхания. Родя, вы совсем не любите меня?

– Мне вас жаль, – сказал он и положил трубку. На всякий случай, внес ее телефон в черный список, это же сделал и на стационарном. Вышел из кабинета, Варя смотрела на него возмущенным взглядом:

– Какой же вы жестокий, Родион Петрович! Уж простите, громкую связь убирать надо и двери прикрывать. Прямо саграп какой-то!

– Варя, я обещал не домогаться тебя, я держу слово, но если ты будешь меня провоцировать, я за себя не ручаюсь. – Он засмеялся и крепко обнял девушку. Она не оттолкнула его, только сказала:

– Родион Петрович, будет совсем тяжело, вы мою дверь знаете.

И пошла на кухню собирать ужин.

Разговор с Ладой разволновал его, нет, не потому, что сказал ей что-то лишнее, все это он сказал бы и в другое время, и при личной встрече. Но такой встречи больше не будет, уж он постарается ее избежать. Если княжна готова на все, черт знает, что у нее на уме, и Родя не железный, может не устоять, тогда что? Этот тип женщин он уже представлял. Привяжется Лада, совершенно искренне, со всей своей застоявшейся любовью, и куда он потом? Нет, княжескую кровь с разбойничьей не смешать, Роде кто-то в тюрьме сказал, что в Сибирь сбежало в свое время много разбойников из разбитых банд Разина и Пугачева. Вот Аннушка, нормальная бабочка, пригрела, душу отвела, и не липнет. Правда и он адреса ей не давал, хотя в душе был благодарен за любовь и ласку. Или Настена. Не сказать, что прикипела к сердцу, но девчонка хорошая, даже жалко. Решила схитрить, мол, забеременею, никуда не денется, оставит, да и зарегистрируется потом. Столько времени прошло, а ведь ни разу не позвонила, не пришла. А теперь и искать будет – не найдет, далеко от той квартиры уехал. Надо сказать парням, чтобы никому никаких координат. Да, впрочем, они и сами понимают. А вообще надо бы найти Настену, узнать, как она. Учиться собиралась. Ладно, выберу время, наведу справки.

Всякий раз, ложась спать, он чувствовал, что ненормально живет, мужику под двадцать пять, а постель погреть некому. И сегодняшней день, гнутый-перегнутый, закончился разговором с Варварой почти о том же. Встал, подошел к двери Вариной комнаты, потянул ручку, девушка села в постели.

– Я знала, что вы придете...

... Уткнувшись ему под мышку, Варя прошептала:

– Вы не подумайте, что я стану этим случаем спекулировать. Надо – на стороне ищите или везите кого, а я тут всегда. И всегда приму с радостью, потому что вы мой хозяин и кормилец. Я за вашу помощь родителей в деревне спасаю.

– Не говори так, Варя, а то получается, что я покупаю твою ласку.

– Вы не обижайтесь, я ведь по простоте своей. Заработаю у вас денег, вызову из деревни парня одного, Мишей зовут, снимем комнатку и будем жить.

– Варя, я тебя никуда не отпущу.

– А когда женитесь? Жена ревновать будет, выживет меня.

– О, до того времени еще далеко. Ты вечерами приходи ко мне, тяжело одному, сны дурные вижу. А ты обнимешь, и мне спокойно будет.

– Я-то приду, Родион Петрович, только чтобы мне не привыкнуть. Я девчонка влюбчивая, куда меня потом?

– Ладно, спи. Я пойду к себе, надо по завтрашнему дню определиться. Спокойной ночи.

– Приятных снов... – она чуть не назвала его Родей, как называла в полузабытых объятиях и поцелуев.

В своей спальне Родион включил ночные новости. Дикторша спокойным голосом вещала о том, что на нескольких предприятиях города создаются забастовочные комитеты, трудовые коллективы высказывают недовольство результатами приватизации. Особо напряженная обстановка на комбинате хлебобулочных изделий, где, по словам руководства, заканчивается мука, а новых поступлений нет, и город может через два дня остаться без хлеба. Не лучше положение и в главном магазине областного центра, в ЦУМе власть в свои руки взял стачечный комитет, бывших руководителей буквально выкинули из здания. Ходят слухи, что за народным волеизъявлением стоят криминальные структуры, но в управлении внутренних дел дали комментарий: полномочия избранных комитетов проверены, органы не вправе вмешиваться в управление производством. «Пока нарушений существующих законов нет, трудовые коллективы действуют в рамках правового поля» – так подвел итог сообщения начальник городского УВД, вчера получивший от Роди солидную пачку зеленых бумажек.

Бывакин расписал по часам весь день. На хлебозаводе в десять соберем актив и назначим директора, им станет нынешний заведующий производством. Федя и Гриша войдут в состав совета директоров. Что делать дальше, они знают. В три часа собрание в ЦУМе, никого лишнего, есть пяток выступающих. Директором выберут старшего товароведа, Иван становится заместителем. Через месяц все будет, как надо. На оба предприятия у Роди уже есть покупатели, группа кавказских товарищей уже неделю звонит ежедневно: с огромными деньгами жить в чужом городе очень опасно. Родя сегодня представился кавказцам новым именем – Бывалый, вспомнил размышления Доктора. И еще поднял цену. Если не будет согласия, он находит других партнеров. Кавказцы поцокали языками и согласились.

Закончив все дела и отпустив команду, Бывакин собрался в ресторан поужинать, но вспомнил, что зерна кофе закончились, и он забыл наказать Варе, чтобы купила. Пришлось заезжать в ближайший магазин. Вошел, осмотрелся – ба, да это тот самый «маркет», у его бывшей квартиры, в продовольственном отделе котором он отоваривался несколько месяцев. Здесь же встретил Настену. Что-то шевельнулось в сердце, но он убил это слабое проявление жалости или вины – не сразу поймешь. Прошел между стеллажами, отыскал кофе и пошел к кассе. Очереди не было, но все сотрудницы собрались у стола.

– Здравствуй, Родя.

– Давно не бывал, разбогател, должно быть.

– С сыном тебя. Ты хоть знаешь, что папашей стал?

Родион оторопел.

– Какой он папаша? Кобель он, и никто больше. Обрюхатил девку и выгнал. Сволочь!

Родя настолько растерялся, что не нашел, что ответить. Откровенное хамство было неуместным, выказывать радость он не мог и не имел права. Едва взял себя в руки.

– Где она? – спросил всех сразу.

Девчонки замолчали. Старшая, видать, семейная женщина, отвела его в сторону.

– Девчонки ее из роддома забрали, но в общаге с дитем держать не будут. Дали неделю на определение, а у нее ни гроша за душой, и домой ехать боится, отец прибьет.

Родя молча вышел и уже в машине остановил сам себя: Бывалый, и куда ты собрался? В уютное гнездышко на втором этаже собственного коттеджа? Или на первом в теплую постель любвеобильной Вари? А в это время твой сын и его мать, девчонка, которая тебе нравилась, мучаются в грязной общаге, у Настены от столовского питания, пожалуй, и молока нет. Ребенок плачет. Его ребенок. Что делать? Подумал: мать бы узнала – за уши отодрала. Уехать и все забыть, в магазине этом не появляться, никто и не напомним. Настена сама не придет, да и не знает, куда. Да, в такой ситуации он еще не был. Никогда еще что-то внутри не мучило его, он и не знал, что это совесть. Забыть, не связывать себя женой и ребенком, дать ей денег, купить квартиру. Пройдет время, ребенок подрастет, Настена девушка видная, все равно найдет себе мужика, а сына... его сына будут звать выблядком, как и его когда-то. Нет, этого не будет. А что делать-то? Немедленно ехать к Настене. Немедленно. Набрать продуктов... Нет, это банально. Цветы? Ей только этого сейчас не хватает. Просто поехать, поговорить. Ведь не чужие теперь.

По обшарпанным ступенькам общежития поднялся на второй этаж, остановил девчонку с сигаретой:

– В какой комнате женщина с ребенком?

– Настя? В двадцать пятой.

Постучал, кто-то подошел и медленно открыл дверь. Настена. Она качнулась, ухватилась за косяк:

– Проходи, он спит.

Родя прошел, сел на табуретку. В комнате порядок, на веревке постиранные пеленки, в углу коляска простенькая, не новая, детская ванночка. На столе пакеты с детским питанием. Половина булки белого хлеба.

– Настя, я только сегодня узнал, – хотел сказать в свое оправдание, а оказалось – подставился.

– Память у тебя прохудилась, Родион, ты еще полгода назад знал, да не хотел знать. Я просила девчонок в магазине не говорить тебе ничего. Я уже собралась, мама приезжала, отец смирился, говорит, вырастим и воспитаем, не хуже других. Вот, завтра приедут, легковушку наймут.

Родя молчал. Может, судьба дает ему шанс избавиться от этой проблемы? Или наоборот, дает возможность проявить себя мужчиной и отцом. Где же выход?

– Настена, а если я тебя с ребенком к себе заберу? Поедешь?

Ждал, что обрадуется, согласится, засуетится, а он заставит взять только сына, а все старье – выбросить. А получилось:

– Нет, конечно, не поеду. После такого позора. Да, врачи отказались, сказали, что поздно и опасно, мне куда деваться? Работала до последнего дня, думала, вдруг заглянешь, увидишь, что едва ношу твоего богатыря. Нет, не зашел, не нужны. Ничего, теперь, слава Богу, все на своих местах.

Родион встал:

– Забери ребенка, это пусть остается, сейчас же заедем в «Малютку», все новое купим.

– Родя, ты не понял. Завтра приедут родители мои, и мы с сыном едем домой. – Она едва успевала вытирать слезы.

– Подожди, я не понимаю. Ты не хочешь, чтобы у ребенка был отец? – Родиону казалось, что это почти козырный туз, не скажет же она «нет».

– Такой – не хочу. Такой, который, если что-то не так, не по его, способен отказаться от... женщины, беременной его ребенком – такой не нужен.

Родион знал натуру Настены, в ней было это упрямство, эта непреодолимая жажда справедливости. Он однажды сильно ее оскорбил, и она этого не простит.

– Настя, научи, что я должен сделать? – Родя сломался, он уже готов был встать на колени. За занавеской послышалось кряхтение и потом тихий плач. Родители помолчали.

– Уйди, Родион, уйди, так будет лучше всем. И тебе тоже. Ты же и сейчас маешься, между двух берез заблудился. Не мучай себя, живи, как жил, и мы тоже будем жить. Запишу я сына дома, имя дадим, отчество отца моего, и фамилия наша. На алименты подавать не буду, не боись. Так что твоего ничто не пострадает.

– Да как ты можешь так говорить! Я сам через это прошел, и отчество у меня мамино, и отца я не знаю, и все детство выблядком был в деревне. Не хочу! Не отдам сына и тебя не отдам. Настена, поверь мне, прошу тебя.

– Нет, Родя, пусть все будет, как сложилось. Захочешь – приедешь, поиграешься с сыном, я не против. Но к тебе не пойду. Да и не любил ты меня, так, нравилась, смазливая, игривая, пока не доигралась.

Бывакин охватил голову руками: что же делать? Как уговорить Настю поехать к нему? Потом его осенило: он что, на квартиру ее приглашает? Дурак, кто так разговаривает с матерью своего ребенка? Ты же отец, она мать, есть сын, значит, вы – семья, и ты в ней главный ответственный. Родя даже улыбнулся:

– Настя, прости меня, я не с того начал. Я прошу тебя стать моей женой. Женой моей стать, единственной и любимой. И сын у нас будет еще не один. Прошу тебя, соглашайся.

Настена заревела в голос, Родя обнял ее и впервые вместо волны желания ощутил тепло и радость от горячего женского тела. Настя вытерла слезы и сама испугалась минутной слабости.

– Нет, Родя, будет так, как мы с сыном решили. Помнишь, ты говорил мне, когда я призналась, что был у меня роман с одним пареньком: за все надо платить. Я заплатила. Теперь твоя очередь. Завтра мы уезжаем. Адрес можешь записать или запомнить, гостем не будешь, но в дом пустим.

Бывакин встал. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, но тут случай особый:

– Настя, ты пожалеешь об этом. Я сегодня состоятельный человек, меня зовут Бывалый, и дела мои к лучшему, подумай, от чего ты отказываешься.

Настя улыбнулась:

– Деньги никогда не были спутником счастья, Родя, разве ты не понимаешь простых вещей?

– Ты пожалеешь об этом! Ты обязательно об этом пожалеешь. Ты оттолкнула меня, стоящего на коленях. Никогда не прошу тебе этого!

Он хлопнул дверью и вышел в вонючий коридор общаги. Его трясло. И он не мог бы сейчас сказать, потеря так и не обретенного сына были причиной мстительных ноток в голосе, так знакомых ему, или неудавшийся проект, в котором он был на сто процентов уверен? Ведь он был абсолютно уверен, что Настена бросится ему на шею, будет тысячу раз благодарна, и ни разу не вспомнит о том, как он ее прогнал.

Злой и больной приехал он домой, Варя, видя это, старалась не попадаться на глаза. Бывакин долго сидел в кабинете, среди ночи вошел в комнату Варя, она испуганно вскочила с постели, Родя крепко обнял ее, и легонькую ночную рубашку отбросил в сторону...

Гроза, которой Бывакин больше всего боялся, потому что она могла испортить десять километров грунтовой дороги от трассы до деревни, прогрохотала всю ночь, но дождя он так и не услышал, несколько раз выходил на лоджию: молнии разрывали небеса, освещая неверным светом спящий каменный город внизу и соседние коттеджи, больше похожие на замки. Гром был сухой и хрумкий, будто кто-то огромный там, в небесах, ломал кости и хлётско, раскатисто бросал их на камни. Он вспомнил, что старый дедушка Ефим в таких случаях судорожно крестился и объяснял маленькому Родю, что гром оттого, что Илья Пророк на своей колеснице по небу летает и швыряет молнии в неверных людей. А бабушка Федора всю грозу стояла перед маленькой прокопчённой иконой в переднем углу, молилась размашисто и уверенно, время от времени пугая Родю словами: «Крестись, лишенец, а то Боженька ругатца!». Он часто в последние дни вспоминал деревню, полуголодное детство, школу, друзей. И мать...

Желание поехать в родную деревню возникло внезапно. Хоронили старого знакомого, другом Родю его не считал, но судьба повязала, вместе встречали Жмыха с командой, а когда началась вольница, вместе громили конторы, ставили своих директоров и через пару месяцев продавали заводики, фабрички, магазины тем, кто готов был платить. Богатели, нагнали, Родя поаккуратнее был, через верного человека, хоть и за большой процент, но баксы свои в Швейцарию переправил, а ребята лопухнулись. Когда их повязали, кореш тот переслал просьбу дать следователю двести тысяч зелёных. А у Роди нет ничего. Мог бы, конечно, перехватить, связи имелись на такой случай, но уже тогда доверия к старым поделщикам не было, и совместных дел в будущем он не хотел иметь. Так и передал, что бабок нет. Конечно, не поверили, после срока обещали поквитаться, но Бывалый их ждал. Двое исчезли сразу, он не любил даже вспоминать об этом, третий, Стас, скрылся, потом приполз на коленях, кровью поклялся, что претензий не имеет. Родю, а если точнее – Родион Петрович – отправил бывшего друга в гараж, тот когда-то в техникуме на механика учился. Встречались редко, а потом ему доложили, что механик в больнице и при смерти, тюремный туберкулёз перешёл в неизлечимую форму. Шеф дал команду похоронить Стаса по первому разряду, сам себе пометил: разом за всех откуплюсь у братвы.

Все уехали в ресторан на горячий обед, а Бывакин пошёл по кладбищу, всё больше удивляясь тому, что он столько лет удачно избегал посещения этого грустного человеческого пристанища. Его поражали огромные сооружения на могилах крупных чиновников, евреев и бандитов. Последних он знал почти всех, с мраморных плит смотрели милые молодые люди, почти актёры по красоте, на какую был способен художник. Ухмыльнулся: земля всё скроет; и пытки, и поджоги, и убийства. Он уже не хотел вспоминать, что с некоторыми ребятами витийствовали вместе, утешался, что крови на нём нет, ни на кого пистолета или ножа не поднимал, судьба избавила, за его деньги было, кому... Всегда выбора не было, не он, так его, тут только такой расклад. Он вернул зарубежные деньги, в разгар приватизации купил солидную строительную организацию с собственным производством железобетона и столярных изделий, потом еще два заводика, объединил их в корпорацию со звучным названием «Командор», нанял толковых мужиков, которые за приличные оклады повели дело, да так успешно, что через два года Родиона Петровича уже приглашал сам губернатор.

Бывалый пошёл вдоль ряда могил, уже не обращая внимания на надписи, на выходе увидел своих охранников, не спускавших с него глаз, а у последней могилы пришлось обходить молодого человека, склонившегося над решёткой ограды. Мужчина выпрямился и обернулся. Родю настолько смутило его заплаканное лицо, что он невольно спросил:

– Простите, это ваша жена?

Молодой человек охотно ответил:

– Это мама. Просто я заказал портрет с фотографии, где ей только тридцать.

Родю и сам не мог понять, зачем он затеял этот разговор:

– Она умерла недавно?

– Десять лет назад. Я убрал даты, зачем людям знать? Пусть видят её красивую и беззаботную. – Мужчина поправил цветы.

– А вы живете в другом городе? – зачем-то спросил Родион.

– Почему вы так решили? – удивился мужчина.

– Ну, вероятно, редко бываете, вот слёзы...

– Мы бываем каждую субботу, просто сегодня я рано освободился на работе и решил заехать. Мы бываем всей семьёй, у нас трое детей. Мама нас видит, я думаю, что она радуется за нас. А вы тоже навещали родителей?

Родя смутился:

– Нет, я по другому случаю. Моя мать похоронена в деревне.

– Не мать, а мама. Так следует говорить. А это далеко?

– Не особенно, по нынешним скоростям... – замялся Родион.

– Вы часто у неё бываете? – спросил мужчина.

Бывакин испугался: вот влип в беседу, ладно, что охрана не слышит.

– Бываю, но редко.

Молодой человек улыбнулся:

– Надо почаще навещать, ведь это мама, она нам дала жизнь, и нить эта непрерывна, из поколения в поколение. Извините, я заговорил вас.

– Это вы меня простите, – сказал Родя и быстрым шагом пошёл к машинам.

– Домой! – кивнул водителю, и три джипа рванули с места.

Дома принял душ, одел только плавки, открыл холодильник, налил в рюмку коньяк, сел на низкий диван. Коньяк чуть взбодрил, но вдруг возникло неуместное воспоминание: тот молодой мужчина сказал, что у него трое детей. Конечно, есть жена. От него даже запах домашний, какой-то незнакомый Родиону, вот от него постоянный запах одних и тех же духов, ему подбирали специалисты из десятков разных склянок. Остановились на этом, заплатил пятьсот баксов, а потом Ангелочек, Ангелина, девушка из приёмной, как попугай, знающая только одну фразу: «Родион Петрович занят», принесла ему флакон туалетной воды точно с таким же ароматом. Родя вдруг вспомнил, что в детстве любил щи, которые мать оставляла у загнетки в русской печи, и он, обжигаясь, доставал ухватом чугунок, поварёшкой накладывал, а не наливал в блюдо густые щи, красные от перепревших овощей, пахнувшие капустой, луком и ещё чемто, деревянной ложкой доставал из горшка сметану, размешивал в блюде и жадно хлебал, подставляя под ложку кусок хлеба, чтобы не капать на стол. Иногда мать оставляла в печи большую сковороду, закрытую тяжёлой крышкой, Родя выуживал её клюкой, горшеиком прихватывал крышку, и запах запечённой в сметане картошки наполнял избу. Есть следовало с краюшка, дочиста вычищая дно и стенки жаровни, а потом закрыть и поставить в печь – мать придёт, станет ужинать.

Он встал, налил ещё коньяка, сделал пару глотков. Раньше пил много и разное, а потом взял себя в руки: три рюмки, и только коньяк, настоящий армянский, который привозила ему знакомая стюардесса. А многие ребята спились, потерялись, умерли. Да... Сел в кресло, вспомнил, как хоронил внезапно умершую мать. Приехал вечером, женщины сидели вдоль стенки, мать лежала в непривычно красивом платье, прикрытая по пояс белым коленкором. Никто ничего не говорил, никто не корил, но Родя чувствовал, что деревня винит его, что мать изробилась в колхозе, а он путался неизвестно где, даже письма не прислал, не говоря про перевод. Это ему утром мужики опохмелённые пересказали. Ладно что из сельсовета год назад справку затребовал для паспорта, так и нашли адрес, а то бы и не проводил.

Когда вошел, все разом замолчали, будто испугались кого, но не всякий и узнал, только тетка Лукерья встала с табуретки, подошла:

– Вот как, Родя, приехал ты к мамке, а она и не встречат, голоса не подает, не прижмет к сердцу. Подойди, поклонись да присядь в головах, можа, и скажет тебе, проходимцу, что

все глаза проревела, на дорогу гляючи. Не сверкай на меня, я не за себя, за мать твою разнесчастную говорю. Не пофартило ей в жизни, за одного вышла, потом с другим сошлась, один другого краше. Тут тебя прихватила на горе, уж как маялась, как мучилась. На колхозной работе надо каждый день быть, а тебя куда? Господи прости, Фешка ты Фешка разнесчастная! Ты только ползать начал, поставит блюдо с картошкой, молоком зальет, тебя к косяку веревочкой под пояс привяжет, глаза закроет и на работу. А вечером бежим, говорит: «Луша, айда со мной. Боюсь в избу заходить, живой ли Родя?». Вот как было.

Кто-то сказал тихонько:

– Будет тебе, Лукерья, парень и так заходится.

Что случилось – он и сам понять не мог, захлестнули слезы, запоздалые, все разом накатило: и годы воровские, и мать забытая, и первая тогда заноза, что так нельзя жить. Встал у гроба на колени, уткнулся в последнюю мамину подушечку, набитую травой лесной, клевер узнал, визиль, ромашку, еще больше сердце расслабилось. Запах маминых волос, свежевывмытых и ополоснутых крапивным настоем, как она любила. До самой школьной поры после бани он спал с мамой, вот так же уткнувшись в подушку и дыша родными запахами, пока еще ничего в них не понимая. Теперь все стало упреком – и люди вокруг, и эти запахи, и мертвая мама.

К вечеру женщины разошлись, остались три родственницы, пришедшие из соседней деревни, толи сестры второго мужа, толи отца, которого Родя так и не видел никогда. Записала мать его в сельсовете на свою фамилию и отчество свое дала – Петрович, а кто отцом парня будет – так и не могли допытаться. Родя помнил, как первый раз в деревенской ребячьей драке назвали его выблядком, ему тогда разбили нос и губы, он пришел домой в предчувствии еще большей боли:

– Мама, пошто меня обзывают выблядком?

Мать обхватила его руками, потащила к рукомойнику, умыла лицо, поцеловала в опухшие губы:

– Терпи, сынок, будут так звать – уходи от греха.

Не ушел. В седьмом классе учился, в очередной драке вынул из кармана ножичекскладешок, у каждого пацана такой, даже развернуть не успел. Не учили, суд был суров: детская колония...

Луша управилась и пришла:

– Ты бы, Родя, шел к нам, тут тебе и отдохнуть негде.

Родя промолчал, подвинул табуретку к гробу, сел. Луша больше не предлагала. Тетки – две на кровати, одна на печи – дружно захрапели. Луша сидела в кутнем углу:

– Родя, ты хоть скажись, как живешь, чем занимаешься?

– Нормально живу, тетка Лукерья, работаю.

– Семья есть, ребятишки? – интересовалась тетка.

– Нету, – резко ответил он.

– Мать все ждала, можа, внуков привезешь погостить. Ты пошто такой нелюдимый-то? Мать-то пошто так?

– Не надо, тетка Лукерья, – Родион из-под лобья на нее посмотрел и встал.

– Ладно, Бог тебе судья.

К обеду гроб вынесли, поставили на телегу и повезли на могилки. Несколько человек потянулись следом. Копальщики сидели и ждали. Кто-то из баб завыл, но ее не поддержали, Родя понял, что боятся его или стесняются. Мужики рассказали, что для деревенских он бандит, вроде как даже главарь, его и в тюрьму не садят, потому что в авторитете. Он первым подошел к гробу, поцеловал мать в лоб и велел закрывать крышкой. Застучали молотки, кто-то опять всплакнул, Родя отозвал в сторону Лушу:

– Оставляю тебе вот эту пачку, заплати всем, кому положено, помяните мать и все обеды справь. Я, может быть, скоро приеду.

Не приехал...

Опять вспомнился молодой человек с кладбища, это что он говорил про детей? Трое у него? Хорошо это или плохо – Бывалый улыбнулся: он не знал. Есть сын, но характер не позволял идти к Настене на поклон, посылал деньги, направлял ребят узнать, не встречается ли с кем, не вышла ли замуж. А ведь и самому третий десяток доходит, женщин полно, ему по звонку привозят самых-самых, но все они одинаковы, дежурно целуют, дежурно стонут, бесстыдно голыми выходят из душа.

Гроза постепенно скатилась, и только дальние сполохи молний и глухой рокот грома напоминали о беспокойной ночи. Родя заставил себя лечь и уснуть, все распоряжения в офисе он дал накануне и никому не сказал, что уезжает. Вечером начальник службы безопасности по телефону поинтересовался, будут ли указания на утро, Родя ответил, что охране даёт выходной. Управлять собой, своим настроением и своим состоянием его научил старый узбек, к которому в чайхану он ездил покушать настоящий плов. Узбек со странным именем Алахитдин поразил его абсолютной невозмутимостью, безупречной аккуратностью и чистотой, его сухое и чистое лицо с бритой головой, покрытой аракчинкой, украшала седая остренькая борода. Он плохо говорил по-русски, но все понимал. Родя уже и не помнит, кто привёл его к Алахитдину, но ему тут нравилось все, но больше всего хозяин. Он всегда теперь встречал Родю, вежливо кланялся и говорил, что плов будет готов, едва солнце два раза успеет спрятаться в облаках. Говорил, что сегодня свежий барашек, поскольку он говорил так почти всегда, Родя однажды дал команду тихонько проверить. Точно, мясо было свежее, ещё тёплое.

В тот раз Бывалый приехал в скверном настроении, что-то не ладилось, подводили партнёры, заседала налоговая инспекция, старый узбек заметил это и подошёл к столику:

– Зачем запустил чёрные думы в свою башку? Ты давно любишь мою чайхану и хорошо платишь, ты знаешь толк в плове и шашлыке, отличишь настоящий чай от помоев. Я тебя уважаю, потому скажи, что за зверь терзает твою душу?

Родя все рассказал узбеку, тот взял его за руку и повёл в свою комнату за перегородкой.

– Сядь тут. Туфли сними, ремень убери, наган под салфетку положи. Смотри мне в глаза и думай о хорошем. Жены нет, детей нет. О чём думать? Думай о полёте, ты, как птица, летишь над землёй, внизу арыки и аулы, стада овец пасутся в долинах, караван верблюдов везёт товары людям. Много декхан работает в садах и на полях, это хлопок так красиво растёт...

Дальше Бывалый уже не слышал, он видел и поля, и сады, и красивых узбечек, и прохладный ветер, настоянный на всех цветах долины, обдувал его и ласкал. Когда он очнулся, Алахитдин улыбался ему, прищурив глаза:

– Приходи через три дня, вечером, в твоей башке много грязи, надо уборкой заниматься.

Родя потянулся к барсетке, но узбек поймал за руку:

– Оставь деньги. Деньги – зло, я помогу тебе просто так. Ты хороший человек, я так думаю.

Уроки старика Родя усвоил быстро, научился отключаться на четверть часа в любой обстановке, стал сдержанным, невозмутимым, чем иногда пугал сотрудников. Вот и сейчас – откинул покрывало, заботливо заправленное приходящей домработницей, лёг на мягкое гостеприимное одеяло, расслабился, перестал думать, но сна не было.

Когда приехал к узбеку, как и договорились, через три дня, процедура проходила в той же комнатке, только Родя лёг на кушетку, больше похожую на топчан, Алахитдин сел рядом, долго глядел в глаза, Родя снова уснул и спал, видимо, долго, потому что в комнате было темно. Он приподнялся, кто-то раздвинул шторы на окне, и в квадрате света появилась женская фигура.

– Вы хорошо спали, и я закрыла окно.

Она подошла ближе, и Родя увидел молодую, даже юную узбечку, с множеством косичек на голове, в цветном просторном халате, который даже при лёгком движении выдавал её

заманчивую фигуру. Что-то шевельнулось в памяти, только никак не мог вспомнить, но уверен, что где-то видел эту девушку

– Отец работает, а меня попросил быть около вас. Я позову его.

Старый узбек сел рядом.

– У тебя тут, – он постучал по своей голове, – кровь портится, долго сидит, свежей крови нет, а старая не уходит. Надо лечить вот тут, – он опять постучал по своей шее. – Гузель будет тебя лечить, она ещё ребёнок, но аллах дал ей знание. Это моя младшая дочь. На родине совсем бедно, она приехала сюда, русский хорошо знает, надо учиться. Гузель хочет быть врачом. Слушайся её, когда больно – скажи. Но надо терпеть.

Первый сеанс назначили на субботу, Родя ловил себя на том, что ему хочется видеть эту красивую и таинственную узбечку, никогда раньше он не увлекался женщинами, сам не заводил знакомств, чьи-то попытки познакомиться с местными красавицами заканчивались традиционными обменами любезностями и холодным прощанием. Родя считал, что ценил свободу, хотя и сам не знал, для чего она ему?

Гузель встретила его у входа, поклонилась в знак приветствия, он тоже кивнул, прошли в комнату.

– Разденьтесь по пояс. Нет, брюки помнутся, вот простыня, снимите все, завернитесь в простыню и на живот. Мне нужен ваш позвоночник.

Девушка вошла в белом халате, указала на кушетку, попросила продвинуться вперед, чтобы освободить шею, голова чуть свисала с кушетки.

– Вам неудобно? Терпите. Тогда начнем.

Ее теплые ладони растирали его грубое тело, он расслабился и готов был уснуть, но она начала работать пальчиками, и они проникали все глубже в кожу, в мышцы, почти касались костей. Пройдя по всему позвоночнику от копчика до затылка, Гузель сказала:

– Сейчас я буду смотреть шейный отдел, будет больно. Но вы же мужчина.

Тонкие пальчики оказались железными клещами...

После этой процедуры Родя долго спал. Были сны, быстрые, как мысль, он не успевал понять, что снится, а картины уже менялись, и вновь скользили сквозь память, оставляя только теплые чувства. Только поднял голову – старик стоит на пороге.

– Крепко спал, храпел сильно, клиент спрашивал, что там такое. Улыбаюсь: мужчина спит. Храпеть тоже не будешь, я научу. Твои люди волнуются. Ты собрался в путь?

Бывалый вздрогнул: он этого никому не говорил. Старик усмехнулся:

– На родину едешь. С чистым сердцем надо. Родных никого. Могилы есть. Слезу пусти, не держи, слеза сердце моет. Прощай пока.

Исполнительный директор строительной фирмы Макс Михайлович Самсонов позвонил и попросил о встрече. Родион назначил на девять утра. Самсонов, умный и толковый экономист, начал сразу с главного:

– Родион Петрович, вчера главный бухгалтер принесла отчет за полугодие, конечно, два варианта, так вот, по чистому прибыль приличная, мы такую еще не получали. Я понимаю, все снимем, переведем в валюту и... Родион Петрович, в сейфе нельзя хранить столько денег, они должны работать.

Бывакин кивнул:

– И что вы предлагаете?

– Вариантов много, но в городе есть смысл ввязываться только в производство с новейшими технологиями, вам пока этого не предложили, а просить вы не станете. Но можно другое: купить пару колхозов и заняться аграрным бизнесом. Дело надежное и перспективное, люди кушать хотят при любом режиме. У меня есть один знакомый, прекрасный экономист и даже практик, был директором совхоза, начальником сельхозуправления в районе. Если ему

поручить, он сумеет все организовать. Нет, Родион Петрович, если вы не согласны, я снимаю предложение.

Шеф промолчал. Действительно, сейф в потайной нише хранил пачки новеньких долларов, иногда он открывал бронированную дверь и тупо смотрел на полки: куда это все? Не найдя ответа, звонил главбуху и велел с текущего счета перечислить детскому дому полмиллиона. Детский дом был рядом с городом, Родя познакомился с заведующей, крупной и грубоватой женщиной, но быстро понял, что это внешнее, а на самом деле Акси́нья Васи́льевна хорошая хозяйка и заботливый воспитатель. После первого перечисления она пригласила дарителя, показала свое хозяйство, провела по школе, по спальням, зашли в столовую и на кухню.

– Хлеба детям хватает? – неожиданно спросил гость.

– Родион Петрович, хлеба – да, но с другими продуктами проблемы. Наверное, мы часть на продукты пустим, уж больно короток рубль на пропитание воспитанников. Еще посуду надо бы обновить. Все так дорого. Только вы не беспокойтесь, все до копейки пойдет на деток.

– Поезжайте на швейную фабрику, закажите по вашим размерам по паре комплектов постельного, подушки подыщите, одеяла, матрасы. Возьмите счета и привезите в офис. Вот моя карточка, тут телефон, сразу мне сообщите.

Акси́нья Васи́льевна заплакала:

– Родион Петрович, да я мигом, я в три дня все решу. Только вы цен не знаете, это будет очень дорого.

Бывакин кивнул:

– Я до тюрьмы не знал, что такое одеяло, фуфайкой укрывался.

Заведующая всплеснула руками:

– А в тюрьму-то вас за что, Родион Петрович?

Он усмехнулся:

– Это в детстве было...

...Шеф отпустил Самсонова, обещав подумать, хотя идея податься в деревню ему не понравилась. Он слышал, что в сельском хозяйстве проведено реформирование, знал по собственному опыту, что в России после реформ мало чего остается, не зря просоветские газеты пишут, что слово «реформа» стало синонимом развала и разгрома. Помнилась и родная деревня Лебедево, родной колхоз, где все на пупу и через «твою мать». Из техники знал гусеничные ДТ, самоходные комбайны с козырьками вместо кабин. Современная зарубежная техника, которую иногда показывали по телевизору, казалась фантастической: тракторы с программным управлением, широкозахватные культиваторы, комбайны с кондиционерами. Он не знал, что с его деревней, как она сегодня живет, но догадывался, что не далеко она ушла от потерянных и погибающих. Вот тогда и задумал, что надо поехать и посмотреть, а тут как раз похороны, разговор с незнакомым мужчиной, новые, будто чужие, мысли о доме, о семье.

Решил так: поеду в деревню, найду мужиков толковых, не всех же раздавили реформы, поговорим, посмотрю, как они отнесутся к предложению, радостно улыбнутся или ехидно хмыкнут. А потом и с протезе Самсонова надо основательно познакомиться, опыт работы есть, но её тогда называли руководящей, а если в нем засел вечный начальник, тогда говорить не о чем. Сейчас не командовать надо, а думать, думать, как использовать деньги, как организовать производство.

По дороге на родину не дремалось, водитель и два охранника в салоне джипа, все молчат и молчать будут, пока шеф не спросит. Такое воспитание. В городе начальник охраны обязательно ставил вторую машину, сегодня Родя отказался, незачем народ пугать. Для деревенского интереса и одного джипа достаточно.

– Леша, – Бывакин повернулся к соседу по заднему сиденью. – Ты родом откуда?

Тот дернул плечами:

– Не знаю, шеф, я же детдомовский. Оттуда на зону, а потом к вам.

– Но детдом-то в деревне был или в городе? – будто для Роди это было важно.

– В деревне. В старой школе.

– В колхозе местном не работали?

– Гоняли картошку копать, осенью на току зерно грузили. Интересно было. Вечером смена заканчивается, по огородам пройдемся, огурцы-помидоры... – Леша разулыбался неожиданным воспоминаниям.

– Не хватало жратвы?

– Что вы, кормили строго, какойто деловой из начальства, помню, колодки орденские в три ряда, постоянно приходил и проверял, что нам ставят на столы. Одежду проверял, постели. Мы знали, что повара приворовывают, только нам хватало, а стучать считалось за подло.

– Ты бы сейчас согласился в деревне жить, работать на тракторе с подогревом сиденья, женился бы на местной одиночке, корова, поросенок, куры с утями – чем не жизнь? – Родион с интересом ждал ответа, да и ребята прислушиваются.

Леха недоверчиво посмотрел на шефа – нет, не издевается, да и в натуре у него этого нет, а с чего вдруг о тракторе? Ответил смущенно:

– Да кто же мне трактор доверит, Родион Петрович? И какая баба меня примет с такой биографией? Они в деревне боязливые, тюремщик – это последний человек.

– Ладно, Леха, мы с тобой к этому разговору еще вернемся. А Володя городской, верно?

Ответил водитель:

– Вован – Питерский, после отсидки не рискнул возвращаться, прибил к нам.

Родион кашлянул:

– Саша, я Владимира спросил. Ты у него не адвокат, слова не имеешь. Отдельно для тебя напоминаю: погоняла остались в прошлом. Еще раз услышу – пойдешь в цех слесарем.

– Понял, шеф.

– Шурик прав, я городской, как раньше говорили, из приличной семьи. Папа мой военный, сейчас начальник кафедры в Медицинской академии, мама тоже профессор, в этой же академии преподает. А я в школе спортом увлекся, в десятом классе ребята пригласили в закрытый спортзал, там трое парней учили рукопашному бою. За деньги, конечно, но у меня проблем не было, мама снабжала по потребности. На выпускном в школе, а школото отдельная, рабочих и крестьян близко не было, к девчонке моей докопался фраер из параллельного класса. За груди цапал, это я сам видел. Ухватил его за воротник и ударил. В горячке применил жесткий прием, ну, парень..., короче, до больницы не довезли. Меня скрутили, папа с адвокатом, а тот, как суть дела узнал, в отказ пошел: оказывается, убил я сына большого городского начальника. Срок дали, родители на партийном собрании от меня отреклись, признали вину в воспитании, тем и отделались.

Помолчали. Родион спросил:

– Ты с ними вообще не встречался?

– Нет. Сестренка младшая нашла меня на зоне, писала, посылки слала, а когда откинулся, приехала, звала как бы по поручению родичей. Я не поехал. Вот тут и остался, – Владимира, похоже, эта тема не особенно интересовала.

Въехали в деревню, шеф велел остановиться у магазина. Вышел из машины один, постоял – никого, как вымерли люди. В магазине продавщица, на полках водка и флаконы со спиртовыми настойками, их фунфьями зовут, китайские бичпакеты и сигареты «Прима». И кирпичи несвежего хлеба.

– Скромный у вас ассортимент, – кивнул продавщице.

– Так нашим ничего больше не надо, – ответила она, на всякий случай протирая прилавок.

– После колхоза что осталось? Землю пашут, скотину держат. Или совсем ничего?

– А вас это почему интересует? Да подожди, ты же Родик? Или я вклепалась? А меня не признал? Я Зина Горелова, мы с тобой в одном классе учились.

Родион смутился:

– Прости, Зина, с улицы вошел, у тебя тут сумрак, не признал. Ну, здравствуй. Рассказывай, как живешь.

Зина вздохнула. И стала вспоминать, как после школы пошла работать дояркой, замуж вышла за Семена Бородина, троих детей родили. Сема механизатором был лучшим, оба работали от зари до зари, оба в один год ордена получили. Дом колхоз построил, машину купили, только бы жить, а тут понаехали люди с портфелями, давай собрания собирать, что неправильно живут. Особенно мужикам понравилось, что советская власть обманывает крестьян и платит им только малую часть того, что они заработали. А все остальное коммунисты забирают себе и платят неграм черной Африки, чтобы они их поддерживали. В общем, навешали лапши на уши, конечно, и наше начальство подсуенилось, давайте, мол, колхоз распустим и создадим какое-то общество, каждый получит бумажку, что он хозяин. Ну, и доигрались. Начальство скотину за один год на колбасу перевело, хлеб намолоченный продали аж в сентябре чуть не на корню, с осени потихоньку торганыли техникой, и все разом к новому году смотались в город. Остались только хозяева с бумажками.

– В прокуратуру обращались?

Зина всплакнула:

– Ездили, и мой тоже, тряс там орденом. Прокурор ответил, что все сделано законно, а про орден заявил, что он получен от другого государства и никакой силы уже не имеет.

Родя смотрел на эту женщину и стыдился признать, что она его ровесница, только жизнь так ее скрутила, что едва ли кто даст ей сейчас тридцать лет. Спросил, кто еще есть из толковых мужиков, попросил быстро их обойти и пригласить к себе домой.

– Скажи, что я приехал посоветоваться, какое производство можно в деревне создать, чтобы работа была, заработок, чтобы деревня не вымирала. Я посмотрел: ни одного дома нового не построено, да и куклами ты не торгуешь, значит, и ребятишек рожать перестали.

Зина с недоверием смотрела на земляка:

– Родик, да кто же станет связываться с глухоманью? Вот если бы под городом... А у нас же могила, господи!

Но пошла. Магазин закрыла, показала свой дом, побежала вдоль улицы. На сигнал машины вышел Семен, Родя его сразу узнал: невысокого роста, коренастый, с густой шевелюрой рыжих волос.

– Скажи, Сема, а ребятишки у тебя тоже рыжие? – Родион улыбнулся.

– Ты мне эти шуточки брось... – а потом узнал друга детства: – Родик, ты, что ли? Вот встреча! Заходи, сейчас Зинку позову, на стол сгоношит. И ребят зови. Друзья?

– Вроде того. Зину ты не тревожь, она делом занята, людей собирает, будем у тебя перед домом сходняк, извини, сход проводить.

Семен оглядел гостя, машину, «друзей» и сухо выдавил:

– Если ты приехал деревню данью обложить, то опоздал, до тебя тут бульдозером выгребли все, что можно. Голые мы.

Бывакин поймал его за плечи:

– Семен, я не бандит, зачем ты со мной так? Хочу помочь деревне встать на ноги, и твоя рука потребуется. Придут мужики, надо обсудить, как это сделать.

– А деньги? Ты представляешь, сколько сюда надо вбухать, пока толк будет? Родик, земля уже умерла, не пашня, а целик. И народишко истрепался, многие на себя уже робить не хотят. Нет, Родион, без советской власти, чтобы железной рукой, ни хрена у нас не получится.

Родиону понравилась столь бурная реакция земляка: значит, не все утрачено, не все пропито, не все вытравили новые власти из настоящего крестьянина! Эвон, как взвился Сема! Молодец.

Стали подходить люди, не только мужики, Родион сразу отметил, что несколько семейных пар пришли вместе. С Родей здоровались сдержанно, без особых приветствий. Зина вынесла скамейки и табуретки, Семен выкатил несколько чурбаков.

– Семка, тащи колун, будет перерыв в прениях – расколотим.

– Зинаида, могла бы и пару красненьких захватить из магазина. Для пользы общества.

– Для президиума надо бы стульчики. И стол с красной скатертью.

Бывакин встал, сразу стало тихо. Он говорил кратко, и суть речи сводилась к тому, что ему нужно знать, хотят ли земляки работать по-настоящему или уже растеряли все крестьянское и переходят в люмпены. Сразу предупредил: средства на обзаведение техникой, на ремонт или строительство помещений для скота, на закуп высокопродуктивных животных найдутся. Ему важно знать, готовы ли земляки работать, а работать придется много.

Собрание молчало. С людьми впервые за последние десять лет говорили серьезно и уважительно, и это настораживало: а правда ли?

– Ты вот слово сказал, куда мы переходим. Уточнение требуется, не все поняли, кто мы теперь. – Дедок, сидевший в дальнем ряду, поднялся. – У народа сомненье: а вдруг и ты омма-нешь?

Родион с трудом узнал в дедушке дальнего родственника дядю Тихона и улыбнулся:

– Дядя Тихон, вас так обобрали, что и взять больше нечего. Ты лучше скажи, сколько в бригаде пашни было?

Дед с гордостью ответил:

– Две с полтиной тысячи гектаров. Да сенокосов тыща заливных, да лесов не десять ли тысяч.

– Вам землю поделили на пай, у каждого должен быть документ. Есть такие бумаги? – Родион обвел взглядом собрание. Собрание затихло.

– Года три назад свидетельства эти забрал председатель сельсовета, ну, глава по теперешнему – сказал Семен. – Сказал, что для регистрации.

– А где он сейчас?

Ему ответили сразу несколько голосов:

– Смotalся. В районе поживают.

– А он наши гумаги не продал?

– Кому они надо?

– Вот в этом и дело, земляки. Прежде надо найти документы, а если по ним сделки совершены, то потребовать признать их незаконными. – Родион был смущен, его бесила бесцеремонность, с какой обошлись с народом. – Зина, возьми тетрадку, я попрошу всех, кто дает согласие работать со мной, записаться у Зины. Понятно, что это предварительно, оформление будет по все правилам, но я должен знать, на кого могу рассчитывать. Хочу спросить: есть желающие?

Собрание молчало. Молчание грозило, предупреждало и отказывало. Родя нервно сжимал кулаки и все острее чувствовал боль в затылке. Еще мгновение, и он садится в машину, навсегда выбросив из головы всякие мысли о деревне. Вдруг звонкий женский голос, похожий на причитание, нарушил тишину:

– Господи, люди, что же вы делаете? Человек пришел и предлагает спасение, а вы его гоните! Мужики, не вас ли год заставили работать даром, ни копейки не заплатили эти ворюги, и вы им все простили, даже морды не набили ни единому. А Родион Петрович от всего сердца предлагает, и вы молчите. А как жить-то будем? Как ребятишек учить? Мы семь коров держим, это какво – все на собственном горбу? А черные приедут, и вес занизят, и упитанность, гроши

бросят под ноги, как собаке. Сколько еще так можно? Остап, муж ты мой родной, что же ты язык проглотил? Не ты ли вчера плакал у меня на груди, что вымотался, сил нет жену обнять. Падайте в ноги Родиону Петровичу, просите его не оставлять нас один на один с властями этими проклятыми!

Загудели, заговорили, табачный дым поднялся над собранием. Остап встал с чурбака:

– Ксюша, что ж ты меня перед обществом позоришь? Подумают люди, что я совсем нюх потерял. Я же вчера только с устатку проговорился.

– Осташенька, родно мое, да я премного тобой довольна, и даже, когда ты к Таське Митюшкиной хаживал, ни разу не упрекнула. А сейчас нашла горячее место, чтобы расшевелить вашего брата!

Собрание опять загудело:

– Ну, Остап, сегодняшней ночи берегись!

– Мужики, надо принимать решение, пока другие бабы помалкивают. Осташку-то реабилитировала, а ведь не каждому так подфартит.

– Принимаем, Родион Петрович, твое предложение и записываемся.

– Всем гуртом, как говаривали старики, пиши в свой колхоз.

– Надейся, Родик, как мы на тебя.

Бывакин с трудом сдержал эмоции, сказал сдержанно:

– Спасибо, земляки. Я уеду в райцентр, утром пришлю машину, прошу, Семен, подбери еще пару мужиков и с паспортами ко мне. Будем пашню нашу искать.

Около кладбища велел остановить машину, открыл багажник, достал из коробки огромный букет кровавокрасных роз с черной каемочкой по краю цветка, и шагнул в густую траву. Мамину могилку нашел с трудом, тетки все сделали, как просил, и памятник поставили, только фотографии не нашлось. Опустился на колени, положил цветы и понял, что слезы катятся по щекам. Поднялся, насухо вытер глаза, чтобы сопровождение не заметило, крупными горстями начал рвать траву на могиле и вокруг, потом огляделся: в хорошем месте лежит мама, березка в головах, тишина, даже вечно кричащие грачи молчат. В таких местах очень близко всплывают думы о бренности бытия, вот и сейчас Родион без суеверного страха подумал, что надо как-то предупредить хотя бы Самсонова и Зину с Семеном, что, если вдруг, то похоронить его на деревенских могилах рядом с матерью. «Рядом с мамой», – сказал он почти шепотом, вспомнив наказ незнакомца.

Поклонившись маме, он прошел вглубь кладбища, читал на скромных обелисках знакомые фамилии, но никого не мог вспомнить. С десяток могил обнесены металлическими оградками, другие свободны и доступны. Несколько совсем свежих бугорков с крестами, даты рождения и смерти пугали: лежат ровесники и даже более молодые. Да, что в городе, что в деревне, значит, по всей стране так. А это ненормально, помирать надо совсем старым. Как-то неуютно стало от этих мыслей, сквозь кусты пробрался на земляной вал, окружавший кладбище. Вспомнилось детство, когда, перебарывая страх, бежал на спор по валу вокруг, чтобы вернуться с другой стороны. Вал тогда был выше и канава глубже, хотя, скорее всего, это он стал другим, высоким и сильным. Старики говорили, что обваловку могилки делали по решению схода всем миром, чтобы скотина не шлялась среди могил и не ломала кресты. Тогда еще стояли деревянные ворота, их всякий раз открывали, когда приносили покойника. Родя чуть заметно поклонился и пошел к машине.

Шура видел тяжелое состояние шефа, спросил, чтобы разрядить:

– Родион Петрович, вот тут знак старенький, «Село Лебедево». Почему так назвали, не рассказывали старики?

Шеф поднял голову и в душе поблагодарил своего водителя: вовремя умеет вмешаться:

– В голодные годы из Расеи центральной переселялись в Сибирь. Переселялись – громко сказано, на санях и телегах скарб свой везли, в одной деревне даже церковь деревянную при-

везли с родины и на новом месте собрали. Какая вера была! Естественно, спрашивали, где земли погоднее, приличней, то есть. Вот их переселенческое начальство сюда и привело. Земли много, лес рядом и озеро. Говорят, переночевали, встали утром, а на озере бело от лебедей. Лебедь считался божьей птицей, никто его не трогал. Вот и приняли люди, как добрый знак, назвали деревню Лебедево.

– А в ваши годы, когда вы тут жили, лебеди были?

– Не помню. Не было.

Утром подъехали трое деревенских мужиков во главе с Семеном, Родион уже договорился через секретаршу, что глава района примет их в десять часов. Ровно в десять вошли в кабинет, глава, невысокий молодой человек с обозначившимся животиком, встал, представился Ильей Васильевичем, с каждым поздоровался и попросил изложить суть дела.

– Суть довольно простая, – сказал Родя. – Я родом из Лебедево, посмотрел, что село совсем погибает, молодежь бежит или гибнет тут же от всяких композиций и втираний на техническом спирте. Готов вложить средства в восстановление производства, и первый вопрос к вам: надо вернуть людям документы на право владения землей.

– Откуда вернуть? – переспросил глава.

– Года три назад их собрал бывший председатель совета якобы для регистрации.

– А кто это, как фамилия? Я, извините, в то время работал в другом районе.

– Фамилия его Пантюхин. Он где-то в районе, при власти, – Семен с недоверием смотрел на главу.

Илья Васильевич кивнул:

– Извините, я сяду на рабочее место. – Нажал кнопку: – Светлана, Пантюхина ко мне, и пусть земельные документы по Лебедево прихватит.

Пантюхин вошел с папкой, глава указал на место за столом.

– Лебедевские мужики утверждают, что их документы на земельные пай у вас. Это так?

Пантюхин смутился:

– Ну, как вам сказать, Илья Васильевич? Документы есть, но мы же договорились, что будем искать инвесторов, а земля – главный аргумент.

Глава постучал ладонью по столу:

– Инвестор появился, забирайте гостей в кабинет и выкладывайте ваши аргументы.

В своем кабинете Пантюхин осмелел:

– Семен Федорович, не ты ли собрался колхоз возродить? Годами налог за землю не платили, а теперь вспомнили. Странно как-то вы рассуждаете.

Бывакин вмешался:

– Все недоимки будут погашены при регистрации нового хозяйствующего субъекта. И нельзя ли ближе к делу? Нам нужны документы на землю.

Пантюхин ухмыльнулся:

– А вы, следовательно, будущий новый хозяин? Мне звонили сегодня из деревни. Прямо с зоны общаком будете людей заманивать в криминальное рабство?

Родя побледнел, но на полпути к пистолету перехватил свою правую руку, улыбнулся:

– Не умеете владеть информацией. Я собственник трех мощных производств в городе и области, советник губернатора по вопросам предпринимательства. А будь я в той ипостаси, в какой вы меня представили, ваш красивый труп уже выносили бы из кабинета. Короче: все документы на стол!

Пантюхин раскрыл папку и пачку бумаг протолкнул по столу в сторону Родиона. Заискивающе улыбнулся:

– Поскольку вы деловой человек, я бы хотел знать, а что я буду с этого иметь?

Бывакин подвинул бумаги Семену:

– Просмотри, все ли здесь? А тебе отвечу: будешь иметь белый билет и ездить на попутках. И боже тебя сохрани, если хоть один документ заныкал. Пошли! – скомандовал своим.

У машины Семен поймал Родю за рукав:

– Ты же его убить хотел, Родя! И как ты робить собрался, если такие Пантюхины на каждой второй табуретке сидят? Нервы у тебя ни к черту не годятся, Зинке велю снабдить тебя сбором трав. Она меня пользует. Дня три попринимаю – все по фиг, сосед начнет за что-нибудь материть, а я улыбаюсь. Тебе сгодится.

– Ладно, садись, Шура вас увезет, а я тут делами займусь. Да, и продиктуй мне номер своего телефона, а тебе вот карточка с моими. Я буду названивать, как у вас дела.

Три дня ходил Родион по кабинетам, собирая необходимые документы. Каждый вечер заходил к главе, возмущался, тот слушал и улыбался:

– Знаете, Родион Петрович, если наше государство не выдержит и рухнет, виной тому будем мы, чиновники. Я захватил время советской власти, конечно, была система, хорошая или плохая – не в том дело, но был порядок. Каждый служащий строго знал свои обязанности. Мы сегодня создаем структуру за структурой, каждый год меняем вывески, мы на вывесках разоряемся! Я поднял статистику восьмидесятых – управленческий аппарат вырос в два с лишним раза, а количество занятых в производстве – сельском хозяйстве, строительстве, переработке – сократилось в пять раз. Таких сел, как ваше Лебедево, у нас десяток. И никакой перспективы. Простите, я с вами откровенно, думаю, нет нужды вешать вам лапшу на уши, тем более, что вы всерьез собрались у нас работать.

Родион помолчал, посмотрел в глаза Илье Васильевичу:

– Я человек в силу своего огромного негативного опыта очень осторожный, и вам бы советовал быть поаккуратней в суждениях. Хотя не люблю советовать, не учили. А работать мы будем. У меня хорошие отношения с директором департамента по селу, как только все решим здесь, пойду к нему, нужны контакты с поставщиками техники. И не в лизинговые кампании, это большие переплаты. Подберу толковых людей, поедем за рубеж, будем брать комплексами, чтобы ничего не изобретать. А по скоту попрошу вас свести меня с хорошим хозяином, у кого есть чему поучиться. Найдем такого?

Илья Васильевич встал:

– Обязательно найдем, я уже знаю, кто вам подойдет. И к сведению: я сегодня освободил от должности Пантюхина. Он обещал жаловаться на вас и на меня, но не думаю, что это может иметь последствия. Вы сегодня в город? Счастливого пути.

Гузель ходила в приемную комиссию медицинской академии и вернулась в слезах. Солидная дама просто сказала, что граждане иностранных государств принимаются по особой программе, и прежде всего надо решать вопрос с оплатой за учебу. Она сказала, что узбеки должны учиться в Узбекистане, комиссия не располагает документами относительно иностранцев

– Ата, я видела нескольких кавказских парней, они тоже сдавали документы, и с ними говорили ласково, даже с уважением. Почему так со мной поступили, ата? Мне никогда не стать врачом, никогда!

– Успокойся, дочь моя, надо думать. Наверное, наш президент плохо принимал русского президента, наверно, колол тощий барашек и готовил плохой плов, только так можно обидеть гостя. Я пойду к этой женщине и спрошу, почему моя дочь не может учиться на врача здесь? Разве я плохо работал в своем колхозе? Разве не отдавал я свой хлопок в ведомость Рахима или Абдуллы, которые пили вино и ели шашлык в чайхане? Отдавал, потому что их отец был власть, а я всегда уважал власть. Потом оба сына получили большие звезды и уехали в Ташкент. А я поехал в Москву, на выставку, и привез в подарок твоей покойной матери швейную машинку

от электричества, а электричество к нам пришло, когда Марьям уже не стало, и ты училась шить халаты и шаровары. Помнишь ли ты то время?

Гузель кивнула, но ответила:

– Ты не о том говоришь, ата. То было другое время.

– Время не бывает другим, оно всегда одно, это люди делают его плохим и хорошим. Я скажу этой женщине, что мы все дети одной страны, это большие начальники все перепутали и стали султанами. А народы нельзя отгородить забором. Я скажу ей: у меня в кишлаке были два соседа, один таджик, второй русский, помнишь Федора, который служил в армии и женился на дочери Исмаила? Разве были у нас заборы? Разве не шел ко мне в гости Рахмон или Федор прямо через виноградники? Или хоть один раз я приготовил плов и сел кушать один, не крикнув соседям, что пора мыть руки и садиться за достархан? Тогда почему моя дочь не может учиться на врача, если сам Аллах дал ей дар исцелять людей?

Гузель кивнула в знак согласия с отцом, понимая, что сейчас никто не сумеет его переубедить, и ушла в свою комнатку. Она не знала, что делать дальше. Оставаться в городе и помогать отцу, да, это надо, это ее долг перед младшими братьями и сестрами, которые ждут в кишлаке их скромные деньги, чтобы купить новые одежды и книги для школы. Спасибо соседям, они помогают, ведь старшей Байгуль только четырнадцать лет. Но тогда придется смириться с такой жизнью и навсегда забыть о медицине. Придется вернуться в кишлак, Остон пишет, что после службы в армии приедет за нею, и они сыграют свадьбу. Остон добрый, заботливый, но в душе у Гузель его нет, в ней вообще нет мужчины, потому что все думы только об учебе. И теперь все кончено, надо смириться, успокоить отца, а то он пойдет в приемную комиссию и будет громко доказывать, что его дочь должна стать врачом.

Она прилегла на кушетку и забылась, легкие видения проплывали в слабеющем сознании, она слышала радостные приветствия отца, какими он обычно встречал дорогих гостей, сюда через запертые дверцы проникал аппетитный запах шашлыка, слышался звон пиал, негромкие разговоры и даже смех. Ничто не мешало девушке спать, настолько ранила ее душу демонстративная неприязнь женщины из комиссии, что только сон мог снять обиду и напряженность. Она проснулась через два часа, оделась для работы на кухне, прибрала свои непослушные волосы и вышла к отцу.

– Ты спала, дочь моя, а у нас был гость, ты его знаешь, это Родя, Родион Петрович. Он был с другом, они немножко пили коньяк и ели мясо, я специально готовил баранью ножку. Я говорил Родиону Петровичу про твою горе, друг его тоже слышал, и я тебя обрадую, дорогая Гузель: друг нашего друга обещал хорошенько потрясти эту женщину, все узнать и нам передать. Будем просить Аллаха, чтобы он вразумил несчастную, пока этот мужчина, похожий на большого начальника, не дал ей в руки лопату и не отправил чистить арыки.

Гузель вспыхнула, и от отца не ускользнуло это мгновенное проявление радости. Старый Алахитдин сразу заметил, что дочка понравилась его новому другу, и не находил в этом ничего удивительного, Гузель красавица, и всякий нормальный мужчина видит это. Только он не мог и подумать, что этот суровый и немногословный немолодой человек может приглянуться его юной дочери. Сложные чувства вдруг испытал он, и вечером, когда закрыли чайхану и прибрали в комнатах и на кухне, отец попросил дочь сесть за стол. Он налил две пиалы чая и молча выпил свою, наслаждаясь ароматами родной земли. Дочь не прикоснулась к пиале и ждала вопроса. Алахитдин вытер чистым полотенцем вспотевший лоб и посмотрел дочери в глаза:

– Гузель, дочь моя, скажи мне, Родион Петрович не делал тебе каких-нибудь предложений? Русские мужчины любят азиатских красавиц. Признайся, что он тебе говорил?

Гузель смутилась:

– Ата, ради Аллаха – не говори такое и не думай такое про Родиона Петровича. Я пять раз делала ему массаж, как учила меня старая Магдалена с еврейской улицы. Я пять раз сказала ему приветствие, и он пять раз сказал мне спасибо. Вот и все.

Отец кивнул:

– Я рад, дорогая моя, что все так. Но я заметил, что он тебе нравится. Скажи мне, так ли это?

Гузель смутилась, прикрыла лицо платком:

– Да, ата, Родион Петрович очень хороший человек.

Отец вздохнул:

– Гузель, ты еще не испытывала, что такое любовь. Я не умею тебе этого передать. Ты видела, как ласточка тайно от человека влетает в свое гнездо? Любовь – как пташка, впорхнет в твое сердце, ты сама этого не заметишь. Родя хороший человек, но, дитя мое, здесь другая страна, другой мир, другие люди. И живут они по другим законам. Нам надо возвращаться к своему народу, а на чужбине можно совсем потеряться.

– Ата, а как же ты согласился, чтобы я поехала сюда учиться?

– Да, но я не знал, что это будет так трудно, – отец боялся прямого ответа.

– А если друг твоего друга поможет нам, мы останемся? Я очень хочу стать хорошим врачом.

– Моли Аллаха, и я молю. Иди спать, уже поздно.

Бывакин старался как можно меньше обращаться к властям, тем более с просьбами о помощи. Он приезжал на совещания, которые проводили заместители губернатора и даже он сам, вставал и говорил свое мнение, если его спрашивали. Губернатор несколько раз приглашал лично, предлагал долю в больших строительных проектах. Родион вежливо отказывался, ссылаясь на естественное желание работать «сам на сам».

– Поймите меня правильно, опыт мой скромный, просто боюсь вас подвести. А на своих объектах я сам отвечаю перед собой, тут проще.

Губернатор однажды спросил напрямую:

– Родион Петрович, сдаётся мне, чураетесь вы строительного сообщества потому, что комплекс прошлого вас сдерживает. Забудьте все к чертям собачьим! Я попросил подготовить на вас объективку – все вполне прилично. Ну, бурная молодость, разборки и прочее – все же через это прошли. И, кстати, многие присосались к бюджетной кормушке, не стесняются, а вы все на кредитах. Берите корпуса завода полимеров, отвели участок в пяти километрах от города, гарантирую тридцать процентов федеральных вложений, но через вас. Солидная сумма. Зайдите в управление строительства, познакомьтесь с документацией.

Родя кивнул и повернулся к хозяину кабинета:

– Уточните сразу, что я должен буду вернуть?

Губернатор засмеялся:

– Вот что значит – образ российского чиновника! Ни дня без взятки! Родион Петрович, я второй год работаю, и хочу еще много лет служить родной области. Я русский человек, вас не удивляет мое имя-отчество? Очень несовременно: Макар Устинович, к тому же – Зенов. Предки мои из староверов, я кое-как выбрался из тайги, чтобы учиться, всей общиной обсуждали, но снарядили и деньгами снабжали. Год назад родителей вывез в город, купил на окраине домик, живут, как хотят. Мне братъ, а тем паче – красть, вера не позволяет. Даже не вера, а убежденность. Если единоверцы мои, а они в тайге так и живут – если они узнают, что Макарка вор – проклянут. Впрочем, довольно об этом. У меня приличная зарплата, да администрация президента в пакетах присылает, не бедствую. Значит, так: знакомитесь с документами и мне согласие. Заключим договор, работы вам по проекту на полтора года. Все, до встречи. Да, Родион Петрович, мои откровения...

– Могли бы и не напоминать. Я грамотный по этой части. До встречи. И спасибо за доверие. Это дорогого стоит.

В главном управлении строительства Бывакина встретили холодно. Заместитель начальника прямо сказал, что объект пойдет через конкурс, а там такие фирмы заявлены, что у посетителя никаких перспектив.

– Вы меня извините, я бы сто лет к вам не пришел, но меня попросил губернатор. Если что-то уже изменилось, я поставлю его в известность, и вопрос снят.

Чиновник пожегся:

– Что же вы сразу не сказали, что от губернатора? Вот документы, смотрите. Да, помнится, по этому проекту Минфин дает тридцать процентов сметной стоимости. Вы это имейте в виду.

Родион молча открыл объемную книгу документов. Поскольку речь шла только о строительной части работ, то ничего нового и неожиданного он не увидел. Спросил только, кто будет готовить фермы перекрытий, знал, что в области таких мощностей нет. Ответили, что, скорее всего, – Екатеринбург. Кивнул, но сразу цепочка вопросов: транспортировка, краны для монтажа. Это придется решать по ходу. Выписал нужные данные, вернул документы, поблагодарил и вышел. Уходя, услышал громкое:

– С этого подрядчика минфин ничего не получит. Ты его не знаешь? Бандит махровый. Возвращаться не стал. Да и зачем? Почти все правда.

Все это вспомнилось, когда собирался к директору департамента по сельскому хозяйству Коломынцеву Ивану Михайловичу. Знакомы были давно, когда Коломынцев руководил крупным свинокомплексом, созданным на паях хозяйствами нескольких районов еще при советской власти. Когда все обвалилось, и комплекс не стал вагонами получать комбикорма, производство было на грани краха. Проще всего пустить под нож тысячи свиноматок, а что дальше? Бывалый в то время был в авторитете, он и не помнит уже, кто привел к нему этого человека – высокого, плотного, с сединой, убитого горем.

– Родион Петрович, мне сказали, что вы можете помочь нам сохранить производство...

Коломынцев подробно объяснил ситуацию. Поставок комбикормов нет, своего зерна очень мало, едва хватит до Нового года, слишком поздно почувствовал грядущую проблему, он так и сказал: грядущую. Можно бы купить в кооперативах и крестьянских хозяйствах, но все отказывают: предупредили перекупщики с юга, чтобы ни грамма на сторону, все им.

– Понимаете, мужики тоже в сложном положении: южане дали им весной некоторые деньги на посевную под будущий урожай. Тогда же южане и цену установили. Я готов заплатить в полтора раза, но ребята боятся, говорят, с южанами шутить не следует, предупредили. Скажите, вы можете нам помочь?

Бывалый тогда «забил стрелку», долго обсуждали, как быть. Своих бросать не хотелось, выграло местечковое самолюбие, и откупиться от южан будет непросто. Коломынцев собрал информацию со всех хозяйств, вложили южане солидно, но такие деньги есть в наличии. Сложнее отбить их от обещанного хлеба по ими же установленной цене. Пригласили южан на переговоры. Приехали три человека, Родя быстро навел справки: фуфло, никакого авторитета и заслуг, можно разговаривать с верхней полки. Уполномоченные заартачились, стали требовать неустойку, тогда Бывалый с согласия смотрящего заявил, что сумма возвращается по закону с учетом инфляции, а что касается хлеба – ни одного вагона братва не получит и ни одна машина с зерном в ту сторону не пройдет. А если еще станут пальцы гнуть, решено вывести за пределы области и закопать живыми, а видео отправить по месту жительства. После телефонного разговора со своими братва дала слово и была отправлена восвояси.

Коломынцев тогда скупил все зерно и сохранил поголовье. Деньги вобщак вернул, как и договаривались, с процентами и в срок. Привезли ему толковых юристов, провели акционирование, половину акций отдали Коломынцеву, двадцать забрали вобщак, а тридцать разделили в трудовом коллективе. Через три года свинокомплекс удвоил производство, а Родя выкупил вобщаке за баксы все акции свинокомплекса. С тех пор мужчины стали друзьями.

И вот сейчас Бывакин шел к Ивану Михайловичу решить окончательно все вопросы по созданию агрофирмы.

Хозяин кабинета вышел навстречу, обхватил огромными руками, крепко прижал.

– Извини, Родион, знаю, что ты по старой памяти такие объятия не приветствуешь, только это чисто по-русски, по-братски. Проходи. Кофейку чашку или водки рюмку? А? За встречу. Два года не бывал, разве что – по телефону.

Налил не водку, а коньяк в пузатые стаканы, чокнулись, долго глядел на гостя, улыбался.

– За тебя, Родя, за твою дружбу и доброе отношение ко мне. А теперь давай по делу. Что сделано и какие на очереди проблемы?

Бывакин подробно рассказал о сборе необходимых документов, о загвоздках с регистрацией, когда месяц тянули в палате, чтобы назвал акционерным обществом, а не агрофирмой. Коломынцев захохотал:

– Ну, ты молодец, ни кола, ни двора, а сразу на агрофирму. Конторские ведь не знают твоих принципов, не ведают, что ты за год провернешь то, на что у иных уходит пятилетка. Как назвал?

– «Труд». Помню, мама говорила, что был у нас в деревне колхоз «Труд», наверное, еще до войны. Вот и вспомнил.

Коломынцев кивнул:

– Сейчас в моде оптимистические имена, что-нибудь с возрождением, с Россией, с будущим, типа «Россия, вперед!». А «Труд» – уважаю, конкретно, и о деле, о работе говорит, а не сказки рассказывает. Так, что дальше?

– Дело к осени, Иван Михайлович, надо поля поднимать, все земли объехал, на некоторых участках корчевать впору, березки в мой рост. Хочу купить два мощных комплекса, почвообрабатывающий и посевной. Насмотрелся под городом в хозяйстве, попросил показать в работе, хоть и не сезон. Поехали в подлесок, запустили, я следом шел – готовая пашня.

– Цены ты знаешь. У нас есть линия через Минсельхоз, переговорим, оплатишь, сразу привезут. На месяц направлю к тебе инженера нашего, специально держу парня на новой технике. Два комплекса. Что еще?

Родион усмехнулся:

– Не знаю, откуда у меня эти замашки, хочу все и сразу. Был на омском предприятии, они делают по новым технологиям помещения для скота. Свезили меня на животноводство, это же не ферма, а дворец, я еще помню базы, рубленые в бетонные столбы, пяти лет они не выдерживали, все сгорало от сырости. Мама там работала, приходилось помогать. А это – чудо, и монтируют за месяц под ключ.

Коломынцев хмыкнул:

– Родион Петрович, задаю вопрос не из любопытства, а с интереса: денег хватит? Базу поставишь – нетелей надо брать, нетелей привезешь, а кормов нет. Ведь нет ничего? Может, не все сразу?

Бывакин мотнул головой:

– Все, Иван, все, иначе и не стоило ввязываться. Я мужиков поднял на такое дело, деревня духом воспрянула. А скотина – это же не просто телка или бычок, это сама жизнь, сама деревня. Если корова не мычит – пропала деревня. В долги влезу, но все сделаю. Но – твоя помощь нужна.

– Нетелей возьмешь в Курганской области. Коровы будут хорошие. Съездишь с нашим зоотехником, предварительно договор о намерениях подпишешь, чтобы люди в вере были. Аванс могут попросить. А с кормами сложнее. Сено купишь. Комбикормом помогу. Да, в Ражевском районе есть такое хозяйство – «Роса» называется, работает там интересный человек, казах, Исильбаев Багитжан, но все его просто Борисом зовут. Он первым в области начал сенаж заворачивать в упаковку, горя хватил, потому что корм только в вакууме сохраняется,

а у него два года подряд нашествие мышей. Прогрызут целлофан – пропал сенаж. Но теперь он на ногах, и приторговывает. Это я беру на себя, даст он тебе тонн пятьдесят, подспорье хорошее.

Коломынцев встал, хлебнул коньяка, закурил, прошелся по кабинету:

– Родион, говорю с тобой, а в голове другое. Я опять о деньгах. Можем мы тебе на развитие подсобить, но на это надо благословение губернатора. Мне этот вопрос поднимать не с руки, все знают о нашем знакомстве. Ты вхож к нему, после первых приобретений, когда и комплексы будут работать, и ферма монтироваться, зайди, пригласи. Уверен, что он не откажет. Минсельхоз дает такие деньги, и немалые, и безвозвратная поддержка. Ну, что?

Гость тоже встал:

– Не пойду, Иван, не могу просить. Нож в горло! Да я сам себя уважать перестану!

Коломынцев развел руками:

– Ну, так я и думал, а для чего спрашивал – хрен его знает. Начинай. Сразу договорись с «Техноцентром», направь молодых толковых мужиков, чтобы осваивали импортную технику. Там сложного ничего нет, но документ получить надо, да и навык, чтобы столбы по дороге не сшибать. – Помолчал, достал вторую сигарету, прикурил от первой. – Заварил ты кашу, но дымок аппетитный, целую деревню поднять – это великое дело. А главное – родина, земля и люди тебя помнят. Ты меня в курсе держи, звони и забегай. И еще вопрос. На такое хозяйство надо толкового управляющего. Есть кандидат?

Родион кивнул:

– Вроде есть, но я еще не встречался. Хотя – надо назначать, путь хоть землю под ногами утопчет. С народом знакомится. Потом специалисты нужны будут, тоже к тебе приду.

– Жилье надо строить, – поднял указательный палец начальник, Родион уже заметил: выделяет наиболее важное.

– Уже думал. Чтобы мужиков занять, деляну выписал, рубят лес, они собираются полубрус вертикально выставлять, говорят, так сегодня строят в деревне. На первое время пойдет. Все, будь здоров, Иван Михайлович.

– И ты будь. А я всегда на связи.

Вернувшись из деревни, собрал в офисе своих доверенных людей, кто знал все тонкости учета и отчетности большого строительного комплекса. Самсонов, которого адвокаты Роди спасли от тюрьмы, когда ревизия обнаружила крупные потери средств на его домостроительном комбинате, был предан шефу искренне и навсегда, хотя старые знакомые предупреждали:

– Бывалый, он еврей, продаст в любую минуту.

Родя улыбнулся:

– Я их всяких видел, не клевети на народ.

Но проверку Максиму Михайловичу устроил, тихо, вообще никто не знал. На стол Самсонова упали бумаги на полмиллиона баксов, просто бери и направляй, куда хочешь. Вечером, как всегда, он пришел к генеральному и подробно доложил о положении дел, передал на подпись несколько бумаг и ту самую с просьбой пометить, как распорядиться этой суммой. Родя предложил перевести на счет в местном банке, потому что деньги могут потребоваться в любое время.

Самсонов помог собрать коллективы отделов учета и финансов. Только эти люди знали, что на предприятии есть два баланса, две отчетности. Одна для налогов и иных органов, другая для генерального. Все средства, сверх официально показанных, обналачивались и оседали на счетах за рубежом или в секретном сейфе шефа.

Через Самсонова Родион попросил подготовить полную информацию о финансовом состоянии комплекса, и вот сейчас пять человек вставали поочередно и докладывали по своим направлениям. Родион делал пометки в толстой тетради, которую хранил отдельно от всех

бумаг. Тут кратко фиксировались все важнейшие показатели. Сегодня несколько цифр его насторожили.

– Чем объясняет город недоплату этой суммы за сданный корпус общежития мединститута? – строго спросил он.

– Отсутствием средств, Родион Петрович, – ответил Самсонов.

Шеф посмотрел на исполнительного директора:

– Завтра вместе с юристом встречаетесь с заместителем мэра. Предупредите: если в течение недели не будет поступления, я заварю входные двери.

– Но, Родион Петрович, скоро начнется учебный год... – испугался Самсонов.

– Чего вы испугались? Вы только озвучите, а варить будут другие. Сократились месячные выплаты зарплаты рабочим. Это откуда?

Самсонов встал:

– Родион Петрович, фактически зарплата осталась прежней, я даже думал предложить вам увеличение расценок процентов на пять хотя бы. Налог на зарплату увеличили, государство само толкает на сокращение реальных доходов и введение зарплаты в конвертах. Что мы и делаем.

Шеф побледнел, его возмутило даже не то, что подобный шаг сделан без его согласия, исполнительный директор имел некоторую самостоятельность. Но генеральный спросил:

– Макс Михайлович, а пенсию потом работягам вы тоже будете носить в конвертах? С чем они придут в пенсионный фонд? Вы крадете их будущие доходы. Это наказуемо по законам справедливости. Эту практику прекратить. За бездумное решение прошу финансистов господину Самсонову премию за третий квартал не начислять. Продолжаем. Есть еще должники?

Выяснилось, что общая сумма дебиторской задолженности составляет сумму, сопоставимую со стоимостью почвообрабатывающего комплекса. Родион попросил провести с должниками работу, чтобы в течение месяца собрать все средства. Поблагодарив сотрудников, он попросил Самсонова остаться.

– Макс Михайлович, нужна встреча с вашим протеже на должность управляющего в деревню. Работы там уже начались. Как это сделать?

Самсонов, уже убитый лишением премии, оживился:

– Как скажете, Родион Петрович. Сюда его пригласить или вы сами назначите место встречи? Вот его телефон, он готов.

Кандидат в деревенские лидеры оказался мужчиной лет сорока, аккуратно одетым, с шевелюрой седых волос. Заметив, что вошедший направляется к оговоренному столику в чайхане Алахитдина, мужчина встал:

– Горлов, Владимир Гаврилович.

Бывакин пожал руку и сел напротив. С подносом вышла Гузель, кусочки мяса с лапшой, супа, бутылка коньяка и два бокала. Родя пытался поймать ее взгляд, но девушка так и не подняла лица, накрыла стол и, поклонившись, ушла.

– Владимир Гаврилович, предмет разговора вам ясен. Я намерен заняться хлебом и животноводством, объемы пока небольшие, около трех тысяч гектаров пашни, бывшей пашни, сто голов нетелей будут к осени. Народ был работающий, но уже лет пять без дела, кто-то держит домашнее хозяйство, но есть и просто люмпены. Жилье уже строится, вам придется быть на месте постоянно. Вы, как я понимаю, теперь городской житель?

Горлов кивнул:

– Да, но готов вернуться в село. Я крестьянин, Родион Петрович, тоскую по работе.

Родя заметил, что голос мужчины дрогнул, но вида не подал.

– В деревню поедem вместе, все осмотрим, найдем вам временную квартиру. И вы там останетесь. С нами пойдут три грузовика, в кузове камаза гусеничный трактор, два «Белоруса» уйдут своим ходом. У вас будет новый УАЗ, самая подходящая машина. На счет колхоза «Труд»

положили некоторую сумму денег. Бумаги для банка я вам привезу. Едем завтра в восемь утра. Вопросы?

Горлов открыто посмотрел в глаза шефа:

– Вопросов нет, Родион Петрович. Спасибо за доверие, я постараюсь его оправдать.

Бывакин улыбнулся:

– Вас не интересует зарплата?

Горлов улыбки не поддержал, ответил достойно:

– Ну, как не интересует, Родион Петрович, у меня семья, и я живу не за Кремлевской стеной. Знаю, что вы деловой человек, и это дело решите сами. И еще. Я коммунист, был и остаюсь. Это вас не смущает?

– Нет. Проект контракта с вами я привезу, рассмотрим и подпишем. В половине восьмого машина будет у вашего дома. Адрес водителю скажет Самсонов. До завтра. Вы свободны, я остаюсь.

Гузель вышла убрать стол, но, заметив сидевшего Родиона, остановилась.

– Здравствуйте, Гузель, – Родя встал и шагнул ей навстречу. Девушка покраснела и смутилась. – Я так давно не был у вас, закрутился с делами. Вы сегодня одна? Я не слышу голоса Алахитдина.

– Ата приболел, он в домашней половине, – едва слышно ответила девушка.

– Что с ним? – встревожился Родион.

– Сердце болит и давление повышенное.

– В больницу почему не отправили? – Родион только потом понял, что спросил слишком строго.

Гузель грустно улыбнулась:

– У него нет полиса, была «скорая», но даже смотреть не стали.

– Гузель, дорогая, у него есть мой телефон. Почему не позвонили?

– Простите, но ата запретил вас беспокоить, – тихо ответила Гузель.

– Гузель, управляйтесь и готовьте отца в стационар. Я позвоню из машины.

Он набрал номер и услышал бодрое:

– Здравствуйте, Родион Петрович.

– Здравствуйте, Андрей Альбертович. Надо срочно госпитализировать хорошего человека. Запишите адрес. Сделайте все по полной программе. Счет мне. Надеюсь на вас.

– Будьте спокойны, все сделаем в лучшем виде. Родион Петрович, русская поговорка гласит, что здоровье не купишь. Как меняются времена! Даже народная мудрость перестает быть таковой. Если есть деньги, то можно купить и здоровье.

– Андрей Альбертович, я очень занят, – перебил Бывакин.

– Ах, извините! – спохватился доктор.

Родя дождался реанимационный автомобиль, проводил Алахитдина, который действительно был очень плох, остался рядом с Гузель.

– Вам надо бы закрыть чайхану на время болезни отца. Нельзя девушке одной оставаться в заведении. Вы ездили в приемную комиссию? – вдруг вспомнил он.

– Извините, я так расстроена, что забыла вас поблагодарить. У меня приняли документы, я уже готовлюсь к экзаменам. Спасибо вам.

Она прятала глаза, и делала это так неумело, что Родион, знай он законы и обычаи этого народа, без слов понял бы чувства девушки. Он с грустью смотрел на юную красавицу узбечку, до которой можно было дотронуться рукой, но которая была недосыгаемо далеко от него. Его взгляд смутил девушку, она прошептала:

– Родион Петрович, я не должна вам этого говорить, Аллах накажет меня, но я очень скучала без вас. Приезжайте, я приготовлю плов, а потом сделаю вам массаж.

Бывакину была приятна почти детская наивность девушки, он не мог обидеть ее отказом, и пообещал приехать завтра в шесть часов вечера. Уже в машине он вдруг вспомнит: это ее, Гузель, он видел в снах в степи, на море. Это была она. Как все странно в жизни! Милая девочка из снов, моя вечная девочка...

Когда по деревне прошел слух, что в колхоз «Труд» идут новые тракторы и машины, поезд этот вышли встречать все. Старики важно стояли у дороги, ребяташки бегали взад и вперед, поднимая пыль.

– Да, Парфен, а ты помнишь, как первый трактор пришел в деревню?

Дед Тихон по случаю был одет в красную рубаху и хромовые сапоги, в которые заправлены подаренные кемто из ребят солдатские брюки.

– Когда это было? – спросил Парфен.

– Когда? В тридцать втором, кажись, – уточнил Тихон.

– Ну вот, а я с тридцатого.

– Тьфу, нашел с кем мемуары вспоминать, – ухмыльнулся дед Тихон перешел к другой компании. – Вот только красных флагов нет, а так шибко похоже, – любовался он и оглядывал публику, но не находил ровесников.

Для гусеничного устроили спуск из толстых бревен, Сема Бородин залез в кузов, поднял капот, проверил масло, что-то покрутил. Понятно, время тянул, все же на него смотрят.

– Сема, чего ты нюхася, его три часа назад в кузов загоняли, тоже заводили, наверно?

Сема важно ответил:

– А я не знаю. Мне поручено, потому сделаю, как положено.

Завел, тронул рычаги, включил скорость, толпа замерла. Трактор медленно зашел на бревна и тихонько стал спускаться на землю. Едва коснувшись почвы, Сема газанул, круто развернулся и поехал в сторону бывшей мастерской. Туда же поставили и колесники.

Владимир Гаврилович торжеству не мешал, а когда все закончилось, подошел, представился:

– Я Горлов Владимир Гаврилович, назначен руководителем нашего нового хозяйства «Труд». Родион Петрович скоро подъедет, а пока давайте обсудим, с чего начнем.

– Зябь надо пахать. А плуги где? – спросил Веня Брезгин.

– Вопрос правильный. Плуг будет только к кировцу. Через неделю мы получим почвообрабатывающий комплекс, следом посевной комплекс. Оба они с мощными американскими тракторами «Джон Дир». Надо пять толковых грамотных и ответственных механизаторов, чтобы отправить на несколько дней для стажировки и получения допуска. Есть такие?

Семен Бородин уже вернулся от мастерской, подошел к Горлову:

– Меня первым пишите. Мужики, вы чего, как не родные? Технику эту видели и в телевизоре, и в агрофирме под городом. Трактористы в белых рубашках, красота.

Дед Тихон подкрался к Горлову с тыла:

– А верно ли, сынок, говорят, что в том тракторе не только что печка, но кой-чего другое есть? К примеру, сортир?

– Сортира нет, отец, но есть кондиционер, включаешь, когда жарко, и в кабине холодок. Музыка есть.

– Обожди! – возмутился дед. – Мы его откомандируем пахать, а он будет музыку слушать?

– Все, дед, интервью окончено. А вот и генеральный подъехал.

Бывакин вышел из машины и сильно обрадовался, увидев добрые улыбающиеся лица.

– Здравствуйте, земляки, – негромко сказал он.

Его приветствовали вразной, но с чувством. Спросил:

– Здание колхозного правления совсем разорили или что осталось?

– Так в нем теперь глава сидит, медпункт, библиотека, – ответила Зина Бородина.

– Сема, с моим водителем доскачите, главу сюда срочно. На монтаж коровника строители просят пять человек, можно женщин, но работа не авторучкой, скорее всего, бетон готовить. Желающие могут записаться у Владимира Гавриловича. Список механизаторов для обучения на «Джон Диры» готов? Вы чего испугались, мужики? Дождетесь, что я десятиклассниц отправлю. Да этим трактором управлять все равно, что легковой машиной!

Подошел глава местной власти. Родион не мог признать, а потом засмеялся:

– Дядя Василий Иванович, бессменный председатель сельсовета! Здравствуй, дорогой. Вот, забот тебе прибавляем.

Василий Иванович улыбнулся:

– От таких забот не откажемся. И люди при деле, и в казну копейка.

– Верно мыслишь, сельсовет! Надо бы в конторе найти пару комнат, для руководителя, бухгалтера.

– О чем речь, Родион Петрович, это не вы к нам, а мы к вам на квартиру станем проситься. Правление было и осталось колхозным. В моем кабинете, бывшем председательском, рядом с обкомовским знаменем пшеничный снопок стоит. И снопок тот тоже пусть останется. Он уж как символ. Я все смотрю: ну чисто с Герба Советского Союза! Родион Петрович, я перейду в другой кабинет, а председатель пусть на свое законное место! – четко сказал Василий Иванович.

– Ну, за стулья драться не станем, а вот квартирку бы для председателя временную...

– Ты почто не по адресу обращаешься, товарищ генерал? – дед Тимофей стоял по стойке смирно.

Бывакин смутился:

– Вы с чего меня в генералы произвели?

– А вот твой председатель и проболтался: вон, говорит, генерал подъехал.

Толпа смеялась с удовольствием:

– Дед Тихон, теперь таких генералов, как я, в каждом районе по дюжине. Ты вот три войны прошел, а чин какой имеешь?

– Рядовой я, Родя, всю жизнь, и на фронте, и в колхозе, и дома старуха надо мной ефрейтор! Только товарища председателя определяй на квартиру ко мне со старухой. Она у меня что у плиты, что где в ином месте – мастерица, опять же банька у меня новая срублена, венички припасены дружков тридцать. Платы не берем, только продовольствие по своим вкусам.

Перешли в контору, определили бригадира на полеводство, все дружно выдвинули Сему Бородина, он согласился, но погоревал, что хотел на американской технике поробить.

– Поробишь, Сема, вот загулят тракторист, ты и подменишь.

Шеф встал:

– Насчет загулов. Это исключено. Пьяный на работе – враг, будем гнать взашей. Владимир Гаврилович, одним из первых приказов определите распорядок и дисциплину.

Нашлись бригадиры на будущее животноводство, определили заведующего кормовым складом.

– Начальник есть, а кормов тютю, – хохотнул кто-то.

– Для того и ставим ответственного, что корма начнут поступать прямо завтра. Сено в тюках, сенаж в тюках, для него придется срочно возводить эстакады, чтобы мыши не погрызли. Зернофураж в склад.

У Бывакина загудел мобильник, он вышел, нажал клавишу:

– Родион Петрович, завтра выезжаем отбирать нетелей для вас. Кто будет от хозяйства?

Родион не готов был к ответу:

– Дайте мне десять минут, я перезвоню.

А сам набрал Бориса Исильбаева, которого рекомендовал Коломынцев.

– Багитжан?

– Я.

– Здравствуйте, я Бывакин, Родион Петрович.

– Понял. Мне Иван Михайлович говорил при встрече, что надо вам помочь. Чем могу? Родион все объяснил. Он понимал, что отобрать нетелей – дело не простое, ошибиться нельзя, цена слишком высока. А у него нет пока специалистов.

– Помогай, земляк, в долгу не останусь.

Багитжан согласился поехать, уточнил, кто будет из департамента, и наказал:

– Загоны обязательно сделайте, а корма, сено и сенаж, я прямо сегодня отправлю по Кировской тележке. Думаю, дня через три мы сто голов привезем, встречайте.

Передав все Горлову, Бывакин уехал в город, сегодня к вечеру должны подойти комплексы. Коломынцев дал команду, чтобы «Техноцентр» принял и поставил на временное хранение, но желательно быть самому, все видеть и все знать.

Этих красавцев так близко Родион еще не видел. Светлооранжевые, чистенькие, они встали на отдельной площадке. Весь набор навесной техники установили рядом. Инженер департамента Кувькин, доставивший груз, пояснил, что в наборе все почвообрабатывающие орудия и полностью укомплектованный посевной комплекс.

– Родион Петрович, вы молодец, что сумели обойти лизинг. Вы сохранили третью часть денег, – похвалил он.

– За это благодарность вашему начальнику Коломынцеву, – напомнил Бывакин.

– Когда вы планируете забирать технику? – поинтересовался Кувькин.

– Как только наши ребята пройдут подготовку.

– Родион Петрович, новичков в такую дорогу садить опасно. Разрешите, я организую ребят, и мы соберем на месте комплексы, а остальные механизмы отправим камазами. У меня хорошая кампания инженеров, им самим полезно и интересно.

– Я согласен. Нужны деньги? Сколько? – он достал бумажник.

– Только на заправку и на обед, – Кувькин рассмеялся.

Бывакин подал молодому человеку банковскую упаковку.

– Не беспокойтесь, по приезде сдадим отчет.

Шеф улыбнулся:

– Я с тебя отчета не спрашиваю, а технику будем ждать всем селом.

Опять на селе был праздник. Невиданная техника вползала в деревню, осторожно переправлялась через канавы и вставала в ряд у мастерской. Инженер Кувькин подошел и доложил, что вся техника доставлена в нормальном состоянии. Родион крепко его обнял.

«Да, ухожу от старых правил поведения. Это хорошо!» – подумал он.

Генеральный переложил все дела по городу на Макса Михайловича и вплотную занялся колхозом, как все дружно называли ЗАО «Труд». Ночевал у Семена, рано утром, уточнив планы с Горловым на день, уезжал в район. Омичи заканчивали монтаж фермы, а энергетики не давали документы на подключение, коммунальщики тянули с водопроводом. Родя в пятый раз зашел в «Знергосбыт», начальник, полный молодой человек, встретил недружелюбно:

– Стучаться надо, когда в чужой кабинет входите, – назидательно указал он гостю.

Бывалый прямо через стол поднял его из кресла за фалды пиджака:

– Если ты мне сегодня не выдашь бумаги, а я к тебе неделю подряд стучусь, клянусь мамой, а ты должен знать, что эта клятва в определенных местах считается последней, так вот, я тебя посажу в это кресло, только к нему будут подведены три фазы. Все! Ты меня услышал. Бумага должна быть в приемной к обеду, а то для начала я испорчу тебе аппетит.

Энергетик тяжело опустился в кресло:

– Я могу вызвать милицию... – промямлил он.

– Они помогут тебе оформить допуск? Не смейся, живи по-человечески, что же ты из людей жилы тянешь.

– Вы хулиган! – заорал начальник. Бывалый подыграл:

– Милый мой, я уголовник. В прошлом. Не напоминай мне об этом. До обеда!

Вышел, отряхнулся. «Да, кучеряво я с ним, но впредь пусть думает. Так, сейчас к дорожникам».

Дорожный мастер подал руку:

– Толян. Уже отправил автогрейдер, парень толковый, он вам дорогу выровняет. И площадку тоже.

– Толян, я его не отпущу, пока все не сделает. Мне надо и в деревне дороги подправить. Пусть поживет, – посвойски хлопнул парня по спине.

– Пускай, только солярка твоя и квартира...

– С молодой вдовой, – улыбнулся Родион.

– Нет, вдовы не надо, мужик серьезный, но питание организуй.

Коммунальщик встретил с грустью в голосе:

– Чем я тебе буду вести воду? Трубы нет, экскаватор еле дышит, да и дебита мало будет, если сотня коров пить начнет.

– Михайлыч, десять лет вся страна пьет, а дебит не кончается, – очнулся дремавший на диване мужичек.

– Выйди отсюда! Вас зовут..., да, Родион Петрович. В городе есть ребята с таким хитрым аппаратом, называется навигатор. Вгоняют трубу в землю и выводят, куда тебе надо, хоть в ферму, хоть в квартиру. Стоит, конечно, прилично, но аккуратно, и всего день работы.

– Координаты дашь? Добре. А как начальника зовут?

– Хозяин. Это частное дело. Василий, а отчество не помню, да он молодой, ваших лет.

Прямо из машины Родион набрал номер, ответившему мужчине кратко объяснил суть дела. Тот спросил:

– А к вам как обращаться?

– Родион Петрович.

– Понято. Родя, Бывалый, ты меня не узнал? Я Вася, мы у смотрящего знакомились, вспомни!

– Помню. Так ты ко мне приедешь? Вместе с техникой.

– Родя, только завтра к обеду. Расстояние большое?

– Ты о чем?

– О трубе. Расстояние от подключения до объекта.

– Не могу сказать. Приедешь, на месте разберемся.

Он уловил намек коммунальщика на возможные проблемы с водой, потому подумал о новой скважине. Нашел в записной книжке телефон коммунальщика, он должен знать, кто бурит скважины. Телефон не ответил. Пришлось ехать в администрацию.

– Илья Васильевич, извините, что беспокою вас по пустякам, но времени нет, а нужных людей не знаю. Срочно надо пробить скважину для фермы, коммунальщики пугают, что воды на всех может не хватить.

– Есть такое дело, уровень вод снижается, у нас проблемы. Найдем мы сейчас бурилку, вот только место кто будет выбирать? Бурить – много ума не надо, важно там, где вода есть, и вода пригодная, питьевая, – по-хозяйски назидательно напомнил Илья Васильевич.

– Я понял, – кивнул Бывакин. – Из приемной в колхоз позвоню.

Горлова попросил срочно привести к телефону старика Тихона, любого спроси, все знают, где он. Дед, видимо, отирался у конторы, Горлов передал ему трубку:

– Але! Струков Тихон Данилович на проводе.

– Дед Тихон, это Родион.

– Не знаю никакого Родиона. Один у нас есть, но он Родион Петрович, – деду явно нравился такой разговор.

– Дед Тихон, не дури, на тебя вся Европа смотрит. Можешь ты указать место недалеко от новой фермы, где бы ты стал копать колодец?

– Родя, а нахрена мне колодец, у меня крантик около дома? – искренне удивился дед.

– Дед Тихон, я тебя от колхоза отлучу, если будешь дурака валять. Я, между прочим, с тобой за деньги разговариваю. Есть такое место или нет, говори толком?

Дед помолчал, поосмыслил, потом побряхтел и крикнул:

– Але! Родион Петрович, вот если от фермы в сторону деревни, тут можно. Тут большой дом стоял классового врага кулака Трушников, и был у него на дворе глубокий колодец. Помнится, в него девица Аникея ходила топиться, когда поп ее за блуд причастия лишил, но не стала, послая поясняла, что водица дюже холодная.

– Все, дед, будь около Горлова, чтобы тебя по всей деревне не искать, – предупредил он.

– Ложь и клевета! Мы с товарищем Горловым вместе встаем, зарядку делаем, потом завтракаем, он кофей пьет, я чай на душице, он бреется, я бороду расчесу, и на работу. Я про жалованье пока молчу, временные организационные трудности, как говорит Владимир Гаврилович.

Родя отключил трубку. Вот балабол, на сцену его поставить – целый вечер будет говорить, и все складно, весело. Ладно, концерты потом будем смотреть.

Илья Васильевич подал ему бумажку с несколькими именами и телефонами.

– С первым я уже переговорил, он согласен хоть сегодня выехать. Родион Петрович, что у вас произошло с энергетиком?

– Уже стукнул? – удивился Бывакин.

– Да нет, другие источники. Говорят, сжечь грозился?

– Илья Васильевич, его сжигать – надо трансформатор дополнительный ставить. Я же толиčko пообещал три фазы подключить, если бумаги не сделает, – объяснил Родион.

– Сделал? – поднял глаза начальник.

– Не знаю. Сейчас поеду.

– Родион Петрович, нам с вами эти базары ни к чему! – строго предупредил Илья Васильевич.

– Услышал, – кивнул Бывакин и удивился, как деликатно глава его на место поставил.

Родиону рассказывали, как встречал он губернатора в первый раз на своей земле уже в новой должности.

...Вертолет губернатора сел ровно в девять, он вышел в сопровождении трех человек, Илья Васильевич направился ему навстречу. Встреча первая после назначения, два дня специальная группа осматривала объекты, которые записаны для посещения губернатора, вчера руководитель протокольного отдела строго предупредила, чтобы никаких лишних вопросов и никаких отклонений от маршрута. Илья, вчерашний руководитель крупного сельхозкооператива, все это понимал, но увидев перечень «объектов для посещения», возмутился: что смотреть на молочном предприятии, если оно стабильно работает и руководитель не задает никаких вопросов, все решает сам. Или новый дом культуры, перед самым его назначение открыли, а уже плитка отвалилась и штукатурка осыпается. Решил: будь что будет, а я предложу губернатору посмотреть то, что требует его вмешательства в решение проблемы. Понимал, что шеф может и на хрен послать, и впечатление о себе можно на всю жизнь испортить, но от задуманного решил не отступать. Да и губернатор подыграл:

– Итак, хозяин, куда повезешь гостей?

– Маршрут, подготовленный вашей группой, хороший, он оставит приятное впечатление, но и проблемы наши оставит. Потому предлагаю побывать там, где у нас плохо, трудно, где нужна ваша помощь.

Губернатор улыбнулся, видимо, впервые с ним так ведут разговор.

– А что? Я не возражаю. Подсказывайте водителю, куда ехать.

Остановились около школы искусств. Илья вошел в роль, вел себя смело:

– Ни за что не догадаетесь, что это за объект, и он меньше всего и внешне, и внутренне, похож на школу искусств. Пойдемте.

В некоторых классах шли занятия, Илья Васильевич извинялся, губернатор кивал головой, так прошли оба этажа и остановились под дырявым навесом на крыльце.

– Думаю, тут надо только стены оставить, все остальное менять. Места хватает?

– Пристрой нужен.

– Пишите письмо, обоснуйте, рассмотрим. И надо подключить скульпторов, создать соответствующий внешний вид. Так. Что дальше?

Дальше была начальная школа, бывшая средняя. Прогнивший пол, облезлые стены, но больше всего губернатора поразил туалет: писсуары на уровне головы ребенка и унитаза, из которых, были случаи, детей вынимали общими усилиями. Остановились у моста через местную речку, в который весной провалился трактор, провал залатали, но движение транспорта по мосту запрещено. Это огромное неудобство для населения.

За поздним обедом губернатор тихонько сказал Илье Васильевичу:

– Я доволен поездкой. Все эти вопросы в рабочем порядке вам бы пришлось протаскивать года два. А сейчас покажите мне хорошую, работающую семью, живущую личным подворьем. Нам надо что-то делать с деревней, оставшейся без производства...

... Два дня и две ночи в деревне гудели тракторы и машины. Дед Тихон торжественно привел все начальство на пустырь, долго мелкими шапками бегал то в одну, то в другую сторону, чего-то прикидывал, потом топнул ногой:

– Вот тутака сверлите, и будет вода чистейшая, почти что святая, ее бы не коровушкам пить, а беременным женщинам, а так же которые кормящие.

Сема взял деда за рукав:

– А ну, кайся, козел блудливый, с чего это ты вдруг о беременных вспомнил? Нагрешил где-то, вот и шибануло в память! Дед Тихон, падай на колени и называй всех вдовушек, а может, и замужних каких!

– Семен, стыда у тебя нет! Я об потомстве забочусь, ты вот сколь ни поробишь, и на могилки, а кто дело продолжать будет? – запричитал старик.

Семен возмутился:

– Дед, ты почто меня хоронишь? Виденье было какое? Говори!

– Сема, да для примеру сказал, какое виденье, я уж и бабку-то только наощупь...

Пока хохотали, буровики свою технику наладили и к ночи фонтан ударил. Горлов успел ведерком зацепить из струи, по глотку сделали все и остались довольны.

– Шеф, трубу глушить? – спросил буровой мастер.

– Глуши. Завтра от нее навигатор заведет воду в ферму. Спасибо, ребята. Расчетом довольны? Это важно, потому что, возможно, не в последний раз.

Подошел машинист грейдера:

– Родион Петрович, от асфальта к ферме я дорогу поднял, но без вашего согласия сделал корыто. Не понятно? Под твердое покрытие. Советую договориться с начальником и прямо сейчас завезти с десяток камазов щебенки, я бы все разровнял, а весной положим асфальт.

Родион посмотрел на мужчину:

– Тебя обедом кормили?

– Нормально, шеф, щи и котлеты. Я еще на площадке у фермы покатаюсь. Шеф, великое дело вы задумали, это же какая радость для деревни. Я сегодня столько добрых слов про вас услышал, честное слово.

– Ну, спасибо, дорогой, поработай чуток и отдыхай, завтра дел много.

Вечером пришли кировцы с двойными прицепами, привезли сено и солому, в одной тележке закатанный в пленку сенаж от Багитжана. Тракторист нашел Родиона и сказал, что сенаж надо разгружать вручную и сразу на эстакаду. Он кивнул Горлову: «Организууй!».

Утром позвонил Исильбаев:

– Родион Петрович, если бы не верное слово друга, увез бы нетелей к себе. Какой прекрасный материал! Коровы будут замечательные! Так удачно все сошлось! Везем мы тебе сто одну голову, сто по договору, одну сверху, подарок от заведующего племенным стадом. Будем завтра утром. У тебя все готово?

Бывакина была мелкая дрожь, так всегда было, когда он сильно волновался:

– К утру все будет в порядке. Ждем.

– До встречи, дорогой.

Горлов занимался фермой, тут оказалось еще очень много мелких, но важных вопросов, а Родион поехал к пахарям. Посмотрел работу кировца, как легко он поднимал и измельчал слежавшуюся пашню. Трактористу показал большой палец и направился к комплексу. Сегодня пахал Сема, его он остановил. Семен спустился из кабины в синем комбинезоне, коротких хромовых сапогах, в берете. Не удержался, сгреб Родю в охапку:

– Родион Петрович, вот ущипни меня: неужели мы жить начинаем? Роблю и нарадоваться не могу, да еще машина такая, только шепни ей, что надо чуть правее, она правее, скажи, чтобы обороты добавила – загудит веселей. Эх, Родя, а мы на чем пахали? Тыды и рас-туды наше бывшее советское начальство: неужели не могли придумать такой трактор? Я же в дэтушке летом от жары сгорал, зимой к сидушке примерзал. На комбайне под зонтиком. Ветер в харю, а я ..., прости Господи! Нет, умели наши люди все делать, какие космические корабли летали, какие красавицы у нас на вооружении стояли, Родя, я сам был на стрельбах. Гашетку нажали у Каспийского моря, а ракета попала в мишень корабля в Тихом океане. Это как? Плохо, скажи, плохо? А почему трактор не сделать, легковушку для мужика, стиралку для бабы, чтобы не в бане воду греть и не «Сема, я постиралась, воду вынеси!»?

– Тебя кто меняет? Сема, смотри, ты тут у меня самый ответственный. До зимы надо как можно больше вспахать.

– Сделаем, Родион Петрович, кировец ведь тоже хороший помощник, я на нем за осень по тыще гектаров пахал. Да...

С Федором Родя расстался давно, как только стали налаживаться дела и в городе чуть поутихло, когда Бывалый вернул с огромным трудом свои капиталы из-за рубежа. Федор тогда сослужил последнюю службу, главарь армянской группировки как-то прознал о запущенном механизме возврата валюты, вот тогда Федя убрал наглого армянина, который требовал долю, иначе грозился сдать братве. Бывалому совсем не улыбалась перспектива объясняться перед старшими об источниках появления столь больших и до сих пор скрываемых бабок. Тогда могли всплыть Доктор и Жмых, а если так – Роде со сходняка не уйти. Через своих людей он хотел частично купить армянина, но Федя вмешался:

– Бывалый, этот глистоватый кавказец не может быть порядочным, если он требует не свое, ты ничем от него не откупишься. Его надо убирать.

– Федя, честно говоря, я думал, что ты выбросил свою «катюшу». С кем будем обсуждать?

– Ни с кем. Не потому, что не верю ребятам, а так проще: чем меньше знают, тем спокойней и надежней, – рассудил он.

– В чем тебе надо помочь?

– Только не мешай. Я его в лицо знаю, и в такую фигуру трудно промазать. На всякий случай выеду в лесок, испорчу десяток патронов.

Никто после убийства не вышел на Бывалого, видимо, хитрый армянин ни с кем не делился планами «обуть» богатенького русского. Тогда и разошлись пути-дороги двух самых

сильных и самых опасных людей города. Родя ушел в строительный бизнес, а Федор купил кондитерскую фабрику, взял кредиты, провел реконструкцию и через год завалил рынок конфетами, очень похожими по вкусу на конфеты советских времен. Товар уходил фурами, и уже через пару дней фуры снова становились под погрузку. Финансовая группа настояла на увеличении цены, поскольку есть спрос, Федор согласился, но поставил линию производства карамелек, известных как «Дунькина радость», и еще нескольких видов конфет в обертке с начинкой из отечественного варенья и желе. Магазины шаговой доступности брали их с удовольствием и продавали быстро, обеспечивая небольшую фабрику постоянными заказами.

Они изредка созванивались, потом надолго потерялись, когда Бывакин подался в деревню, наконец, Федор его перехватил:

– Ну, здравствуй, колхозник! Как у тебя дела? Ты когда будешь в городе?

Родион обрадовался:

– Федя, столько вопросов! Буду, видимо, в конце недели, хочу полежать в джакузи и отоспаться. Можешь приехать, но только в воскресенье.

– Я не один, брат. Хотел тебя познакомить. Она чудная девушка, надеюсь, ты мне будешь завидовать и тоже остановишься, наконец?

– Ладно, уговорил. В воскресенье в десять.

Приехал домой, вошел через гаражные двери, Варя в чистеньком домашнем халате встретила в вестибюле.

– Родион Петрович, почему не предупредили, что приедете?

– У тебя назначено свиданье, и я помешаю? – пошутил он.

– Ну, и шутки у вас! Как вы можете? А чем я вас кормить стану?

– Варя, со мной проблем нет, а вот в воскресенье у нас будут гости, мой друг Федор, ты его знаешь, и его невеста, ее не знаем ни ты, ни я. Так что блесни кулинарным мастерством! Я пошел мыться.

Он включил сауну, и отметил, что все вычищено и отбелено, несколько свежих халатов висят в шкафу, в баре закрытая бутылка любимого коньяка, несколько банок немецкого пива. После сауны целый час лежал хозяин в булькающей воде, открывая кран то с горячей, то с холодной водой. Когда он, наконец, вышел, ужин стоял на маленьком столике, тут же коньяк и холодная вода.

– Варя, садись со мной, я так соскучился по тебе, – попросил Родион.

– Я уже поужинала, – поскромничала Варя.

– Просто так посиди. Или ты не рада, что я приехал?

– Какие глупости, нечего слушать, – но подвинула стул, села.

– Дома все в порядке?

– Да, – уверенно ответила хозяйка, и Родя этому обрадовался.

– Чем ты занималась? – с интересом спросил он.

– В таком доме разве может не быть работы? Наверху в двух спальнях на моем веку еще никто не ночевал, а я регулярно меняю там белье, оно идет в стирку, теряет вид. Разрешите их не заправлять, а если вдруг случатся гости, это дело пяти минут, зато белье свежее, не лежавшее.

– Делай, как знаешь, – хозяин беззаботно махнул рукой.

– Еще рассказывать? В вашей спальне все сложила аккуратно, пропылесосила и протерла, то же и в кабинете. Не пугайтесь, все осталось на своих местах, я только подниму книжку, пыль протру и на место. Телевизор включала только в своей комнате. Телефон постоянно включен, я беру трубку, вдруг бандиты проверяют, дома ли хозяева. А если кому нужно, включаю диктофон, пусть говорят.

– Много таких было? – поинтересовался хозяин.

– Нет, звонка три.

– Мужчины? – уточнил он.

– И женщины тоже, – с нажимом ответила Варя.

– Включи, пожалуйста, телевизор, сейчас новости.

Вчера приехала бригада телевизионщиков, Бывакин хотел отправить их обратно, но режиссер сказал, что это личное указание губернатора. Родя отозвал его в сторонку и спросил:

– Куда ты будешь бежать, если я сейчас позвоню губернатору и спрошу, его ли это команда?

– Звоните, – смело согласился режиссер.

– Ладно, работайте, только, чур, без меня, это раз. И отснятый материал прокрутим в конторе – это два.

Все просмотрел – вполне прилично.

– Ребята, я не цензор, мне важно, чтобы акценты были верно расставлены, чтобы люди были в кадре, а не портрет президента. Я разберусь, кто его повесил на ферме, а вас прошу: уберите. Только еще на ферме его не хватало!

Репортаж прошел хорошо, но Варя осталась недовольна:

– А вас они почему не засняли? Это же несправедливо.

– Все правильно, Варя. Так надо. Варюша, ты за это время ни в кого не влюбилась?

– Родион Петрович, я всего трех мужчин и видела в эти дни: охрану нашу Ваню, Толю да Шуру. К Ване вы приспроситесь, ребята говорят, что он жениться собрался.

– Но это же хорошо: семья, жена, дети, – как-то неосторожно порассуждал Родион.

– Вот все понимаете, а сам холостяк. Уйдут годы, потом хватитесь: ни жены, ни детей.

Родион горько улыбнулся:

– Что-то похожее я уже слышал от пожилого умирающего человека. Варя, ты меня пугаешь своими разговорами про женитьбу. Или ты тоже замуж собралась?

– Эх, Родион Петрович, вам все хаханьки. Это все убирать можно?

– Да. Варя, ты придешь ко мне? – спросил между прочим.

Варвара встала и подняла голову:

– Я вот это и имела в виду. Я у вас как скорая помощь, как палочкавыручалочка, всегда при месте. Вы меня, конечно, после такой дерзости выгоните – туда мне и дорога. Могла бы промолчать, но сердце не позволяет. Предупреждала вас, что присохнуть могу, вот и...

Родиона испугала эта откровенность девушки, он попытался свернуть разговор, к которому не был готов.

– Варя, сядь со мной рядом. Да, я пользовался твоей добротой, и думаю, что это было приятно нам обоим. Прости, сегодня я не могу об этом говорить, это серьезный разговор, оставим его на утро.

Варя рухнула перед ним на колени и зарыдала:

– Родион Петрович, только не гоните меня, только не гоните. Я вас так полюбила, так полюбила. Не за богатство ваше, мне бы легче было, будь вы мне ровней, и жили бы на зарплату от получки до получки. Зато у нас такая была бы любовь, что ангелы спускались с небес и любовались. Вот как я вас вижу. Не гоните, буду около вас до тех пор, пока не женитесь, чтобы передать с рук на руки. Можно, я уйду?

Она встала и нетвердой походкой ушла в свою комнату.

Бывакин действительно сильно устал за эту крестьянскую неделю и не хотел сейчас говорить с Варей о столь серьезном, лучше завтра по утрам. Выпил бокал коньяка и поднялся в свою спальню на втором этаже. Открыл шкаф, потрогал замаскированные дверцы сейфа, разделся и совершенно голым лег поверх пушистого одеяла.

Утром надел легкий светлый костюм и спустился вниз. Вари не было. Посмотрел на часы – десятый, могла в магазины пойти. Позвонил охране:

– Иван? Доброе утро. Варя в магазин ушла?

– Не видел, Родион Петрович, из дома вообще никто не выходил.

Родион вскочил и кинулся в комнату Вари. Она лежала в ночной рубашке, чуть прикрытая одеялом, и спала. Он присел на краешек кровати, тронул ее нежные волосы, щеку. Оцепенение сковало Родю. Щека была холодна. Он коснулся пальцем вены на шее и встал. Позвонил Ивану:

– Вызови милицию, Варя мертва.

– Как, Родион Петрович? Что случилось? Подойдите сюда, чтобы там не следить.

– Вчера мы с ней долго говорили, она призналась мне в любви, мы ведь с первого дня сошлись. А вчера она во мне все перевернула, призналась, что любит, просила не прогонять, сказала, что до моей женитьбы будет со мной, чтобы жене передать. Я вчера не мог с ней разговаривать, какой-то разбитый был, уставший. Попросил ее отложить разговор до утра. Сейчас хотел просить ее стать моей женой. И вот...

Иван быстро сориентировался:

– Родион Петрович, не мне вас учить, но вы сейчас в таком состоянии... Ментам ни слова за любовь, ни слова! Докопаются, припаяют доведение до самоубийства или того хуже, убийство начнут вязать. Простите, я для пользы дела: вчера вы с ней не спали?

– Нет.

Иван даже обрадовался:

– Это вас спасет. А про любовь ментам – это что оленям про танец маленьких лебедей. Легенда такая: увидел, пригласил, работала по дому, уходила на свидания, куда, с кем – не мое дело. Личных контактов никаких, оплата наличными. У нее есть деньги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.